
И. М. ПОРОЧКИНА
Л. Н. ТОЛСТОЙ
И СЛАВЯНСКИЕ
НАРОДЫ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

И. М. ПОРОЧКИНА

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Литературно-эстетические
и социально-философские взаимосвязи
второй половины XIX — начала XX века

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1983

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

Книга посвящена разносторонним творческим и личным связям Л. Н. Толстого с деятелями зарубежных славянских стран. Собран и подвергнут анализу обширный литературный и архивный материал (корреспонденция, дарственные надписи и пометы на книгах, выявленные в хранилищах Москвы, Ясной Поляны, Праги, Мартина и др.), который помогает уяснить характер и масштабы этико-философского воздействия Л. Н. Толстого на своих славянских современников, на развитие реализма в литературах славянских народов. Рассматривается также славянская тематика, славянские сюжеты в художественных и публицистических произведениях Л. Н. Толстого. Книга рассчитана на специалистов и всех интересующихся жизнью и творчеством великого русского писателя.

Рецензенты: канд. филол. наук *Н. К. Жакова* (Ленинградский университет), канд. филол. наук *О. М. Малевич* (Союз писателей СССР), канд. филол. наук *А. П. Соловьева* (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР).

ИБ № 1648

Ирина Макаровна Порочкина

Л. Н. Толстой и славянские народы

Литературно-эстетические и социально-философские взаимосвязи второй половины XIX — начала XX века

Редактор *И. С. Яворская*
Художественный редактор *А. Г. Голубев*
Технический редактор *А. В. Борщева*
Корректор *М. В. Унковская*

Сдано в набор 11.11.82. Подписано в печать 16.03.83. М-41035. Формат 60×90 1/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,5.+2 п. л. вкл. на мел. бум. Усл. кр.-отт. 12,69. Уч.-изд. л. 11,65. Тираж 4000 экз. Заказ № 287. Цена 1 р. 30 к.
Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

П $\frac{4603000000-063}{076(02)-83}$ 140—82

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Л. Н. Толстого еще при жизни автора получило широкую известность за пределами России. «...Гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы»,[1] — так охарактеризовал писателя В. И. Ленин в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции». В другой своей статье, написанной в связи с кончиной Толстого, В. И. Ленин писал: «Умер Лев Толстой. Его мировое значение как художника, его мировая известность как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции».[2] И далее: «... Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе».[3]

Ученые разных стран единодушны в том, что современный реализм немыслим без творческих открытий Толстого, ставших базой для дальнейшего развития реалистического метода. Международному значению творчества Толстого посвящены содержательные работы советских и зарубежных исследователей.[4] Однако вопросы взаимоотношений, литературных и личных, Л. Н. Толстого с деятелями культуры и национально-освободи-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 208.

[2] Там же, т. 20, с. 19.

[3] Там же.

[4] Мотылева Т. Л. 1) Мировое значение Л. Н. Толстого. М., 1960; 2) «Война и мир» за рубежом. М., 1978; Зиннер Э. П. Творчество Л. Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX и начала XX столетия. Иркутск, 1961; Литературное наследство. Т. 75. Л. Н. Толстой и зарубежный мир. Кн. I—II. М., 1965; Шифман А. И. Л. Н. Толстой и Восток. 2-е изд. М., 1971; Ломунов К. Лев Толстой в современном мире. М., 1975; Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник. 4-е изд. М., 1978.

тельного движения в славянских странах мало исследованы. Особую интенсивность связи Толстого со славянским миром приобретают в последнюю четверть XIX — начале XX в. В литературном плане — это время, когда преобладающим течением является реализм. В историческом — заключительный этап борьбы за национальное освобождение, период становления и развития социал-демократических движений в славянских странах. Для русского народа — период предреволюционный и революционный, завершившийся победоносным Октябрем.

В начале XX в. на смену изжившему себя панславизму приходит так называемый неославизм, среди славянской художественной интеллигенции усиливается тяготение к русской философии и художественной мысли. Передовая русская литература и эстетика имели огромное значение для культурного развития славянских народов, для становления и развития критического реализма, для общественно-политической борьбы в славянских землях. Л. Н. Толстой являл собой высокий пример писательского бесстрашия и давал замечательные образцы словесного реалистического искусства. В гениальном мастере слова ценили борца против деспотизма и насилия.

Яснополянская усадьба Л. Н. Толстого на рубеже веков становится Меккой для многих славянских деятелей. В качестве личного врача в семье Толстого жил словак Душан Петрович Маковицкий, оставивший уникальные дневниковые записи.[5] Среди многолетних корреспондентов Толстого — болгары Г. Ст. Шопов, написавший первую у зарубежных славян книгу о великом русском художнике, Х. Досев, один из организаторов толстовской земледельческой колонии в Болгарии, деятельный издатель журнала «Възраждане», печатавшего художественные и нравоучительные произведения Толстого, статьи о нем. Сербы, хорваты, словенцы, поляки, лужичане — частые гости в Ясной Поляне.

Это общение оставляло след в дневниках Толстого, записях С. А. Толстой, Д. Маковицкого, других окружавших Толстого лиц. Библиотека писателя пополнялась десятками книг на славянских языках, присылаемых его зарубежными почитателями и единомышленниками. Некоторые из книг Толстой внимательно прочитывает, оставляя на полях пометы, другие только просматривает, иные откладывает неразрезанными.

Толстому пишут, многим он отвечает. В переписке Толстого со славянскими деятелями сложные проблемы времени соседствуют с житейскими подробностями.

С годами славянская тематика начинает занимать все большее место и в произведениях Толстого. В ряде случаев можно говорить даже о влиянии славянской духовности на творчество

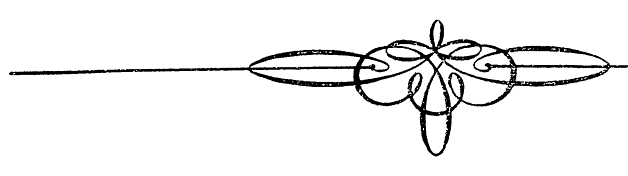
[5] Литературное наследство, т. 90. У Л. Н. Толстого: Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. I—V. М., 1979—1981.

русского реалиста. Особый интерес представляют статьи Толстого по так называемому «славянскому вопросу». Уяснить позиции писателя, с которых он подходил к национальному движению у славянских народов, можно только исходя из анализа его мыслей о войне и мире, нравственном самоусовершенствовании, исходя из его философских воззрений.

Неизученные и большей частью неизвестные архивные материалы, использованные в книге, дают возможность полнее оценить значение Л. Н. Толстого в социально-духовной жизни славян, выявить особенности восприятия толстовского творчества различными социальными слоями и восприятия Л. Н. Толстым культурных и общественных проблем славянского мира.

Автор не ставил своей целью включить в книгу все материалы, имеющие отношение к данной проблематике, но стремился привлечь их в той степени, какая была необходима, чтобы дать представление о размахе и прочности связей русского писателя с его славянскими современниками.

За помощь в работе автор приносит глубокую благодарность сотрудникам Государственного музея Л. Н. Толстого (ГМТ), в котором почерпнута большая часть рукописных и фотоматериалов, сотрудникам Музея-усадьбы Ясная Поляна, Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), Центрального государственного исторического архива (ЦГИА), Литературного архива Музея чешской литературы в Праге (ЛАП), Матицы словацкой в Мартине (МСМ), Матицы сербской в Новом Саде, рукописного отдела Института русской литературы АН СССР, коллегам по кафедре славянской филологии Ленинградского университета.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА Л. Н. ТОЛСТОГО К СЛАВЯНАМ. СЛАВЯНСКАЯ ТЕМА В РОМАНАХ Л. Н. ТОЛСТОГО. Л. Н. ТОЛСТОЙ И РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ

Первое соприкосновение Л. Н. Толстого со славянами, со славянской культурой восходит к детской поре писателя. Из воспоминаний самого Толстого известно, что одним из его любимых занятий в детстве была игра в «муравейных братьев», в которую старший брат Николай вкладывал особый смысл. «...Когда нам с братьями было, мне пять, Митеньке шесть, Сереже семь лет,— вспоминает Л. Н. Толстой, — он объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями». Толстой поясняет: «Вероятно, это были моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были „муравейные братья...". Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешенными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же».[1] Толстой говорил это в 1903 г., спустя семьдесят лет после своего первого, неосознанного, знакомства с моравскими (или чешскими) братьями — религиозной сектой, возникшей в XV в. и проповедовавшей необходимость всеобщего социального равенства. О «братьях» в России было известно давно, члены секты, или общины, чешских братьев, спасаясь от гонений 1620—1626 гг., искали убежища в разных странах Европы, в том

---

[1] Цит. по: Бирюков П. И. Материалы к биографии Л. Н. Толстого. М., 1905, с. 85, 86.

числе и в России. Даже среди близких к Толстому людей оказались потомки чешских переселенцев.[2]

По всей вероятности, также в детстве услышал Толстой и о поляках — ведь его отец, Н. И. Толстой, некоторое время жил в Польше. Впоследствии в Казани, где юный Толстой учился в Университете, на Кавказе, где служил в армии, в Крыму, где воевал, будущий писатель не раз встречался с поляками. В 1856 г. проездом в Париж Л. Н. Толстой побывал в Варшаве. Не исключено, что пробуждению интереса Толстого к Польше способствовал А. И. Герцен, с которым он встречался во время своей второй заграничной поездки (1858). Именно тогда Толстой посещает И. Лелевеля, замечательного польского ученого и политического деятеля, доживавшего свой век в эмиграции в Брюсселе. «Из брабантских кружев (т. е. из Брюсселя.— *И. П.*) я вчера вырвался и нынче ночую в Эйзенахе, — сообщал Толстой Герцену в письме от 28 марта (9 апреля) из Франкфурта-на-Майне, — день в Иене, два дня в Дрездене и — в Варшаву, которая все больше и больше интересует меня. Ежели найду случай, напишу вам из Варшавы». К сожалению, как выясняется из этого же письма, Толстой уничтожил существенную для нас корреспонденцию: «. . .почему-то два или три письма, в которых я писал к вам про Лелевеля и про впечатленье, произведенное им на меня, я разорвал».[3] Видимо, впечатление было сильным. Упоминание о «бойце за свободу» Иоахиме Лелевеле, «умирающем на чердаке у цирюльника», спустя много лет появилось в черновых набросках повести «Поликушка».

Болгар Толстой встретил на полях сражений, находясь в 1854 г. в действующей армии под Силистрой, где он стал свидетелем народной трагедии, очевидцем жестоких расправ турок над местными жителями. Молодой Толстой был глубоко потрясен виденным и сообщал в письме к своей тетушке Т. А. Ергольской и брату Николаю: «Как только мы оставили несколько болгарских деревень, которые занимали раньше, турки пришли туда и, исключая молодых женщин, годных для гарема, уничтожили все, что там было. Я знаю деревню, в которую я ходил за молоком и фруктами, которая была таким образом разорена. Так что, как только князь дал знать болгарам, что кто желает, может перейти с армией через Дунай и стать русскими подданными, весь край поднимается и все с женами, детьми, лошадьми, скотиной подъезжают к мосту. . .».[4]

---

[2] Предки жены В. Г. Черткова, ближайшего единомышленника и друга Л. Н. Толстого. Об этом со слов ее брата сообщает чешский учитель К. Велеминский (Velemínský K. U Tolstého. Praha, 1908, s. 40).

[3] Летописи Государственного литературного музея: Л. Н. Толстой. К 120-летию со дня рождения (1828—1948). Кн. XII, т. 2. М., 1948, с. 6.

[4] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90-та т. М., 1928—1958, т. 59, с. 571—572. — В дальнейшем при ссылках на это издание номера томов и страницы будут указываться в тексте в скобках. Первая цифра означает том, вторая — страницу.

В пору русско-турецкой войны (1877—1878) интерес русских, в том числе и Толстого, к Балканам значительно оживился. Газеты изобиловали описаниями военных действий, болгарскими и сербскими именами, родственными тем, которые Толстой встречал, читая сербские народные песни в переложении А. С. Пушкина.

К идее освобождения народов вообще, и болгар в частности, силой оружия Толстой относился скептически. Это послужило Ф. М. Достоевскому основанием для полемики с ним. Этот скептицизм сказался в отрицательной оценке, данной Толстым в 8-й части «Анны Карениной» добровольческому движению. Ф. М. Достоевский, который, прочитав 6-ю и 7-ю части романа, назвал Толстого «богом искусства», после 8-й части стал решительно возражать автору, поскольку, в отличие от Толстого, мечтал об объединении всех славянских народов и видел в русско-турецкой войне путь к его осуществлению. Достоевский не мог согласиться с тем, что главный герой романа «Анна Каренина» Константин Левин не сочувствовал этой войне. Толстовский же герой выразил отношение самого писателя к «славянскому вопросу», одному «из тех модных вопросов, которые, сменяясь один другим, постоянно занимают общество» (20, 555), как значилось в одной из редакций романа. Левин отказывался принимать воинственный пафос прессы, раздувавшей вокруг войны патриотический ажиотаж, так как «не видел выражения этих мыслей в народе, в среде которого он жил, и не находил этих мыслей в себе» (19, 392). Толстой был убежден, что русскому народу, задавленному помещиками, урядниками, церковью, влачившему полуголодное существование, не до войн, пусть даже и ради вызволения братьев-славян. «Да кто же объявил войну туркам, — спрашивает тесть Левина, — Иван Иваныч Рогозов и графиня Лидия Ивановна с мадам Шталь?.. Почему все русские так вдруг полюбили братьев-славян..?» (19, 387, 388). Левин вторит ему, утверждая, что «непосредственного» желания освободить славян «нет и не может быть» (19, 388).

В пору, когда создавался роман, Толстой писал своему другу А. Фету (ноябрь 1876 г.): «Ездил я в Москву узнавать про войну. Все это волнует меня очень. Хорошо тем, которым все это ясно, но мне странно становится, когда я начинаю вдумываться во всю сложность тех условий, при которых совершается история, как дама, какая-нибудь Аксакова с своим мизерным тщеславием и фальшивым сочувствием к чему-то неопределенному, оказывается нужным винтиком во всей машине» (62, 288). Толстого возмущало искусственное разжигание страстей и ура-патриотический угар вокруг русско-турецкой войны. Левину «хотелось сказать» Кознышеву, с которым он спорил по поводу войны, — читаем мы в черновой редакции романа «Анна Каренина», — «за что же ты осуждаешь коммунистов и социалистов? Разве они не укажут злоупотреблений больше и хуже болгар-

ской резни? Разве они и прекрасные умы, работавшие в их направлении, не выставляют свою деятельность доводами более широкими и разумными, чем Сербская война..? У вас теперь угнетение славян — и у них угнетение половины рода человеческого. И общественное мнение, если оно судья, то едва ли не будет больше голосов в их пользу, чем в вашу, если так же муссировать дело, как вы».[5] Как известно, редактор «Русского Вестника», где печатался роман, Катков не пожелал опубликовать последнюю часть «Анны Карениной» именно из-за отрицательного отношения Толстого к панславянской истерии.

Так впервые в художественное творчество Толстого вошла «славянская тема». В прежних произведениях писателя она еще не звучала, там фигурировали лишь персонажи славянской национальности (поляки в «Севастопольских рассказах» и др.), да кое-какая славянская топография: Праценские (Пратецкие) высоты в Моравии, на которых в туманное утро Аустерлицкой битвы находился Кутузов; чешская деревня Шлапанице, где в окружении своих маршалов стоял Наполеон («Война и мир») и т. д. При этом для Толстого, как и для большинства его современников, не имело значения, что речь идет именно о славянских краях. В духе исторически сложившейся традиции моравские поселения он сплошь и рядом называет по-немецки: не Вышков, а Вишау, аттестуя его как «маленький немецкий городок», не Брно, а Брюнн и т. д. Да и вообще Толстой не был склонен делать больших различий между национальностями, подходя ко всем народам со столь дорогими ему общечеловеческими, этическими и нравственными мерками. «Он одинаковых со мною взглядов, то есть любит людей, а не русских или немцев» (65, 229), — с удовлетворением отмечал Толстой в Лескове.

И в романе «Анна Каренина» славянская тема, хотя она здесь уже не просто фон и антураж, занимает автора лишь как часть более широкой и насущной для него проблемы войны, в которой он отказывается видеть средство разрешения конфликтов. С горькой иронией говорит Толстой о побудительных мотивах и обстоятельствах отъезда на войну некоторых своих персонажей. Мать Вронского находит в войне спасительный выход из того положения, в какое поставило в свете ее и ее сына самоубийство Анны: «Это бог нам помог — эта сербская война» (19, 360), — кощунственно говорит она. Сам Вронский также руководствуется отнюдь не высокопатриотическими или славянофильскими побуждениями. «...Чтоб умереть не нужно рекомендаций. Нешто к туркам... Жизнь для меня ничего не стоит» (19, 361), — говорит он, отказываясь от предложенного ему Кознышевым рекомендательного письма к Ристичу и Милану, —

---

[5] Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963, с. 368.

так названы в романе, один по фамилии, другой по имени, Йован Ристич, тогдашний министр иностранных дел Сербии, и Милан Обренович, в те годы князь, а затем король сербский. На решение Вронского отправиться в действующую армию повлиял его приятель Яшвин, который «все проиграл и собрался в Сербию» (19, 360).

Спустя двадцать лет, уже давно обдумав и не раз сформулировав принципы своей философии непротивления злу насилием, Толстой опять возвращается к теме русско-турецкой войны в романе «Воскресение», подчеркивая еще один аспект — развращающее влияние войн, которыми оправдывали «сумасшествие эгоизма» (32, 49), характерное для царских офицеров. Оно охватило и Нехлюдова, «после объявления войны Турции» (32, 50) поступившего на военную службу. Именно в пору, когда он стал вести бездумную жизнь армейского фата и кутилы, он погубил влюбленную в него Катюшу Маслову.

При этом Толстой вовсе не был чужд истинного патриотизма и, по свидетельству жены писателя, даже подумывал, не отправиться ли ему в действующую армию, когда русские одно время терпели на Балканах неудачи.

Однако патриотизм славянофильского толка он решительно отвергал. Отношения со славянофилами у Толстого были сложные. Отдавая должное писательским и личным достоинствам С. Т. Аксакова и А. С. Хомякова, видным славянофилам, он в то же время не принимал их программы — смеси шовинизма и православия. Славянофильской доктрине освобождения славянства силой оружия Толстой отказывает в жизненности, а самим славянофилам — в знании подлинных запросов народа. Иронизируя по поводу предстоящей женитьбы сына С. Т. Аксакова Ивана, еще более ревностного славянофила, чем его отец, на дочери Ф. И. Тютчева, Толстой писал своей двоюродной тетке А. А. Толстой: «Я думаю, что ежели от них родится плод мужеского рода, то это будет тропарь или кондак, а ежели женского рода, то российская мысль, а, может быть, родится существо среднего рода — воззвание и т. п. Как их будут венчать? И где? В скиту? В Грановитой палате или в Софийском соборе в Царьграде? Прежде венчания они должны будут трижды надеть мурмолку и, протянув руки на сочинения Хомякова, при всех депутатах от славянских земель произнести клятву на славянском языке».[6]

Сколько тут недоверия ко всякого рода панславистским собраниям, съездам, недоверия, сопровождавшего Толстого до конца его дней.

Фразерство и ханжество поздних славянофилов, которые «закрыли глаза на истину» (63, 112), Толстой высмеивал и в своих

---

[6] Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой. 1857—1903. СПб., 1911, с. 214—215.

художественных произведениях. Встретив после суда над Масловой Катерину Алексеевну, «сорокалетнюю девицу-славянофилку» (32, 90), непременную посетительницу великосветских салонов (эпизодический, но применительно к интересующей нас теме знаменательный персонаж романа «Воскресение»), Нехлюдов, уже начавший по-новому воспринимать окружающее, неприязненно отметил «французские фразы славянофилки» (32, 90). Толстого коробило несоответствие между антинародной сущностью иных славянофилов и их напускным народолюбием, между салонными разговорами по-французски и разглагольствованиями о «матушке-Руси», о «многострадальном» русском мужике. Возможно, отчество упомянутой героини намекало на славянофильскую преемственность — ведь Хомякова звали Алексей Степанович. Катерина Алексеевна олицетворяла выхолостившееся с годами славянофильство.

Надо, однако, сказать, что, не слишком интересуясь на первых порах славянским миром и его проблематикой, Толстой явно недооценивал практическую и моральную помощь, которую оказывали славянофилы зарубежным славянам, сочувственно относясь к идее их национальной самобытности и самостоятельности, переводя произведения зарубежной славянской литературы, содействуя публикации в русской печати научных трудов славянских ученых, добиваясь стипендий для студентов из зарубежных славянских стран. Правда, панславянский протекционизм славянофилов заходил так далеко, что всю европейскую историю и культуру они делили на два мира: мир латинский, романо-германский, католический и мир восточный, греко-славянский, православный. Это, естественно, приводило к натяжкам, искажению объективного смысла и значения некоторых явлений славянского прошлого. Так, например, историк славянофильского толка Е. П. Новиков в своей работе «Гус и Лютер» задался целью если уж не обратить в православную веру великого чешского реформатора, то по крайней мере изобразить его преемником кирилло-мефодиевской традиции, неправомерно противопоставить единомышленнику Лютеру.

Понимание, с каким славянофилы относились к положению в славянских землях, а также утверждение ими приоритета России в деле освобождения славян получили у последних большой резонанс и снискали многочисленных приверженцев. Общественные деятели не прочь были воспользоваться поддержкой славянофилов в своих политических целях. К примеру, лидеры чешского национально-освободительного движения, отнюдь не разделяя, как и Толстой, гегемонистских устремлений русских панславистов, сочли для себя полезным (в целях антигабсбургской демонстрации) принять участие в устроенной славянофилами Этнографической выставке в Москве (1867).

Введенный в заблуждение размахом этого мероприятия и пышностью приема славянских депутаций, прогрессивный чеш-

ский журналист Э. Вавра (кстати, один из первых переводчиков Толстого на чешский язык) писал в Прагу: «Русское дворянство будет основывать всеславянские библиотеки, усердие к изучению чешского языка растет... Славянская цивилизация имеет особое значение, если я вам изложу ее так, как мне излагали здешние профессора». Вместе с тем Вавра иронизирует над чрезмерной восторженностью своего земляка, известного писателя и ученого К. Я. Эрбена, который «говорит комплименты каждому лакею» и которому все в России «ужасно нравится».[7] Особую признательность к России, к русским славянофилам питали балканские славяне.

Что в этом попечительстве была изрядная доля спекулятивного политиканства, которое столь прозорливо высмеивал Толстой, со всей отчетливостью выявилось для многих на рубеже нового века. Крупный югославянский ученый В. Ягич сетовал в письме к А. А. Шахматову (11 ноября 1900 г.): «Покойный министр и президент Академии наук ...не шевельнул пальцем, когда я колебался, не остаться ли мне в России, потому что считал меня братом-славянином... иные люди не чужды этой слабости, этих предрассудков, что „брат-славянин" существо, заслуживающее, пожалуй, сожаления и в известных случаях милостыни, но никак не уважения».[8]

Тщетны были попытки славянофилов, этих «романтиков ретроспективной утопии» (В. И. Кулешов), привлечь Толстого на свою сторону. По всей вероятности, именно славянофильство дискредитировало в его глазах и саму славянскую тему, в то же время полемика со славянофилами помогла писателю уяснить и конкретизировать свое отношение к зарубежным славянам. В первые годы XX в. он поднимает свой голос в защиту угнетенных славян, обращается к теме национального и социального угнетения славянских народов, но не с позиций обветшалого и отвергнутого им славянофильства, а в духе своего универсального абстрактного гуманизма и обретенной на рубеже веков публицистической боевитости.

---

[7] Ровда К. И. Россия и Чехия. Л., 1968, с. 62.

[8] Кораблев В. И. Памяти академика И. В. Ягича. — Труды Института славяноведения АН СССР. Т. II. Л., 1935, с. 322.

Глава 2

Л. Н. ТОЛСТОЙ О П. ХЕЛЬЧИЦКОМ. ЧЕШСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СЮЖЕТ О ЯНЕ ПАЛЕЧЕКЕ

На рубеже 70—80-х годов Л. Н. Толстой пережил глубокий духовный кризис. Погрузившись в нравственно-этические проблемы, он критически пересматривает свое художественное творчество. Подтверждение собственным религиозным концепциям он ищет в окружающей действительности, а также в этических учениях прошлого.

В середине 80-х годов Толстого заинтересовывает младший современник Яна Гуса и его соотечественник, выразитель крестьянской идеологии XV в. Петр Хельчицкий (ок. 1390—ок. 1460). Знакомство с трудами чешского мыслителя состоялось при посредстве самих чехов. По выходе философского кредо Толстого «В чем моя вера?» (1885) они обнаружили родство философии Толстого с этическим учением чешских братьев (Т. Г. Масарик) и идеей непротивления злу насилием, которую проповедовал П. Хельчицкий (Павел Дурдик). В печати взгляды Л. Толстого и П. Хельчицкого впервые сопоставил известный чешский историк Я. Голл.[1] Уведомленный из Праги о его статье, Толстой писал впоследствии, как много значила для него эта неожиданная аналогия: «...я получил из Праги письмо от профессора тамошнего университета, сообщившее мне о существовании никогда нигде не напечатанного сочинения чеха Хельчицкого XV века под названием „Сеть веры". В сочинении этом, как писал мне профессор, Хельчицкий около четырех веков тому назад высказывал тот же взгляд на истинное и ложное христианство, который высказывал и я в сочинении „В чем моя вера?" Профессор писал мне, что сочинение Хельчицкого должно быть издано в первый раз на чешском языке в журнале Петербургской академии наук. Не имея возможности достать самое сочинение, я постарался познакомиться с тем, что известно о Хельчицком, и такие сведения я получил из немецкой книги, присланной мне тем же профессором, и из истории чешской литературы Пыпина... Узнав таким образом сущность учения Хельчицкого, я с тем большим нетерпением ожидал появления „Сети веры" в журнале Академии» (28, 16, 17).

Но еще до выхода книги Хельчицкого Толстой ознакомился с нею по корректурным листам. «Был у нас Страхов и уехал, привез мне „Сеть веры" Хельчицкого, — сообщал писатель П. И. Бирюкову, — напечатанная вся в листах, вся напечатанная по-чешски, но по-русски приложенный перевод не кончен печатанием — около одной трети. Очень замечательное сочине-

[1] Goll J. Lev Tolstoj a jeho náboženství. — Lumír, 1886, č. 7.

ние. Хотя я и многого ожидал от него, я не был разочарован» (64, 268).[2] В трактате «Царство божие внутри нас» (1890—1893), Толстой вкратце изложил содержание «Сети веры». Это самое точное изложение в литературе о Хельчицком. «Книга эта — одна из редких, уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство, — писал Л. Н. Толстой. — Все такие книги, названные еретическими, сожжены вместе с авторами, так что древних сочинений, обличающих отступление официального христианства, очень мало, и потому эта книга особенно интересна. Но кроме того, что она интересна, как ни смотреть на нее, книга эта есть одно из замечательнейших произведений мысли и по глубине содержания, и по удивительной силе и красоте народного языка, и по древности» (28, 18).

Тот факт, что Толстой так свободно и уверенно излагал содержание «Сети веры», а также чутко уловил художественную выразительность чешского памятника, наталкивает на мысль, что писатель знакомился с трудом Хельчицкого в оригинале, а не по русскому отрывку.

В мае 1890 г. Л. Толстого посетил чешский политик К. Крамарж, который сразу по возвращении на родину опубликовал статью о встрече с Толстым. По его свидетельству, Толстой расспрашивал его в первую очередь о П. Хельчицком и Я. Гусе, забвение памяти и принципов которых ставил в вину чехам: «Гус и чешские братья! — в этом для Толстого все значение чешского народа в истории человечества», — сообщал К. Крамарж.[3]

Книга Хельчицкого была издана в Петербурге Академией наук как «сборник отделения русского языка и словесности» (1893). Введение было написано В. Ягичем, известным славистом, хорватом по национальности. Основную часть книги составлял чешский текст, за ним следовал подробный пересказ на русском языке. «Сеть веры» тотчас после выхода послал Толстому его давний друг, критик В. В. Стасов. «Я попробую послать заметку о Хельчицком, о том, что он напечатан, туда и сюда», — писал Толстой Стасову, имея в виду крупнейшие европейские столицы (26, 434).[4] Толстой стремился всячески популяризировать труд чешского философа. «Сеть веры» стала настольной книгой проживавших на Кавказе толстовцев.[5] Сам писатель не переставал поражаться тому, что Хельчицкий не получил всемирного признания и оказался среди забытых философов прошлого.

---

[2] Письмо от 18 июня 1889 г.

[3] Kramář K. U Tolstého. — Čas. IV, 1890, 26. června. — Впоследствии статья вошла в сб.: Československé vzpomínky na Jasnou Poljanu. Praha, 1925, s. 15.

[4] Письмо от 25 ноября 1893 г.

[5] Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. Вып. I. М., 1922, с. 64—65.

В середине 900-х годов возникла идея издания книги Хельчицкого в протолстовском издательстве «Посредник» в Петербурге. Толстой хотел написать предисловие к ней и разослать по европейским странам. Он заранее гордился тем, что благодаря его заметке о чешском философе станет известно англичанам и французам. 9 марта 1905 г. Д. Маковицкий записал: «За чаем Л. Н. прочел вслух биографию Хельчицкого[6] и вступление к „Сети веры", написанное академиком Ягичем. После чтения он сказал: „Надо из большего количества источников составить новую биографию. Какая замечательная личность!"».[7] Летом того же года близкий к дому Толстых пианист А. Б. Гольденвейзер занес в свой дневник: «Лев Николаевич выражал удивление, что историки говорят о Гусе, Лютере, а о таком, как Хельчицкий, даже не упоминают. А между тем это удивительный религиозный мыслитель».[8] На протяжении многих лет Толстой неизменно восхищался Хельчицким, обнаруживая в его трудах созвучные своим мысли о стойком неповиновении, избирающем пассивные средства, о нравственном противостоянии церковным и светским властям: «Я не читал „Сеть веры" уже двадцать лет ... и теперь читаю с новым вкусом. В ней есть обо всем. Удивительная книга!»[9]

Так «муравейные братья» толстовского детства обрели этическое обоснование в практической философии чешского реформатора XV в. Система аргументации Хельчицкого и разработанная им тактика неповиновения использовались Толстым в его трактатах. В Чехии Толстой приобрел репутацию крупнейшего знатока и истолкователя идей великого крестьянского мыслителя. Чехи стали обращаться к русскому писателю за советами, как применить, как воплотить принципы философии Хельчицкого в жизни. Отвечая на вопрос давнего своего почитателя, политического деятеля и поэта К. Йонаша, Толстой рекомендовал прежде всего «напечатать сочинения Хельчицкого в наиболее доступном для большинства... крестьянства издании» (81, 146), а также воздерживаться от участия в каком бы то ни было «насилии», главное — отказываться от исполнения воинской повинности. «Мне кажется, — писал Толстой, — что движение это именно у вас, на родине Чешских братьев, должно получить широкое распространение и стать великим, благородным примером для других народов» (Там же).[10]

---

[6] Речь идет о работе чешского толстовца Я. Янačека, переведенной для Толстого Д. Маковицким.

[7] Маковицкий Д. Яснополянские записки. Вып. II. М., 1923, с. 83—84.

[8] Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1954, с. 168.

[9] Маковицкий Д. Яснополянские записки. — В кн.: Яснополянский сборник. Тула, 1955, с. 295 (запись от 10 марта 1905 г.).

[10] Письмо от 25 фев. 1910 г.

Интерес к П. Хельчицкому и чешским братьям предопределил выбор чешского сюжета для одного из рассказов Толстого. В основе этого сюжета, каким он предстает в цикле чешских анонимных новелл XVI в., лежали похождения рыцаря Яна Палечека — современника П. Хельчицкого. Став шутом чешского короля Иржи из Подебрад, правившего страной в смутное время после гуситских войн, Палечек выступал ревностным поборником христианского гуманизма чешских братьев. Его озорные проделки, веселые шутки, быстрый ум, находчивость, всесторонняя ученость снискали всеобщее восхищение.

В начале 1907 г. Л. Н. Толстой был увлечен идеей создания «Детского круга чтения». По замыслу писателя в «Круг чтения» должны были войти произведения как русских, так и зарубежных авторов. «Все подбираю детский Круг Чтения» (56, 185),— помечает он в записной книжке 28 февраля. 7 марта: «Читаю легенды и детские книги» (56, 186). 6 апреля: «Собирал рассказы, собрал 75» (56, 190). Благодаря этим поискам Толстого, все реже писавшего беллетристику, вновь потянуло к художественному творчеству, о чем свидетельствует запись от 7 апреля: «Читал сборник Горбунова. Гюго завлек в желание художественной работы» (56, 190). Свое желание Толстой частично осуществил, написав с апреля по июль 1907 г. шесть рассказов для детей. Но повторявшиеся периоды недомогания, физической слабости вызывали у писателя чувство неуверенности в своих возможностях: «Художественной работы хочется, но едва ли я теперь способен к ней. Впрочем, главное дело — не желать ничего для себя. Детский Круг Чтения есть достаточное служение» (56, 27).[11]

Среди многочисленных друзей и единомышленников Толстого, помогавших великому писателю материалами для «Круга чтения», были его чешские и словацкие почитатели. Посетивший в августе 1907 г. Ясную Поляну К. Велеминский, сторонник педагогических взглядов Толстого, писал: «Я обещал ему (Толстому.— *И. П.*) послать некоторые сказки Б. Немцовой для „Детского Круга". Он попросил у меня и других материалов из чешской литературы, не только сказок, а чего-нибудь повеселее, поостроумнее, чего, как он сказал, так не хватает в детской литературе».[12]

Именно в это время словацкий толстовец А. Шкарван прислал русскому писателю чешские новеллы о Яне Палечеке, обработанные литератором Я. Гербеном (1857—1936). Я. Гербен не был первым, кто обратился к легендарному сюжету. В 1868 г. чешский ученый и писатель К. Я. Эрбен издал выявленный к тому времени вариант «Истории Палечека». Поэт-романтик Й. В. Фрич опубликовал собственную версию возрождавшейся палечекиады, характеризуя героя как «единственного безумца

---

[11] Запись в дневнике от 30 апр. 1907 г.
[12] Velemínský K. U Tolstého. Praha, 1908, s. 9.

среди мудрецов и единственного мудреца среди безумцев».[13] Отдают дань Палечеку и крупнейшие чешские поэты второй половины XIX в. Я. Неруда и Св. Чех, а в начале 80-х годов изучением истории о Палечеке и его времени начинает заниматься Я. Гербен. Первая его статья на эту тему появилась в 1882 г. в приложении к юмористическому журналу «Палечек», год спустя он напечатал историческое исследование «Кленовский — Палечек», а в 1902 г. обработал для детей ренессансные новеллы о Яне Палечеке. Именно эта обработка и вошла в историю чешско-русских литературных связей. Называлась она «Брат Ян Палечек — шут короля Иржи». В небольшой монографии, посвященной памяти историка, журналиста, издателя, прозаика, каковым был автор обработки, чешский писатель Я. Врба охарактеризовал ее как «прекрасную книгу», «которая, несмотря на то, что она уже исчезла с книжных прилавков, все еще продолжает ходить по рукам маленьких читателей».[14] Значение гербеновского «Палечека» для «юношества наших дней» отмечал известный романист Ф. Кубка (1958).[15] На основе гербеновской обработки чешский последователь Толстого К. Йонаш пишет пьесу о Палечеке. А. Шкарван не жалеет труда на черновой перевод книги на русский язык, чтобы ознакомить с «Палечеком» Толстого и порекомендовать его в «Детский круг чтения».

12 мая 1907 г. Д. Маковицкий записывает в дневнике: «Шкарван прислал в детский „Круг чтения" „Брата Палечека"... Льву Николаевичу понравился, кое-что выберет».[16] Толстой сразу же ознакомился с присланной рукописью и стал подумывать о возможном использовании приглянувшегося ему сюжета. 21 мая Д. Маковицкий заносит в дневник запись: «Л. Н. утром и еще раз днем спрашивал меня про Палечека, Юрия Подебрада и Хельчицкого.

—Я хочу Палечеком воспользоваться, придумать, как он попал в шуты. Я представляю себе, что он был юродивый: „У меня один царь — в небесах", — и шел к старцу посоветоваться — поступить ли в шуты, и тот ему сказал, что можно, и тогда поступил. Детям очень нравятся такие рассказы. Он (Палечек) плакал, когда быка вели на бойню. Сюда можно вложить (прибавить) сказки, изречения восточной мудрости... Был шут Балакирев,[17] у Петра — ничтожный, но на него много придумали, а тут шут — единомышленник (Л. Н. употребил не это слово) Хельчицкого, моравский брат».[18]

---

[13] Frič J. V. Z kratochvílné historie o bratru Palečkovi. — Květy, 1866, č. 1, s. 35.

[14] Vrba J. Jan Herben. V Praze, 1937, s. 9.

[15] Herben J. Bratr Jan Paleček, šašek krále Jiřího. Praha, 1958, s. 52.

[16] Литературное наследство, т. 90. У Л. Н. Толстого: Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. II, с. 430.

[17] В 1871—1872 гг. Толстым был написан для «Азбуки» рассказ о шуте Балакиреве.

[18] Литературное наследство, т. 90, кн. II, с. 430.

Толстой составляет план будущего рассказа, затем зачеркивает его, и на обложке рукописи Шкарвана появляется новый план, уже окончательный. «Ничего не писал. Обдумывал Палечека», — читаем мы в записной книжке Толстого пометку от 10 июня 1907 г. (56, 198). Писать же Толстой начал, по-видимому, лишь во второй половине июня. В карманный ежедневник 24 июня писатель заносит: «Писал Палечека. Порядочно» (56, 200).

Первоначальный замысел, изложенный Маковицкому 21 мая, воплощен не был. Толстой ограничился лишь небольшой обработкой присланного из Чехии текста — скорее всего потому, что оригинал соответствовал в известной степени намерению Толстого написать для детей о «неунывающем весельчаке в бедствиях» (56, 28). Небольшие изменения, произведенные Толстым в гербеновском «Палечеке», сводились к вводу некоторых деталей и композиционным перестановкам. Например, эпизод с рыбами, по-видимому как менее значительный, отнесен Толстым в самый конец, а эпизод с обедом у богатых крестьян — в самое начало. Возможно, это было вызвано и тем, что Толстой упразднил деление на главы, и для связного рассказа логичнее было сообщить о сельских приключениях Палечека до его прихода в Прагу. Деление на главки было существенным в варианте Гербена — это согласовывалось с исторической традицией: сюжет о Палечеке в дошедших до наших дней памятниках распадается на двенадцать историй. Толстой же строит рассказ скорее по принципу житийной литературы, усиливая дидактичность отдельных эпизодов и подчеркивая религиозный радикализм своего героя. Весьма характерен в этом отношении эпизод встречи с разбойником. Палечек Гербена добровольно отдает напавшему на него свой кафтан и суму с деньгами впридачу, говоря: «Жизни своей я тебе не отдам, она принадлежит богу, а платье, коли хочешь, возьми, оно мое»[19] Палечек Толстого в аналогичной ситуации прозносит: «Если кто ударит тебя по правой щеке, подставь ему левую. А если кто отымает у тебя верхнюю одежду, отдай ему и рубашку» (40, 420). Гербен во вступительной части поясняет роль шута при королевском дворе. Толстой же начинает с пояснения того, что представляли собой моравские братья, сообщает об их связи с Хельчицким и о величии последнего. В эпилоге Гербен говорит о всеобщем уважении к Палечеку, о его прижизненной славе, о том, что «у него смекалистый ум и доброе сердце, он весело шутит и озорничает, и при всем том он вовсе не юродивый». Толстой заключает свое повествование канонически: после смерти Палечека всем стало ясно, что «шут был мудрец и святой человек» (40, 422).

Эти небольшие, казалось бы, изменения преобразили текст существенным образом. Не искажая дух чешского оригинала и

---

[19] Herben J. Bratr Jan Paleček.., s. 35.

не выходя за рамки исторического правдоподобия, Толстой в своей обработке усилил идеи всеобщей любви, братства, служения близким, почти дословно воспроизводя мысли, высказанные им в дневниках. Палечек у Толстого — крестьянин, который, «пока родители были стары», а братья малы, «за скотиной ходил, кормил семью», а когда родители умерли, а братья выросли, ушел из дому учить людей, «как жить истинно христианской жизнью» (40, 412). Палечек Гербена в соответствии с чешской литературной традицией — скорее символ вольнолюбивой, мудрой души народа, он бьется за некую абстрактно-христианскую правду и справедливость, наделен неиссякаемым юмором и житейским практицизмом, по происхождению он — мелкий дворянин, раздавший имущество бедным. Толстому Палечек рисовался «моравским братом», ему важна была идея братского единения: «...Человек-христианин, в каком бы положении ни находился, всегда может вести свою линию. И этот Палечек, он шут придворный — звание, казалось бы, самое негодящееся, чтобы проявлять христианство, — а он проводит его».[20] Готовясь вскоре после завершения работы над «Палечеком» к встрече в деревенскими детьми, Толстой заносит в дневник слова, которые он собирался произнести и которые могут служить своего рода автокомментарием к его рассказу: «Дети, любите друг друга. Лучше этого ничего сказать нельзя, потому что в этих словах все, что нужно людям. Исполняй люди эти слова, только старайся люди отучиться от ссор, зависти, брани, осуждения и всяких недобрых чувств к братьям, и всем было бы хорошо и радостно жить на свете» (56, 43).

И после написания рассказа о Палечеке Толстой продолжает интересоваться прообразом своего героя, о чем свидетельствует К. Велеминский. «Его интересовало, не осталось ли у нас следов каких-либо сект, и особенно чешских братьев. Когда я ему пояснил, что чешские братья после контрреформации слились с церковью реформатской, он хотел знать, в какой мере евангелисты восприняли чешско-братское вероучение».[21] И далее: «Его интересует все, что связано с чешским братством. Ему так понравился гербеновский «Палечек» в русском переводе Шкарвана, что он включил его с небольшими изменениями в свое новое сочинение для юношества. Ему хотелось бы получить дополнительные сведения о личности Палечека, но, к сожалению, таковых нет».[22]

«Детский круг чтения» так и не вышел. Толстой передал рассказ И. И. Горбунову-Посадову — главе издательства «Посредник», внеся в текст некоторые исправления. Однако по цензур-

---

[20] Литературное наследство, т. 90, кн. II, с. 460.
[21] Velemínský K. U Tolstého.., s. 8.
[22] Ibid., s. 9.

ным причинам рассказ при жизни Толстого не увидел света. В архиве И. И. Горбунова-Посадова он пролежал до 1933 г., когда был включен в сборник неизданных текстов Толстого.[23]

Но история толстовского «Палечека» на этом не заканчивается. В 1935 г. «Шут Палечек» Л. Толстого был переведен на чешский язык писателем Й. Коптой (1894—1962), бывшим легионером, хорошо владевшим русским языком, автором ряда получивших признание романов, рассказов, стихов, в творчестве которого не иссякала русская тема. В 1933—1936 гг. Копта работал в редакции крупнейшего пражского еженедельника «Лидове новины», куда для юбилейного номера по случаю двадцать пятой годовщины со дня смерти Л. Н. Толстого «советское посольство в Праге передало русский оригинал» — текст «Шута Палечека».[24] По всей видимости, это было не московское издание 1933 г., а одна из машинописных копий рассказа, поскольку в переводе Й. Копты воспроизведены места, которые Толстой в окончательном варианте изъял. Всего чешский перевод толстовского рассказа вышел в Праге четырежды.[25]

Й. Копте удалось воссоздать стилистический строй оригинала, верно передать его содержание и реалии, за исключением нескольких мест, не совсем правильно понятых или неудачно переведенных. Толстовский афоризм «Чтобы жить — богу служить» в переводе упрощен: «Чтобы учить их служению богу». У Толстого—в «ближайший приход», у Копты—«на ближайшую окраину» и т. п. Сличение текстов наводит на мысль, что переводчик находился под влиянием произведения Я. Гербена, некоторые пассажи в переводе выглядят как приближение русской версии к чешскому первоисточнику. Так, король Иржи из Подебрад (у Толстого — король Юрий) представлен у Гербена умным, проницательным правителем, который в лице Палечека хотел видеть не столько шута, сколько советчика. «Король Иржи был король мудрый, благородный и справедливый, он был мудрее, благороднее и справедливее других королей. И потому как он был мудрее, благороднее и справедливее, ему не нравилось иметь обыкновенного шута, который скакал бы перед ним в шутовском наряде и бренчал бубенцами. . . Он хотел, чтобы это был остроумный человек, который мог бы и развеселить и дать умный совет».[26] Толстой уклоняется от характеристики короля. Мотив благородного властелина его не интересует. «И захотел чешский король Юрий видеть его и взять его к себе во дворец, чтобы он служил ему шутом и забавлял его и гостей его» (40, 414).

---

[23] Толстой Л. Н. Неизданные тексты. М., 1933. — Отредактированный Толстым перевод Шкарвана был опубликован И. А. Покровской в кн.: Толстой — редактор. М., 1965.

[24] Kopta J. Větrný mlýn. Praha, 1955, s. 11.

[25] В 1935, 1947, 1950, 1955 гг.

[26] Herben J. Bratr Jan Paleček.., s. 7.

Внимание Толстого приковано к Палечеку. Не согласующуюся с гербеновской трактовкой фразу Толстого Копта в своем переводе завершает словами, несколько затушевывающими развлекательные цели короля. Коль скоро в русском оригинале ничего не говорится о мудрости Иржи, то Копта пытается хотя бы несколько смягчить «увеселительную» сторону дела.

В творчестве самого Копты с 1935 г. появляется образ веселого балагура, воплотившего в себе кое-что от шута, кое-что от поэта, кое-что от бунтовщика. Это — непоседа Кабрнос, литературная генеалогия и некоторые черты которого, по всей вероятности, восходят к Палечеку.[27] И после второй мировой войны Й. Копта не раз обращался к шуточным народным сюжетам.[28]

Если о влиянии на творчество Й. Копты толстовской обработки можно говорить лишь предположительно, то такое влияние совершенно неоспоримо в произведениях другого чешского писателя, современника Й. Копты — Ф. Кубки. Ф. Кубка (1894—1969), тоже в свое время легионер, автор романов, рассказов, фельетонов, воспоминаний, переводчик русской поэзии и прозы, с произведениями Толстого был знаком с детства. Позднее «учился его великому языку... на его поэме в духе Руссо о любви и благотворной природе — „Казаках"»[29] — первой русской книге, которую Ф. Кубка прочитал, оказавшись в конце первой мировой войны в России. Чешский писатель не раз беседовал о Толстом с его последним секретарем В. Ф. Булгаковым, много лет прожившим в Чехословакии, переводил «Анну Каренину»,[30] писал о Толстом. После первой мировой войны у Кубки рождается замысел романа о Тиле Уленшпигеле в Праге. Но работа не пошла дальше черновых набросков: «слишком чужд был Уленшпигель, хоть и бунтарь и утешитель униженных, чешскому духу, слишком мало было в нем чешского».[31] Позднее Ф. Кубка знакомится с произведением Л. Н. Толстого о чешском шуте-мудреце, что дает новый толчок его творческим исканиям. «Для меня всегда будет иметь значение, — писал Ф. Кубка, — что Толстой пересказал „Брата Яна Палечека" Гербена. С той поры, как я узнал об этом, меня неотступно преследовала мысль написать о Палечеке, шуте короля Иржи».[32]

Над романом «Улыбка и слезы Яна Палечека» Ф. Кубка начал работать во время оккупации. В сборнике его рассказов «Пражский ноктюрн» (1943) была опубликована новелла

---

[27] Kopta J. 1) Několik příběhů ze života blázna Padrnosa. Praha, 1935; 2) Smějte se s bláznem. Praha, 1939; 3) Hodiny a sen. Praha, 1941; 4) Blázen Kabrnos. Praha, 1945.

[28] Kopta J. 1) Kratochvílné děje naší vlasti. Praha, 1952; 2) Chytrý Honza z Čech. Praha, 1957.

[29] Kubka F. Setkání s knihami. Praha, 1963, s. 100.

[30] Роман в переводе Ф. Кубки вышел дважды — в 1929 и в 1931 гг.

[31] Kubka F. Setkání s knihami.., s. 19.

[32] Ibid., s. 113.

«Улыбка Палечека» — зародыш будущего эпического произведения.

Интерпретация образа Палечека у Ф. Кубки резко отличается от толкований как Я. Гербена, так и Л. Толстого. Палечек Ф. Кубки — благородный рыцарь, образованный дворянин, разорившийся в тревожное время междоусобиц после недавних гуситских войн. Он отнюдь не шут короля, а слуга народа, его заступник в маске шута, он близок к нашему времени, о чем свидетельствует сам писатель: «Во время оккупации погиб друг моей молодости коммунист, врач Яромир Боучек. До самой смерти он колесил, блуждал по Праге, веселый и сердечный, принося знакомым и незнакомым утешение и надежду на будущее. Таким я представлял себе рыцаря Палечека, утешителя скорбящих! Мой Палечек пятнадцатого столетия стал для меня родным братом чешского прогрессивного интеллигента времен фашистской неволи».[33]

Но, как шутливо признается Ф. Кубка, «такого гения, как Толстой, нельзя безнаказанно читать и переводить».[34] При всем отличии замысла Толстой проглядывает в отдельных эпизодах романа, особенно в его первоначальном варианте. В пятом разделе «Пражского ноктюрна», где автор сгруппировал некоторые истории о Палечеке, еще не нашедшие здесь своей окончательной разработки, в эпизоде с разбойником трудно сказать, кого больше — Гербена или Толстого.

Слова, с которыми герой отдает напавшему на него разбойнику платье и деньги («Как стоит в писании: если у тебя отнимают платье, отдай впридачу и плащ, а если кто возьмет у тебя и платье и плащ и уйдет, пойди за ним и отдай ему еще и кошелек»[35]), не спокойно рассудительные по-гербеновски («Жизни своей я тебе не отдам, она принадлежит богу, а платье, коли хочешь, возьми, оно мое»), в них — пафос евангельской заповеди, произносимой толстовским героем. Впрочем, эта сцена в окончательном варианте романа изменилась до неузнаваемости: юный рыцарь Палечек, направляющийся в сопровождении своего верного слуги на учение в далекую Италию, не только не отдает напавшим на них в дремучем лесу разбойникам платье и деньги, но, накормив их, приводит в город и передает в руки городских властей с условием, что им дадут работу. В завершенном в 1948 г. романе с трудом узнаются средневековые истории, некогда сложившиеся в типично ренессансной форме коротких новелл. Они преобразовались в сочное, с изобретательной фабу-

---

[33] Цит. по: Кубка Ф. Улыбка и слезы Палечека. М., 1963, с. 10 (вступительная статья О. М. Малевича).

[34] Ф. Кубка указывал, что в сцене рождения Я. Палечека следовал описанию родов в «Анне Карениной» (там же, с. 11).

[35] Kubka F. Pražské nokturno. Praha, 1944, s. 151.

лой, насыщенное ароматами далеких времен, эпическое повествование.

Спустя десять лет после выхода романа Ф. Кубка снабдил предисловием очередное издание гербеновского «Брата Яна Палечека — шута короля Иржи». Горячо рекомендуя книгу читателям, Кубка в заключение писал: «Если Толстому была особенно дорога идея самоотречения, покорности и глубокой человечности, которой проникнуты приключения Палечека, то нам всегда будет близка честность, остроумное балагурство и нравственная непримиримость Палечека, его юмор, который является юмором позитивным и боевым. Этот юмор служит и униженным. Он подготавливает лучший, прекраснейший мир. Это юмор глубоко чешский по своему благодушию и проницательности. Это юмор творческий и человечный».[36]

[36] Kubka F. Herbenův Paleček. — In: Herben J. Bratr Jan Paleček.., s. 52.

Глава 3

СЛАВИКА В ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Л. Н. Толстой был связан со славянскими странами многими нитями: в усадьбу приходила обильная книжная и газетно-журнальная почта, славянские деятели присылали ему свои произведения, писали ему, навещали его в Ясной Поляне.

На полках яснополянской библиотеки стояли труды русских и зарубежных славистов: «Причины гуситско-таборитского движения», «Табориты и их общественно-политические идеалы» С. А. Венгерова, «Три мира Азийско-Европейского материка» В. И. Ламанского, «История славянской филологии» В. Ягича, «Несколько замечаний о научной постановке славянской истории», «Речь о славянских первоучителях Кирилле и Мефодии», «Ян Коллар и западное славянофильство» А. С. Будиловича, «Карта славянских народностей» Н. С. Зарянко, «Первый русский путеводитель по Чехии, Моравии и другим австрийским славянским землям» (1904—1905), славистическая периодика («Славянский век», «Славянское обозрение» и др.), антологии славянской поэзии («Славянская муза» В. В. Уманова-Каплуновского, «Славянские поэты» С. Штейна), отдельные издания переводов из славянских прозаиков и поэтов («Лабиринт света и рай сердца» Я. А. Коменского, «Старинные сказания чешского

народа» А. Ирасека, «Небожественная комедия» З. Красиньского, книги рассказов Э. Ожешко, произведения Б. Пруса, Вл. Реймонта и др.). Упомянутую книгу В. И. Ламанского, противопоставлявшего греко-славянский мир миру романо-германскому и отводившего России активную, главенствующую роль в национальном движении славян, просил автора прислать Льву Николаевичу Д. П. Маковицкий. 27 октября 1894 г. он из Липтовского Ружомберока (Словакия) писал В. И. Ламанскому: «Месяц назад я был у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.[1] Среди прочего он расспрашивал меня о политическом положении нас, западных славян, о борьбе и о наших программах. В этих разговорах он несколько раз выражал свой интерес к нашим проблемам и сказал, что охотно прочитал бы книги о западных славянах, и в первую очередь такие, где речь идет о будущем западных славян. По его словам, знакомство даже с чуждыми взглядами помогают ему уточнить собственные мысли и взгляды. Когда я сказал Льву Николаевичу о Ваших „Трех мирах", он удивился, что не знает этого труда, и сказал, что достанет его и прочитает. Спрашивал и о Вас». Вслед за этой косвенной просьбой Маковицкий, уже не обинуясь, высказывает и другую: «Приехав домой, я справился у Й. Шкультеты, какие работы следовало бы рекомендовать Толстому. Он назвал „Славянство и мир будущего" Штура,[2] а также „Славянское обозрение" (1892) Будиловича[3]... Поскольку сочинение Штура у нас достать невозможно, я осмеливаюсь просить Вас, — будьте так добры! — пошлите его Льву Николаевичу. Я сегодня написал ему, что прошу Вас об этом... Не могли ли бы Вы порекомендовать еще какие-либо труды для Льва Николаевича...»[4]

Однако славянофильские предубеждения помешали тогда Ламанскому выполнить просьбу Маковицкого. Черновики письма, которое он намеревался отправить Толстому, красноречиво свидетельствует о том, как относились адепты официозного панславизма к автору «Христианства и патриотизма». Ламанский упрекал писателя в равнодушии к бедственному положению славян в Австро-Венгрии. «Штура Вы читать не будете», — писал он и сетовал на мнимую нетерпимость Толстого.[5] С годами ученый изменил свое мнение о Толстом; в 1902 г. он посетил его в Гаспре, в 1908 одобрительным письмом отозвался о

---

[1] Речь идет о первой встрече Д. Маковицкого с Л. Н. Толстым, положившей начало их многолетнему общению.

[2] Названное сочинение Л. Штура было переведено на русский язык В. И. Ламанским (1861).

[3] В «Славянском обозрении», издававшемся под редакцией А. С. Будиловича, и были напечатаны «Три мира Азийско-Европейского материка» В. И. Ламанского (1892).

[4] Письмо на словацком языке (ЛО Архива АН СССР, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 871).

[5] Там же, ед. хр. 1758.

статье Толстого «Не могу молчать»;[6] еще через год, откликаясь на повторную просьбу Д. Маковицкого, посылает наконец свою книгу «Три мира Азийско-Европейского материка». «Желал бы иметь время воспользоваться этой прекрасной книгой», — писал Толстой, благодаря ученого за подарок (80, 90).

Значительную часть славянского собрания в библиотеке Толстого составляли книги на языках зарубежных славян — книги не только научные, но и художественные, публицистические, а также переводы произведений Толстого.

Первой работой Толстого, вышедшей в Болгарии отдельной книгой, была «Исповедь». Перевел ее болгарский драматург, новеллист, поэт Д. Стерев. Свой перевод с надписью: «Д. Стерев. 89. Руссе. Г. графу Л. Н. Толстому в знак глубокого уважения от переводчика. Свиштов» он послал Толстому, присоединив две свои оригинальные книжки с аналогичными надписями: методическое пособие для учителей «Болгарский язык» и сборник стихотворений под названием «Сосна».[7] Дарственные надписи Д. Стерева относятся к числу наиболее ранних славянских автографов в библиотеке Л. Н. Толстого.

Болгарские толстовцы регулярно присылали писателю свою периодику: журналы «Възраждане», «Свободне воспитание», «Лев Н. Толстой» и др., которые начали выходить в 900-х годах и почти целиком заполнялись переводами нравственно-религиозных статей Толстого и его единомышленников.

Л. Н. Толстой получил ряд изданий Сербской академии наук. Среди них — XII и XIV тома «Сербского этнографического сборника», которые вышли под редакцией известных сербских ученых Й. Цвиича (XII) и Т. Джорджевича (XIV); «Сербская литература XVIII века», написанная выдающимся литературоведом и критиком, редактором самого авторитетного тогда журнала «Српски книжевни гласник», профессором сербской литературы белградского университета Й. Скерличем; «Историческое рассмотрение народных эпических песен о Марке Кралевиче» Й. Н. Томича; «Ежегодник Сербской академии наук за 1908 год» и другие издания, относящиеся к 1909—1910 гг.[8]

[6] ЛАП, фонд Д. Маковицкого.

[7] Толстой Л. Н. Исповедьта на графа Л. Н. Толстой. Встъпвание към ненапечатано съчинение / Превел Д. Стерев. Руссе, 1889; Стерев Д. 1) Български език. Свищов, 1888; 2) Борика (сбирка стихотворения). 1883—1884. Свищов, 1884.

[8] Глас Српске краљевске академије. LXXVII, IXXIX. Први разред. 31, 32. У Београду, 1909; LXXXII. Други разред. 49. У Београду, 1910; Годишњак, 1908. XXII. Београд, 1909; Јанковић П. Т. Историја развитка Нишавске долине. Београд, 1909; Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1909; Споменик. XVII. Други разред. 39. Београд, 1909; Српски етнографски зборник. Књ. XII. Насеља српских земаља. Књ. IV. Београд, 1909; Књ. VI. Београд, 1909; Српски етнографски зборник. Књ. XIII. Етнолошка и етнографска грађа. Београд, 1909; Српски етнографски зборник. Књ. XIV. Обичаји народа српскога. Књ. II. Београд, 1909; Томић Јов. Н. Историја у народним епским песмама о Марку Краљевићу. У Београду, 1909.

Обилие сербских академических изданий, поступивших в Ясную Поляну, объясняется тем, что Толстой был избран членом-корреспондентом Сербской академии наук.[9] В связи с его избранием секретарь Академии обратился к писателю со следующим письмом: «Милостивый государь, имею честь просить вас — будьте добры прислать Сербской Королевской Академии наук Вашу биографию, которая будет напечатана в „Ежегоднике" Академии за 1909 год.[10] Для этого Академия должна получить Вашу биографию не позже конца марта месяца сего года. С непременным уважением Секретарь Академии Л. Ковачевич».[11] На конверте рукой Д. Маковицкого сделана надпись: «Српска Академия просит биографию Л. Н-ча. Послана короткая бирюковская 5.III.1910». Таким образом, Сербская академия наук получила биографию, написанную другом и единомышленником писателя П. И. Бирюковым, который в течение ряда лет при благосклонном участии Л. Н. Толстого собирал материалы для его жизнеописания.

Одно из солидных сербских изданий начала века, пополнившее яснополянскую библиотеку, принадлежало перу участника балканских войн 1876—1878 гг., председателю акцизного управления Министерства финансов Мите Петровичу (1852—1911), отцу Анджи Петрович, письмо которой к Л. Н. Толстому послужило для писателя поводом выступить с гневной обличительной статьей «О присоединении Боснии и Герцоговины к Австрии». Издание, в котором принимала участие и сама Анджа, называлось «Финансовая система Сербии до 1849 года» и было послано Петровичами в благодарность за толстовский отклик. «Великому философу и ученому, его сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому в знак глубочайшего уважения», — гласила дарственная надпись М. Петровича.[12]

Сербский пролетарский поэт Прока Йовкич прислал Л. Н. Толстому свой сборник «Поэзия неба и земли», изданный в 1910 г. в Америке, где начинающий писатель с 1903 г. проходил житейские университеты.[13] Тот факт, что к Толстому адресуется поэт, в стихах которого слышен «энергичный бой барабана революции»,[14] поэт, испытавший влияние М. Горького (это

---

[9] См.: Дмитриев П., Сафронов Г. Лев Толстой — член Сербской академии наук. — Рус. лит., 1960, № 4, с. 185—187.

[10] Членом Сербской академии наук Л. Н. Толстой был избран 22 февраля 1910 г. По правилам Академии в ежегодниках публиковались биографии всех новых членов. Так в присланном Толстому «Ежегоднике за 1908 год» среди прочих была напечатана биография русского академика А. И. Соболевского, а в списке почетных членов указаны имена В. И. Ламанского и К. Я. Грота.

[11] Письмо от 26 фев. 1910 г. на сербском языке (Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого. — В дальнейшем: ОР ГМТ).

[12] Петровић М. Финансије и установе Србије до 1842 г. Београд, 1901.

[13] Јовкић П. Поезија неба и земље. Сан-Франциско, 1910.

[14] Скерлић Ј. Писци и књиге. Књ. III. Београд, 1955, с. 66.

отразилось и на избранном псевдониме Нестор Жучни, по-русски — желчный, горький), сам по себе красноречив и значителен. Толстой с его вниманием к судьбе простого человека, с его тяготением к анализу современной жизни с точки зрения нравственных норм, с его призывом к свободе совести и резким неприятием политического устройства мира не мог не привлекать литератора, чье творчество наряду с произведениями С. Бешевича, В. Петровича и других означало «обновление сербской патриотической поэзии».[15] «Для нас народ не абстрактное понятие, а люди во плоти, среди которых мы живем и с которыми делим добро и зло. Наш патриотизм далек от антикварного метафизического чувства, свойственного прежним поколениям», — писал известный критик Й. Скерлич, в частности, анализировавший и стихи П. Йовкича.[16]

Дарственная надпись на стихотворном сборнике «В пучине» свидетельствует об ином мироощущении его автора У. М. Янковича,[17] о преклонении перед Толстым-моралистом: «Вы идете по пути вечных Зорь, о человек, о предтеча будущего рода людского! Ваш путь усыпан цветами, и люди Вас, своего Мессию, встречают, обнимают, целуют и поют гимн истинному богу, приход которого Вы возвещаете, но царствие которого еще не наступило. Разрешите же и мне на этом торжестве вместо поцелуя и цветов преподнести Вам сии свидетельства моей ранней молодости в знак высокого уважения».

В сопроводительном письме, где Л. Н. Толстой назван «учителем» и «духовным отцом», У. М. Янкович продолжает свою исповедь: «...когда весь мир был для меня пуст, когда дух мой витал над морской пучиной или следовал за ненастными облаками, тогда вставали Вы из Ваших произведений, протягивали старческую руку и выводили меня на правильный путь...»[18]

Не все книги привлекали равное внимание Л. Н. Толстого — на одних сохранились карандашные пометы писателя («Мысли о сочельнике и рождестве» Й. Я. Чосича, сербского педагога, просветителя, автора учебников и популярных брошюр[19]), другие остались неразрезанными — порой Толстому достаточно было оглавления, чтобы составить представление об издании. К тому же, интересовала его прежде всего нравственно-философская сторона книги.

С конца 80-х годов интерес к творчеству Л. Н. Толстого проявлял сараевский журнал «Босанска вила», несколько номеров которого дошло до Ясной Поляны. Журнал ратовал за объединение югославянских народов, на его страницах печатались вид-

---

15 Там же, с. 46.

16 Там же, с. 48.

17 Јанковић У. М. По пучине. Песме. Београд, 1909.

18 Письмо У. М. Янковича к Л. Н. Толстому от 6 июля 1910 г. на сербском языке (ОР ГМТ).

19 Ћосић Јов. Јан. Ћ. Мисли о бадњаку и Божићу... Сегедин, 1905.

ные сербские и хорватские писатели: Й. Й. Змай, А. Шантич, В. Илич, М. Глишич, Ст. Сремац и др. В 1909 г. «Босанска вила» поместила сообщение об изданном в связи с восьмидесятилетием Л. Н. Толстого альманахе. Печатал журнал и переводы из Толстого.[20]

Редакции периодических изданий, как правило, считали своим долгом присылать в Ясную Поляну номера, в которых печатались материалы, связанные с Толстым. Из них русский писатель узнавал о том внимании, с каким относился к нему славянский мир. Популярный сербский журнал «Дело» поместил приуроченную к восьмидесятилетию Л. Н. Толстого статью М. Бойовича,[21] а орган влиятельной радикальной партии газета «Самоуправа» — передовицу, где, в частности, говорилось: «Как писатель Толстой восхищает весь литературный мир. Его знаменитые романы „Война и мир", „Анна Каренина" и „Воскресение" переведены... на все языки. Перед ними низко склоняются романисты и критики всех просвещенных народов. Романы Толстого обогатили и сербскую изящную словесность. Никто прежде не изображал столь искусно душу русского крестьянина и русского народа, никто прежде не открыл и не изобразил столько типов и характеров великого русского народа великой необъятной России».[22] Оба номера были присланы Толстому.

В конце 80-х годов в Петербурге обосновался предприимчивый хорват Круносла Херуц, или Круносла Юрьевич Геруц, как называл он себя по-русски, с намерением организовать «русскую книжную торговлю у южных и западных славян».[23] Заручившись поддержкой В. И. Ламанского, М. Н. Каткова и «Издательской комиссии Славянского благотворительного общества», Геруц открыл издательство «Русско-славянский книжный склад» и принялся исполнять роль посредника в книжном обмене между славянами. Он пристально следил за новинками русской литературы, литературными юбилеями, широко информировал своих соотечественников о литературной жизни России. Его публикации «на фоне сведений о русской литературе, поступавших из западных, главным образом французских источников давали наиболее верное представление о тогдашней русской литературе».[24]

В 1888 г. Геруц способствовал венскому изданию «Народных

---

[20] «Два старика» (1887), «Война и мир» (отрывок, 1900), «Что такое искусство?» (1908).

[21] Бојовић М. Јубилеј грофа Лава Толстоја. — Дело, Београд, 1908, св. 2, с. 246—256.

[22] Самоуправа, 1908, 28 ауг., бр. 199.

[23] См. письмо К. Геруца к А. С. Суворину от 28 февр. 1887 г. (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 907). О деятельности К. Геруца в России см.: Ровнякова Л. И. Русско-словенский книжный магазин в Петербурге (1887—1893). — В кн.: Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978, с. 82—105.

[24] Енциклопедија Југославија, т. VII, с. 473.

рассказов» Л. Н. Толстого, вывезенных им из русского цензурного склада, где они находились ввиду наложенного на них запрета. Тогда же эти рассказы вышли в Загребе. Пересылая хорватский перевод в протолстовское издательство «Посредник», Геруц сделал на форзаце примечательную надпись: «Книжечка эта есть перевод на хорватский язык книжки „Народные рассказы", а издана она обществом св. Иеронима, цель которого распространить образование среди простолюдия. Общество это печатает свои издания в более чем 30 000 экземпляров, а руководится большею частью нашим хорватским очень просвещенным духовенством. Перевод очень хорош, и я имею сведения, что эти рассказы произвели у нас как на интеллигенцию, так и на простолюдие громадное впечатление».[25] Этот экземпляр оказался в яснополянской библиотеке.

В 1904 г. свои переводы толстовских рассказов и романа «Воскресение» прислал в Ясную Поляну один из самых ревностных пропагандистов и переводчиков Толстого в Сербии Й. Максимович.[26] Пятью годами позже Й. Максимович посетил Ясную Поляну, о чем оставил интересные воспоминания.[27]

Крупный словацкий литератор и общественный деятель Св. Гурбан Ваянский (1847—1916) прислал Л. Н. Толстому свой роман «Корень и побеги» (1908).[28] Страстный русофил, Ваянский многое отвергал во взглядах русского писателя, и в первую очередь — его критику царского самодержавия, с которым Ваянский связывал надежды на освобождение славян. Особенно резко свое несогласие Ваянский высказал в статье «Лев Толстой — еретик». Первая полоса газеты «Народне новины» с этой статьей была испещрена негодующими пометами Д. П. Маковицкого.[29] Еще ранее неудовольствие самого Толстого[30] вызвала статья Ваянского «Граф Л. Н. Толстой как художник и мудрец», оттиск которой по просьбе автора прислал в Ясную Поляну Д. П. Маковицкий.[31]

«Великому учителю человечества гр. Льву Николаевичу Толстому кланяется по случаю его восьмидесятилетия Ян Рокита. В Праге, 12.XII.1908», — надписал на сборнике своих стихов,

---

[25] Tolstoj L. N. Pripovijetki za puk. U Zagrebu, 1888.

[26] Толстој Л. Н. Приповетке графа Лава Николајевића Толстоја. Књ. 1—3. У Новом Саду, 1891; Толстој Л. Васкрсеније. Сремски Карловци. 1900.

[27] Максимовић Ј. Моја посета код Толстоја. — Српски књижевни гласник, 1912, књ. XXVIII, с. 39—48, 122—128, 203—211, 278—285, 353—362, 442—450, 528—540.

[28] Hurban Vajanský Sv. Sabrana diela. Sv. IV. Koreň a výhonki. Turč. Martin, 1908.

[29] Lev Tolstoj čo bludár. — Národnie noviny, 1894, nr. 84. Хранится в Ясной Поляне.

[30] См. письмо Л. Н. Толстого к Д. П. Маковицкому от 10 фев. 1895 г. (68, 29).

[31] Статья Св. Ваянского была напечатана в русском журнале: Славянское обозрение, 1892, кн. 2, с. 188—200; кн. 4, с. 525—543.

присланном в Ясную Поляну, чешский писатель и общественный деятель А. Черны (псевдоним — Я. Рокита).[32] Располагал Толстой и составленным Рокитой «Уставом лужицкосербского Товарищества».[33] А. Черны хорошо знал польский, сербохорватский, серболужицкий языки; издавал журнал «Словански пршеглед» (1898—1914), главную цель которого видел в содействии культурному сближению славянских народов. Он много переводил с польского, белорусского, украинского, русского и других славянских языков; написал ряд научных статей по истории, экономике, культуре лужицких сербов, переложил на серболужицкий язык «Вечерние песни» чешского поэта В. Галека, выпустил три тома лужицких народных песен.

Поддерживавший с А. Черны связь московский учитель, член русского «Общества славянской культуры» Я. Брыль, лужичанин по национальности, выслал Л. Н. Толстому последний за 1908 г. номер серболужицкого журнала «Лужица»,[34] воспроизведя на обложке стихотворение Я. Тишинского «Честь патриота» в чешском переводе А. Черны. Я. Тишинский (псевдоним Я. Барта) был зачинателем серболужицкой литературы, издателем «Лужицы».

Польскому врачу и даровитому писателю Г. Долиньскому принадлежал первый перевод «Воскресения» на польский язык, получивший высокую оценку критики. На посланной Л. Н. Толстому книге о польской педагогике автор написал: «Графу Л. Н. Толстому в доказательство высокого признания большого таланта и значительности его общественных выступлений. . .» [35]

Свои оригинальные произведения и переложения из Толстого в Ясную Поляну присылали с дарственными надписями С. Виткевич,[36] испытавший на себе влияние автора «Анны Карениной»; талантливый переводчик С. Стемповский,[37] виленский последователь Толстого В. Горновский [38] и др.

Самокритично звучали слова, выведенные на книге о Толстом ее автором Лео Бельмонтом (Л. Блюменталем): «Кроме ошибок наборщика есть грехи покрупнее — авторские. Автор сознает их хорошо, но не смог сделать лучшего. Нехватило сил».[39]

По понятным причинам книги польских авторов в яснополянской библиотеке преобладали. Помимо отдельных изданий

---

[32] R o k y t a J. Za Kristem: Básně 1895—1903. Praha, 1905.

[33] Stanowy Lužicko-serbskeho Towarstwa. Praha, 1908.

[34] Lužica, 1908, nr. 9—12.

[35] D o l i ń s k i G. Jak u nas chowano dzieci? Warszawa, 1899.

[36] W i t k i e w i c z S. Z Tatr. Lwów, 1907.

[37] T o ł s t o j L. Zmartwychwstanie. T. 1—2 / Z upoważnienia autora przełożył S. Stempowski. Warszawa, 1901.

[38] H o r n o w s k i W. Podstawy szczęścia i rozwoju człowieka. Wilno, 1908.

[39] B e l m o n t L. Lew Tołstoj. Życie i dzieła. Zarys biograficznokrityczny. Kraków, 1904.

(в частности, переводных изданий М. М. Ледерле, состоявшего с Л. Н. Толстым в давней переписке) в распоряжении Толстого была русская периодика, обильно печатавшая произведения С. Жеромского, В. Реймонта, С. Пшибышевского и многих других.[40] По свидетельству Д. П. Маковицкого, прочитанное нередко обсуждалось в многолюдной яснополянской гостиной. В свои подневные записи он занес резко отрицательное высказывание Л. Н. Толстого о С. Пшибышевском («Психопат, как Ницше»[41]), одобрительную оценку романов Г. Сенкевича «Без догмата» и «Семья Поланецких» и порицание в адрес его исторических вещей.[42] «Вечером Л. Н. прочел вслух из „Русских ведомостей" последний отрывок из нового романа Сенкевича, — записывает Д. П. Маковицкий 27 марта 1910 г., — „Как это нехорошо, как фальшиво", — сказал Л. Н.».[43] Речь идет об отрывке («Лунная соната») из романа «Водовороты», где превратно изображались события первой русской революции.

Таким образом, источники поступавших в Ясную Поляну сведений об общественной и литературной жизни славян были многочисленны и разнообразны. Славянские проблемы составляли ощутимую часть духовных интересов Л. Н. Толстого.

---

[40] Например, журналы «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство» и др.

[41] Литературное наследство. Т. 90. У Л. Н. Толстого: Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. I, с. 202.

[42] Там же, кн. II, с. 276.

[43] Там же, кн. IV, с. 212.

Глава 4

СЛАВЯНСКИЕ ДЕЯТЕЛИ У Л. Н. ТОЛСТОГО. ПОЛОЖЕНИЕ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ. СЛАВЯНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Начиная со второй половины 80-х годов Л. Н. Толстого нередко посещали общественные деятели, литераторы, музыканты, студенты из славянских стран. В 1887 г. в Ясную Поляну по рекомендации друга Л. Н. Толстого литературного критика Н. Н. Страхова приехал молодой профессор пражского университета Т. Г. Масарик. Основатель одного из лучших научных журналов в Чехии — «Атенеума», он выступил с требованием научной достоверности в исследованиях по чешской истории и только что возглавил полемику, выявившую подложность «Краледворской» и «Зеленогорской» рукописей, «открытых» в пору

раннего романтизма и якобы представлявших собой отрывки неизвестного дотоле древнечешского эпоса. За шесть лет до приезда в Россию Т. Г. Масарик написал работу «Самоубийство как общественное явление современной цивилизации», где дал социально-философский анализ причин самоубийства.[1] Пометы в яснополянском экземпляре этой книги свидетельствуют о том, что Л. Н. Толстой внимательно ее проштудировал, не во всем соглашаясь с автором, но, безусловно, находя в ней близкие себе мысли. Т. Г. Масарик пробыл в Ясной Поляне три дня, с 28 по 30 апреля, до этого навестив Л. Н. Толстого в Москве, в Хамовниках. 20 мая Л. Н. Толстой писал Н. Н. Страхову: «..очень благодарю вас за Масарика. Он был и в Ясной, и я очень полюбил его. Я все работаю над мыслями о жизни и смерти — не переставая, и все мне становится яснее и важнее» (64, 48).

В работе Т. Г. Масарика особое внимание Л. Н. Толстого привлекли главы: «Из истории самоубийств», «Самоубийства и цивилизация», «Терапия самоубийств в наши дни». Читал Л. Н. Толстой эту книгу в последний год своей жизни, после того как в марте 1910 г. Т. Г. Масарик побывал у него в третий раз. Узнав, что Л. Н. Толстого продолжают занимать проблемы добровольного ухода из жизни, Т. Г. Масарик, вероятно, снова обратил его внимание на свою книгу.[2] «Дорогой Фома Осипович (так на русский лад называл Томаша Гаррика Масарика Толстой)! Очень благодарен Вам за Ваше письмо и сведения о материалах для изучения вопроса самоубийства, — писал Л. Н. Толстой 3 мая 1910 г., — нынче только успел прочесть Вашу прекрасную, вероятно, стоившую Вам больших трудов книгу о самоубийстве. Очень порадовало меня основное совпадение наших взглядов на причину этого явления».[3]

Однако в своей незаконченной работе «О безумии» (1910) Л. Н. Толстой, высказываясь положительно о книге Т. Г. Масарика, в то же время полемизирует с ним: «Чешский известный писатель Масарик в своей прекрасной книге „Самоубийство как общественное явление современной цивилизации" приходит к совершенно справедливому заключению, что причины самоубийства среди христианских народов в отсутствии религии. К сожалению, вывод, к которому он приходит в книге, написанной тридцать лет тому назад, далеко не полный и неопределенный. Если причина увеличивающегося числа самоубийств — отсут-

---

[1] Masaryk Th. G. Der Selbst als Sociale Massenerscheinung der Modern Civilisation. Wien, 1881.

[2] В полном собрании сочинений (38, 584) ошибочно указывается, что Масарик послал Толстому свою книгу после посещения Ясной Поляны в марте 1910 г. Книга эта у Толстого уже была, о чем свидетельствует К. Велеминский, видевший в 1908 г. в немецком разделе каталога яснополянской библиотеки среди прочих книг Масарика и «книгу о самоубийстве».

[3] Архив МСМ.

ствие религии, то спасение в усвоении религии. Какой же? Хотя он говорит о том, что такой религией может быть одна из христианских сект, он не определяет, какая именно и в чем именно должна быть та религия, которая может удовлетворить требованиям нашего времени. В этом мнении все та же неопределенность, все та же робость, все то же, в сущности, неверие ни во что, которое составляет главное бедствие нашего времени» (38, 402).

Л. Н. Толстой рассматривал вопрос в более широком аспекте, чем пражский ученый и политик. «Не может не быть самоубийств, — записывает Л. Н. Толстой в „Дневнике" 10 мая 1910 г., — когда людям не на что опереться, когда они не знают: кто они и зачем они живут, и уверены при этом, что этого и знать нельзя» (38, 585). Писатель приходит к выводу, что общество, в котором совершаются самоубийства, — больное, что оно охвачено безумием. Причина «бедственности жизни человечества нашего времени» заключается, по Толстому, в том, что люди переживают «неизбежный переход... от одного миросозерцания и строя жизни к другому, новому, более разумному, более соответствующему степени развития человечества и более совершенному...» (38, 403—404). Самоубийство как явление Л. Н. Толстой ставил в связь с моральным и социальным состоянием общества в целом, а каждый отдельный случай готов был рассматривать как проявление безумия, как аномалию из области психиатрии. В своей статье Л. Н. Толстой кое в чем предвосхитил ту оценку социально-философских воззрений Т. Г. Масарика, которую в более развернутом виде уже после второй мировой войны дали чехословацкие марксисты.

Начиная со второй половины 80-х годов, славяне проявляли к Л. Н. Толстому все больший интерес. Не располагая достаточным количеством переводов, его произведения готовы были читать в подлиннике. Члены «Русского кружка», возникшего в сербском городе Ниш, просили писателя «на основании взаимной любви и славянской идеи... сделать распоряжение о бесплатной присылке» его сочинений.[4] В свою очередь Л. Н. Толстой, как никогда, живо интересуется духовной и общественной жизнью славян, подробно расспрашивает приезжающих к нему славянских деятелей, советует соотечественникам: «Поезжайте в славянские земли. Италия, Ривьера — все это известно. А тут новые места, сохранившийся народ, интересный. Я бы на вашем месте туда поехал».[5] Славянству Л. Н. Толстой отводит в будущем роль «обновителя жизни». 8 июля 1909 г. в ответ на приветствие чешского общества «Славия» Л. Н. Толстой пишет: «Не могу не верить в исключительное значение славянства для

---

[4] ОР ГМТ. ТС 159. 13.

[5] Литературное наследство. Т. 90. У Л. Н. Толстого: Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. I, с. 161.

объединения не только христиан, но и всех людей...» (80, 10).

Издревле славяне (включая восточных славян) занимали в Европе внушительную территорию — свыше половины всего континента, но в средние века большая часть западных и южных славян оказалась под габсбургским и турецким владычеством.

Начавшиеся в конце XVIII — начале XIX в. в землях западных и южных славян национальные движения на первых порах проходили под знаком борьбы за родной язык, за реабилитацию отечественной истории, за воскрешение и дальнейшее развитие отечественной литературы. Эпоха формирования и развития наций, или эпоха национального возрождения, как определили ее в XIX в., продолжалась до середины, а в некоторых южнославянских землях до последней трети XIX в.

Большинство зарубежных славянских стран вплоть до начала XX столетия оставались аграрными и полуаграрными, но процессы капитализации и даже империализации накладывали свой отпечаток на внутреннюю жизнь народов Центральной и Юго-Восточной Европы, неизбежно вовлекая их в водоворот общеевропейского развития, что вызывало к жизни явления, каких не знали крупные капиталистические государства. Социал-демократическое движение, к началу XX в. прошедшее в развитых странах школу борьбы с капиталом, в славянских землях еще только зарождалось, становясь фактором общественно-политической жизни. Социальная и национальная борьба, выливавшаяся в народные восстания; частые правительственные перевороты; военные и таможенные столкновения; стремление найти поддержку у других славян — таковы основные характерные черты социально-экономической и политической жизни славянских народов в конце XIX — начале XX в.

Освобождение Болгарии от турецкого ига в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг., сыграв огромную роль в укреплении национального самосознания и формирования государственности у болгар, не решило многих экономических и социальных проблем. Основную долю тягот нес на своих плечах болгарский крестьянин. В 1899 г. был основан Болгарский земледельческий народный союз — мелкобуржуазная демократическая партия. Но уже в 80-х годах в Болгарии возникает социал-демократическое движение под руководством одного из первых болгарских марксистов, участника русского рабочего движения Димитра Благоева. Созданная им в 1891 г. партия не смогла, однако, стать ведущей в условиях мелкобуржуазной страны с малочисленным рабочим классом. Выделившееся из нее оппортунистическое крыло возглавил бывший сподвижник Д. Благоева Я. Сакызов, одно время поддерживавший связи с Л. Н. Толстым. В стране по-прежнему было много неграмотных. Медленно формировалась болгарская высшая школа, университет возник лишь в 1904 г. Не имея возможности получить

образование у себя на родине, болгарская интеллигенция уезжала в Россию и Германию, поступая там в высшие учебные заведения.

Второй крупной славянской территорией, тоже по преимуществу сельскохозяйственной, освобожденной от турецкого господства в результате русско-турецкой войны, была Сербия. Основанные в 1903 г. Сербская социал-демократическая партия и Общесербская профсоюзная организация не сумели возглавить борьбу сербского пролетариата. Страну сотрясали дворцовые заговоры (вызывавшие негодование Толстого). Сербы мечтали об объединении южных славян. Прогрессивная интеллигенция выступала в защиту угнетенного народа, боролась за демократические преобразования, зачастую опираясь при этом на передовую русскую культуру.

Победа русских принесла освобождение от турецкого ига и Черногории. Поступавшая от России помощь зерном и денежными субсидиями не смогла, однако, вывести Черногорию из затянувшегося экономического кризиса. Крестьяне страдали от малоземелья и в поисках заработка уезжали на чужбину. В начале XX в. усиливаются стихийные выступления черногорских земледельцев.

Словения в XIX в. не раз становилась жертвой территориальных споров между Италией и Австрией, в которую она входила вплоть до 1918 г., когда воссоединилась с другими южнославянскими землями в составе Югославии. Промышленное развитие в Словении началось несколько раньше, чем у соседних славян. В конце XIX в. значительной политической силой становится рабочее движение, возникает социал-демократическая партия (1896). Растут антиавстрийские настроения, которые приводят к демонстрациям, к созданию антиправительственных групп.

Хорватия, как и Словения, Чехия и Словакия, также находилась в составе Австрии, а вскоре после образования (1867) Австро-Венгрии была объявлена (1868) неотъемлемой частью венгерских земель. С этого времени национальное движение в Хорватии приобретает особый размах. В 1871 г. под руководством радикально-буржуазной «партии права» происходит восстание «правашей», в 1883 г. хорваты активно выступают против мадьяризации. Неоднократно вспыхивают крестьянские волнения. Растет эмиграция.

С конца XIX в. в Хорватии начинает развиваться промышленность. Среди рабочих и прогрессивной интеллигенции получают распространение марксистские идеи, в 1894 г. возникает социал-демократическая партия.

В 90—900-х годах для хорватской интеллигенции становится притягательной Прага, где под пером великого чешского и словацкого поэта Я. Коллара обрела поэтическое выражение идея «славянской взаимности». Под влиянием чешского политика и

ученого Т. Г. Масарика (будущего президента Чехословакии), основавшего либерально-буржуазную «партию реалистов», среди молодой интеллигенции в Хорватии возникла аналогичная группировка. Руководствуясь тактикой «малых дел», члены этой организации стремились к просвещению народа, обучали его рациональному ведению хозяйства. Они ратовали за единение хорватов, сербов, словенцев, вели антиклерикальную пропаганду, требовали демократических реформ, в частности всеобщего избирательного права.

В начале 900-х годов образовалась Хорватская народная крестьянская партия, организаторами и идеологами которой были братья Степан и Анте Радичи, с юности увлекавшиеся сочинениями Толстого, распространявшие его рассказы для народа среди хорватских крестьян.

Чехия на путь капиталистического развития вступила на рубеже XVIII—XIX вв. С этого времени в ней бурно развивается промышленность, а уже в 1840-х годах происходят первые рабочие волнения. В 1878 г. возникает социал-демократическая партия. Однако с конца XIX в. чешскую социал-демократию сильно ослаблял оппортунизм и наиболее влиятельной политической силой становится партия аграриев с их лозунгом «Деревня — одна семья».

От других славянских стран Чехию отличали сравнительно высокий жизненный уровень и почти стопроцентная грамотность населения (к примеру, в Хорватии и Сербии грамотных было всего 26 процентов).

В Словакии преобладающей отраслью хозяйства было земледелие, овцеводство. Однако ни земля, почти полностью находившаяся в руках помещиков, зачастую — пришлых, мадьяров и немцев, ни мелкое промышленное производство, главным образом ремесленное, а также связанное с переработкой сельскохозяйственной продукции, не могли обеспечить прожиточный минимум значительной части населения. Это приводило к массовой эмиграции в поисках заработка: в период с 1900 по 1914 г. почти четвертая часть словаков покинула родину. Национальная и социальная борьба в Словакии все больше смыкается с антиавстрийским и демократическим движением в Чехии.

В середине XIX в. поднялся на борьбу за свое национальное утверждение и самый маленький славянский народ — лужицкие сербы, предки которого еще в первом тысячелетии обитали между Одером и Эльбой. На протяжении свыше девятисот лет он подвергался насильственной германизации, но выжил и отстоял свой родной язык, свою культуру. В 1847 г. лужичане создали Матицу сербскую и впервые стали издавать на своем языке журналы, газеты. Во второй половине XIX — начале XX в. складывается серболужицкая литература.

Польские земли входили в состав трех государств. Наибо-

лее развитой в промышленном отношении была «царская» Польша. В 1882 г. там появилась первая польская рабочая партия «Пролетариат», которая одиннадцать лет спустя стала именоваться Социал-демократия Королевства Польского. Борьба поляков за свое социальное и национальное раскрепощение была частью борьбы народов России против самодержавия. В. И. Ленин не раз указывал, что только в тесном союзе с русским пролетариатом польский рабочий класс может добиться политического и экономического освобождения.

Славяне и прежде не упускали случая поддержать друг друга в общей борьбе. Еще в революционные дни 1848 г. они сражались на одних баррикадах, а после поражения революции вместе несли тяготы ссылок и тюрем.

События русской революции 1905—1907 гг. влили новую энергию в социально-освободительное движение в славянских землях. Осенью 1905 г. в Праге, Брно, Кракове, Триесте, Любляне и других городах состоялись массовые демонстрации под лозунгами государственной самостоятельности и ниспровержения существующих режимов. Белградская газета «Радничке новине» опубликовала резолюцию многотысячного митинга столичных рабочих, в которой говорилось: «Победа русского пролетариата одновременно является победой сербского народа, победой международной. Да здравствует русская революция!»[6]

Тяжелый удар балканским славянам нанесла аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. Это был неприкрытый акт агрессии, совершенный из боязни потерять политическое и экономическое влияние на полуострове. Австро-Венгрия, правящую верхушку которой Л. Н. Толстой назвал «разбойничьим гнездом», окончательно утратила у южных славян свой политический престиж.

События первого десятилетия XX в., за которыми Л. Н. Толстой пристально следил, а также прямые, неоднократные обращения к нему зарубежных славянских корреспондентов и посетителей с настоятельными просьбами вмешаться, приводят к тому, что славянская тема начинает занимать все большее место в рассуждениях Л. Н. Толстого, нередко противоречивых, в его публицистике.

Писателя возмущала жестокая эксплуатация и тяжелое, бесправное положение славянских народов, но путь вооруженной борьбы он решительно отвергал, а стремление к национальной самостоятельности называл «государственным соблазном» (38, 155).

В 1899 г. Л. Н. Толстого посетил болгарский дипломат, публицист, общественный деятель Димитр Ризов (1863—1918). Он просил писателя вступиться за славян в Македонии, все еще находившихся под турецким владычеством. Возвратившись на

[6] Цит. по: История Югославии. Т. 1. М., 1963, с. 506.

родину, Д. Ризов в журнале «Мисл» так описывал реакцию Л. Н. Толстого на его просьбу: «Из вашего рассказа мне ясно, что жизнь христиан у вас на родине очень тяжела, но я могу помочь лишь тем, кто живет по-божески, или таким, помочь которым можно без вмешательства в дела политики». Писатель сказал гостю, что политика, по его мнению, объединяет людей «под знаменем всеобщей ненависти». В качестве доказательства он привел в пример Болгарию: «Спросите себя сами, что хорошего увидели ваши болгары после освобождения! Да, у вас сейчас болгарский князь вместо турецкого султана, болгарская конституция вместо турецкой монархии, болгарские чиновники и офицеры вместо турецких, свобода печати вместо цензуры и пр... но народ, трудовой народ, эти потрескавшиеся руки, которые вас охраняют, какие-такие блага они приобрели в результате всего этого? Не удивляйтесь, что я смотрю на мир иначе: вы стреляете с близким прицелом, а я целюсь вдаль и потому взвожу курок до отказа».[7]

В 1901 г. к Л. Н. Толстому по тому же македонскому вопросу обращается известный болгарский писатель, публицист Стоян Михайловский (1856—1927), уверенный в том, что автор «Анны Карениной» не может не отнестись сочувственно к усилиям «свергнуть режим Абдуламида».[8] Но Толстой-непротивленец продолжал отмалчиваться.

С иных позиций писал Л. Н. Толстому по поводу дел в Македонии болгарский толстовец Г. С. Шопов. В письме от 29 мая 1903 г. он осуждал действия македонской «террористической группы», полагая, что «виновник всего существующего бедствия в мире — это правительство, духовенство и ложная журналистика...».[9] «Прошу Вас, милый Лев Николаевич, — продолжал Шопов, — напишите что-нибудь по поводу этого македонского движения, чтобы осветлится народ и увидит ложность своего направления. Прошу Вас написать это, потому что Ваши слова имеют больше влияния народом, чем слова кого-либо другого. Я знаю, что председатель македонского комитета давно уже хотел от Вас Ваше мнение по этому вопросу,[10] и я бы желал Вы ответить им и указать все вреда их деятельности... Под влиянием революционного комитета и журналистики болгарское правительство приготовляется объявить войну султану. Народ, рабочий народ не хочет война и верю, что Вы напишете про это что-нибудь...»[11]

В декабре 1907 г. Л. Н. Толстой откликается на обращение

---

[7] Ризов Д. На гости у графа Л. Н. Толстой. — Мисъл, г. X, 1900, кн. 3—4, с. 151—181.

[8] Михайловски С. Писмо до Лев Толстой. — Пловдив, г. XVI, 1901, бр. 1121.

[9] Письмо написано по-русски, мы приводим его без исправлений.

[10] Шопов имеет в виду С. Михайловского.

[11] ОР ГМТ, ТС 238. 60.

Г. Сенкевича по поводу притеснения поляков в Пруссии. Отметив, что, «несмотря на все старания хвалителей, все французские Людовики и Наполеоны, наши Екатерины Вторые и Николаи Первые и немецкие Фридрихи не могут внушать ничего, кроме отвращения», а современные «властители до такой степени стоят ниже нравственных требований большинства, что на них нельзя даже негодовать. . .», Л. Н. Толстой приходит к парадоксальному выводу: «Что же касается до подробностей того дела, о котором вы пишете; о приготовлении прусского правительства к ограблению польских землевладельцев крестьян, то и в этом деле мне жалко больше тех людей, которые устраивают это ограбление и будут приводить его в исполнение, чем тех, кого грабят. Эти последние ont le beau rôle. Они и на другой земле и в других условиях останутся тем, чем были, а жалко грабителей, жалко тех, которые принадлежат к нации, государству грабителей и чувствуют себя с ними солидарными» (77, 332).

В том же духе отвечает он и сербке Андже Петрович, обратившейся к нему с призывом поднять голос в защиту Боснии и Герцеговины, аннексированных Австро-Венгрией.[12] Знаменитое «Письмо к сербке» разрослось в целую статью, получившую название «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии».

«Начал... письмо сербке, — записал Л. Н. Толстой в дневнике 26 октября 1908 г. — Все хочется короче и яснее выразить ошибку жизни христианских народов... Много думается... Какое удивительное сумасшествие убивать людей для их блага» (56, 152). И 30 октября: «Вчера мало спал и с утра усердно писал о Сербах. Кажется, плохо». 31 октября: «Вчера просмотрел, поправлял сербское. Кажется, выйдет сносно. Нынче еще поправлял. Письмо от индуса. Надо отвечать почти то же» (56, 154).

«Почти то же» — и славянам и представителю нации, чьи традиции, культура, социально-экономические отношения столь непохожи на среднеевропейские. В своем всеобъемлющем непротивленчестве Л. Н. Толстой меньше всего сообразовывался с конкретной обстановкой, оперируя, иногда к собственной досаде («Кажется, дребедень и повторение», 56, 168), доводами нравственно-религиозного порядка. В «Круге чтения» Л. Н. Толстой писал: «Зла нет в мире. Все зло в нашей душе и может быть уничтожено» (42, 336). Игнорирование объективных законов истории вело писателя к идеалистическому взгляду на природу общественных конфликтов. Для Л. Н. Толстого, писал В. И. Ленин, «конкретно-историческая постановка вопроса есть

---

[12] Полностью письмо А. М. Петрович, отосланное в день объявления аннексии 7 октября 1908 г., опубликовано и прокомментировано Э. Г. Бабаевым в кн.: Литературное наследство. Т. 75. Л. Н. Толстой и зарубежный мир. Кн. II. М., 1965.

нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно. Он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии. . .»[13] Силясь доказать недоказуемое, Л. Н. Толстой стремился заверить угнетенные народы, что пассивная позиция по отношению к их поработителям — единственно достойная и нравственно оправданная.

Придавая статье-письму большое значение, Л. Н. Толстой хотел, чтобы оно было напечатано одновременно в России и за границей. Д. П. Маковицкий срочно связался со знакомыми редакторами и переводчиками в Польше, Сербии, Чехии, Словакии, Болгарии. Уже в начале декабря под названием «К событиям на Балканском полуострове» «письмо к сербке» было переведено (с рукописи, т. е. без цензурных изъятий, которыми пестрел русский вариант в газете «Голос Москвы») на болгарский язык приверженцем Л. Н. Толстого Христо Досевым.[14] Примерно тогда же статья Л. Н. Толстого в переводе Й. Максимовича появилась и на сербском языке (под названием «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии»).[15]

Несмотря на холодность, с какой принимались его «ответы», Л. Н. Толстой писал их, руководствуясь «внутренним духовным требованием».[16] Вскоре после «Письма к сербке» он берется за перо, чтобы ответить польке. 20 марта 1909 г. из польского города Закопане Л. Н. Толстому написала женщина, которая не пожелала назвать своего подлинного имени. «Полька» (как впоследствии выяснилось, это была журналистка Стефания Ляудын) укоризненно спрашивала Л. Н. Толстого, почему, говоря о Боснии и Герцеговине, он ни словом не обмолвился о Польше? Автор письма считала, что позиция непротивления грозит России гибелью. В своем ответе Л. Н. Толстой, как и в беседах с болгарами, а также в письме к А. М. Петрович, решительно высказался против вооруженной борьбы и предлагал все ту же тактику пассивного противления: не платить налоги, не исполнять воинской повинности, не посылать детей в казенные школы и т. п. Освобождение придет лишь тогда, уверял Л. Н. Толстой, когда все люди объединятся во взаимной любви друг к другу.

На Востоке суждения Л. Н. Толстого по вопросам национально-освободительной борьбы попадали на более благоприятную для их восприятия почву. У славян они в подавляющем большинстве случаев вызывали недоумение и несогласие. «Дорогой Йожо, Л. Н. получает из Сербии печатные отзывы (нота бене высокопарные фразы), письма, — сообщал Д. Маковиц-

---

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 101.

[14] Толстой Л. Върху събитията на Балканския полуостров. — Камбана, 1908, бр. 405, 6 дек.

[15] Сначала в газете «Дневни лист» (XXVI, 1908, бр. 338—343), затем в том же году отдельной брошюрой.

[16] Письмо Л. Н. Толстого к Т. Г. Масарику от 3 мая 1910 г. (МСМ).

кий словацкому литературному деятелю Й. Шкультеты, — их тон и прямой смысл — *мы хотим* (подчеркнуто Д. П. Маковицким) бороться с оружием в руках. Могу себе представить горячих, упрямых сербов, когда им втемяшится в голову идея фикс — освободить Боснию во что бы то ни стало, — они теряют способность рассуждать и чего доброго примутся воевать. А ведь что это будет за война — братоубийственная — представляешь себе? Я посылаю на адреса знакомых сербов статьи Л. Н. Толстого „Одумайтесь" и др. . .».[17]

Известный хорватский литературовед, автор одной из лучших югославских монографий о Л. Н. Толстом, в начале века — начинающий педагог и критик, Милица Богданович через полгода после кончины яснополянского старца писала из Загреба его душеприказчику Д. П. Маковицкому: «Я не могу подавить мысли, что Л. Н. не считался достаточно с коренным злом в человеке. В душе человеческой не было ничего, чего бы *не мог* знать этот удивительный психолог, но теоретически он как бы нарочно *не хотел* признавать „дурного человека", которого ничуть не растрогает „непротивление злу", как случилось с солдатами в сказке об Иване-Дураке, а, напротив, еще пуще разожжет его жестокость. Можно вполне отрицать войну, казни, каторгу, насильное пользование чужим трудом, месть, мясную пищу, можно терпеть всевозможные обиды, „губящие тело", и все-таки признавать, что с некоторыми людьми в некоторых случаях надо поступать как со зверем или сумасшедшим, то есть *удерживать* их хотя бы силою, именно во избежание большего зла, губящего *душу* жертв. Другими словами, надо помнить и здесь, что так как идеал — чистое добро — бесконечно далек, надо стремиться к нему, выбирая всегда меньшее зло. Л. Н. во всех других отношениях отлично знал это, знал, например, что честный брак такое меньшее зло в сравнении с развратом и т. д., но как только заговорит о проблеме насилия, как будто нарочно игнорирует эту необходимость постепенного развития, а выставляет осуществление чистого идеала — полного отсутствия зла, как нечто достижимое для каждого во всяком моменте. И как раз этим способом он иногда вызывает недобрые чувства даже у тех, кто в остальном готов преклониться перед ним. Я это часто замечала не только у других, но и у себя. Даже привыкла было твердить, что Л. Н. не знал „злых людей", но потом вспомнила Матрену и Анисью во „Власти тьмы". Разве не огромная разница между ними и Никитой, хотя он и большой грешник?. . . говорил ли или писал ли Л. Н. что-нибудь на эту тему, чем можно пополнить его теорию о не-

---

[17] Письмо Д. П. Маковицкого к Й. Шкультеты от 24 дек. 1908 г. (ЦГАЛИ, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 49).

противлении злу? Не правда ли, что это мучительно важный вопрос?»[18]

Подобные противоречия Л. Н. Толстого-философа В. И. Ленин назвал «кричащими». Писатель оставался верен себе. Когда в 1910 г. накануне предполагаемого Славянского съезда к Л. Н. Толстому обратились с просьбой выступить на нем, он опять-таки призывал лишь к взаимопомощи. «Вы, Душан Петрович, мне целую программу написали, что я должен им сказать, и я нынче, когда лег перед обедом, обдумывал письмо и пришел к заключению, что не могу ничего сказать, как все одно и то же: Blank bonnet, bonne blank, что одно только и важно и нужно — это религиозное сознание; — и в этом все».[19]

В 1907 г. норвежский писатель Б. Бьёрнсон выступил против языкового ущемления словаков. Вслед за этим во Франции появился «перевод» статьи Л. Н. Толстого, якобы напечатанной в газете «Русское слово». Бьёрнсон письмом поблагодарил Толстого за поддержку. Толстой поспешил уведомить его о своей непричастности к опубликованному материалу. Между тем издатель журнала «Наша Словакия» А. Райс попросил Д. П. Маковицкого незамедлительно выслать ему «Русское слово» для перевода и опубликования статьи Л. Н. Толстого в словацком издании. Д. П. Маковицкий сделал соответствующие разъяснения относительно того, что речь идет о мистификации и что Л. Н. Толстой из принципиальных соображений не считает возможным вмешиваться в полемику по вопросам языка. «Когда я думаю о славянах, — занес Д. П. Маковицкий в свои „Яснополянские записки" слова Л. Н. Толстого, — то мне кажется, что им надо отрешиться от мысли о своей исключительности. Их угнетают немцы, мадьяры, но им не надо отвечать на насилие насилием, а терпеть. Но это не значит, что им надо отказаться от своего богатого языка и переменить на какой-нибудь немецкий».[20]

Отказ Л. Н. Толстого присоединиться к Б. Бьёрнсону задел славянскую общественность. Об этом вспоминали даже в связи с кончиной писателя: «Многие славяне рассчитывали, что близость словака Маковицкого к Толстому, — говорилось в некрологе, опубликованном львовской газетой „Галичанин", — повлияет на отношение великого писателя к славянскому вопросу и возбудит в нем участие к угнетенному положению славян. Но расчеты эти не оправдались. Толстой оставался безучастным к славянским невзгодам, и даже тогда, когда вопиющее насилие мадьяр над словаками вызвало протест Бьёрнсона, Толстой не изменил своему безучастию к судьбе славянских

---

[18] Письмо М. Богданович к Д. Маковицкому от 30 мая 1911 г. По-русски. Подчеркивания автора (ОР ГМТ, фонд Д. П. Маковицкого).

[19] Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Т. II. М., 1923, с. 52.

[20] Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. М., 1922, с. 67.

народов».[21] В том же духе высказывался и чешский журнал «Злата Прага».

В действительности же Л. Н. Толстой при всей своей приверженности к «непротивленчеству» в последние годы жизни все более сочувствовал славянам и с трудом сохранял свой принципиальный нейтралитет. Об этом свидетельствуют и «письма» к сербке и польке. Само их появление было выражением протеста писателя, причем далеко не пассивного. Вольно или невольно Л. Н. Толстой вовлекался в широкое освободительное движение славян и не скупился на порицания их притеснителей. Недаром после первой отрицательной реакции на «Письмо к сербке» из него, по свидетельству Й. Максимовича, начали черпать аргументы против политики Австро-Венгрии, которую Толстой назвал государством грабителей.

Острота высказанных Л. Н. Толстым суждений встревожила петербургскую цензуру, в руки которой уже после смерти писателя попало полное, без изъятий, берлинское издание (1909) статьи «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии». Сохранившийся в бумагах петербургской цензуры рапорт показывает, как боялись самодержавные правительства обличительных выступлений Толстого, сколь нежелательны были его призывавшие к «смирению» статьи и письма по славянскому вопросу, какие меткие удары наносило его разящее слово. «Идя по стопам анархиста Бакунина, автор требует уничтожить государство, — рапортовал начальству цензор С. Щеголев, — ибо всякое государство „держится привычкой и обманом"... Автор уверяет, что всякая „великая держава есть разбойничье гнездо, грабящее миллионы людей"... что государственная власть осуществляется „людьми, подкупленными, насилующими других людей" и держащими других людей в рабстве. Автор... солидарен также с мнением Вольтера, что „во дворцах сидят варвары, предписывающие убийства людей". По мнению автора, „разные Габсбурги, Романовы... — жалкие, одуренные своим мнимым величием люди". В частности, „для борьбы с русским насильническим правительством" автор советует „освободиться от суеверия патриотизма, государства"». В «Письме» Л. Н. Толстого цензор увидел проповедь анархического коллективизма и решительно настаивал на его запрещении.[22]

Не случайно также сам толстовский адресат, Анджа Мита Петрович, выражая в связи с кончиной великого писателя соболезнование его семье, назвала Толстого «другом» сербского народа и «защитником, каких в истории человечества было не много».[23]

Для понимания взгляда Л. Н. Толстого на «славянский во-

---

[21] Л. Н. Толстой [Некролог]. — Галичанин, 1910, № 252, 10 (23) нояб.
[22] ЦГИА. Ф. 779, оп. 4, 1914, д. 328, л. 132.
[23] Письмо от 13 нояб. 1910 г. (МСМ).

прос» чрезвычайно существенны некоторые положения его работы «Христианство и патриотизм» (1894). В ней, а затем и в «письмах» к сербке и польке Л. Н. Толстой выступает сторонником всемирного братства угнетенных народов, осуждает господствующие классы. «Человеку из народа всегда совершенно все равно, где проведут какую границу и кому будет принадлежать Константинополь, — не без иронии писал он в «Христианстве и патриотизме» — ...но ему всегда очень важно знать, сколько ему придется платить податей, долго ли служить в военной службе, долго ли платить за землю и много ли получать за работу... Несмотря на все усиленные средства, употребляемые правительствами для... подавления в народах развивающихся в них идей социализма, — социализм все более и более проникает в народные массы, а патриотизм, старательно прививаемый правительствами, не только не усваивается народом, но все более и более исчезает и держится только в высших классах, которым он выгоден» (39—40, 53). Под патриотизмом Л. Н. Толстой понимал официозное краснобайство, шовинизм и национализм. Он считал, что трудящийся человек гораздо больше интересуется экономическими проблемами, чем политикой эксплуататорских верхов. Так позиция писателя в национальном вопросе сближалась с программой социалистов, с тем, о чем писал В. И. Ленин: «Национальной грызне различных буржуазных партий из-за вопросов о языке и т. д. рабочая демократия противопоставляет требование: безусловного единства и полного слияния рабочих *всех* национальностей во *всех* рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительных, просветительных и всяких иных, в противовес всяческому буржуазному национализму. Только такое единство и слияние может отстоять демократию, отстоять интересы рабочих против капитала, — который уже стал и все более становится интернациональным, — отстоять интересы развития человечества к новому укладу жизни, чуждому всяких привилегий и всякой эксплуатации».[24] Лозунгу «национальная культура» Ленин противопоставлял лозунг «интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения», утверждая, что «буржуазия *всех* наций и в Австрии и в России под лозунгом „национальной культуры" проводит *на деле* раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы».[25]

«Письма» к славянам Л. Н. Толстой писал после первой русской революции, усилившей публицистическую ноту в его творчестве. Именно в этот период происходит сближение Л. Н. Толстого со многими общественными и литературными деятелями славянских стран, обостряется его социальное виде-

---

[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 426.
[25] Там же, с. 424.

ние. Каждый отдельный человек для него — не только индивидуум, но и представитель определенного класса, «сословия», как говорил писатель. Свое «Письмо польке» он снабжает чрезвычайно важным и симптоматичным подзаголовком — «одной из многих».

Склоняя славян признать «высшим законом жизни закон любви», что поможет «покоренным народам и угнетенным рабочим сословиям» (38, 150) выйти из кабалы, Л. Н. Толстой нет-нет да и отдаст должное социальному радикализму: «Революционное движение много добра сделало, вывело людей из сонного состояния».[26]

«Он проповедует непротивление злу насилием, — писал Г. В. Плеханов, в газете „Социал-демократ" (1911, № 19-20), — а те его страницы, которые подобны только что указанным мною (речь идет о работе Л. Н. Толстого «Царство божие внутри нас». — *И. П.*), будят в душе читателя святое стремление выставить против реакционного насилия революционную силу. Он советует ограничиться *оружием критики,* а эти его превосходные страницы безусловно оправдывают самую резкую *критику посредством оружия*».[27] Это же отмечал и В. И. Ленин: «Критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства».[28]

Именно таково было воздействие толстовского слова на славянских деятелей. Основатель болгарской радикальной партии Н. Цанев включил в программу своей партии и внес на рассмотрение в Народное собрание призыв Л. Н. Толстого к отказу от войны.[29] В свою очередь и сам Л. Н. Толстой испытал на себе воздействие передовых идей своего времени. После встречи с Л. Н. Толстым в Крыму (1902) В. Г. Короленко писал: «Теперешний Толстой и Толстой, которого я видел тринадцать лет назад — два разных человека. И между прочим, от „непротивления" едва ли остались и следы».[30] В разговоре, который так удивил Короленко, Толстой с одобрением отнесся к рассказу о том, что в ряде губерний крестьяне захватывали помещичье зерно и инвентарь: «И молодцы! Мужик берется прямо за то, что для него всего важнее».[31] Способность заражаться народными настроениями, по словам В. Г. Короленко,

---

[26] Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1890—1910. М., 1960, с. 708.

[27] Плеханов Г. В. Карл Маркс и Лев Толстой. — В кн.: Часть общепролетарского дела. М., 1981, с. 127.

[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 103.

[29] См.: Тодоров П. Ю. Събрани произведения. Т. III. София, 1958, с. 447.

[30] Короленко В. Г. Письма 1881—1921. Пг., 1922, с. 215.

[31] Короленко В. Г. Разговор с Толстым. — В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1955, с. 154.

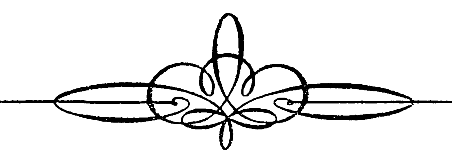
определяла радикальные повороты во взглядах Л. Н. Толстого.[32] «Не повиноваться, не подчиняться — для этого», писал Л. Н Толстой, нужно много «истинного мужества и самопожертвования» (36, 159). «Человечество, — утверждал он в 1905 г., — стоит на пороге огромного преобразования» (36, 199).

Резкие выражения Л. Н. Толстого в статьях 1905 г. («Единое на потребу», «О государственной власти») коробили толстовцев. В. Г. Чертков — ближайший друг, издатель сочинений Л. Н. Толстого — просил даже кое-что смягчить. «Вам не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия» (36, 304), — бросает Л. Н. Толстой царскому правительству. При этом он по-прежнему против революции практической, он за революцию духовную.

---

[32] Там же, с. 152.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ Л. Н. ТОЛСТОГО

Читатели в зарубежных славянских странах знакомились с творчеством Л. Н. Толстого в разное время, и пути их к Л. Н. Толстому были различны. Хотя многим из них русский язык был понятен, мало кто читал произведения Л. Н. Толстого в подлиннике. Доступ русской книги в славянские земли был затруднен. Даже чех В. Ганка, большой русофил и ревностный собиратель русской библиотеки, жаловался, что, выписывая русские книги через пражских книготорговцев, он ждал «год и более», платя за них к тому же «втрое против напечатанной цены».[1]

История переводов и восприятия творчества Л. Н. Толстого в славянских странах отражает своеобразие духовной жизни в каждой из них. Дело не только в том, что, например, на чешский язык Толстой впервые был переведен уже в 1858 г., а, скажем, на болгарский — лишь в 1884 г. Хотя и это является показателем интересов к творчеству русского писателя и раскрывает различие задач, стоявших перед каждой из славянских литератур второй половины XIX в.

Иллюстрацией выше сказанному могут служить уже сами даты переводов крупнейших произведений Толстого.

Так, роман «Война и мир» вышел в 1873 г. на чешском языке (и только в 1879 г. — на французском), в 1889—1890 гг. — на сербохорватском, в 1889—1892 гг. — на болгарском, в 1894 г. — на польском, в 1930 г. — на словацком.

Роман «Анна Каренина» публиковался на польском языке (в отрывках) в год его выхода на русском (1878), в 1898 г. — полностью; в 1881 г. — на чешском; в 1888 г. — на сербохорватском; в 1890 г. — на болгарском языке; на словацком — в

---

[1] Письма к В. Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, с. 523.

1928 г. в отрывках (для сравнения: на французском и немецком — в 1885 г.).

Роман «Воскресение» в славянских странах перевели почти одновременно с его появлением на русском языке (на сербский, польский, словацкий — в 1899 г., на болгарский — в 1900 г.).

Первые опыты переводов из Л. Н. Толстого были далеки от адекватного воспроизведения оригинала и зачастую представляли собой фрагменты, лишь спустя годы славянский читатель получал произведения Л. Н. Толстого в неурезанном виде. Далеко не сразу переводчикам удавалось найти полноценные эквиваленты толстовским текстам, что объяснялось и сложностью оригинала, и недостаточной развитостью переводческого дела.[2]

В то же время знакомство с творчеством Л. Н. Толстого шло не только посредством перевода на славянские языки. Поляки нередко читали французские переводы из Л. Н. Толстого, чешская писательница К. Светлая знакомилась с Л. Н. Толстым тоже на французском, в домашней библиотеке другой чешской писательницы Г. Прейссовой роман «Война и мир» был представлен в трех изданиях: русском, французском и немецком. Многие славяне Австро-Венгрии читали Л. Н. Толстого на немецком языке.

Тем не менее первым переводом из произведений Л. Н. Толстого на иностранные языки вообще стал славянский, а именно — чешский перевод повести «Альберт» (1858), открывший новую страницу в истории русско-чешских, русско-славянских связей и первую страницу в истории ознакомления с творчеством Толстого в Европе.

Затем Л. Н. Толстого перевели у сербов (1868), у поляков (1876), у болгар (1884). На западноевропейские языки художественные произведения Л. Н. Толстого начали переводить лишь с 1862 г. («Детство и отрочество» на английском). В 1863 г. на немецкий был переведен рассказ Л. Н. Толстого «Поликушка». Английский перевод 1862 г. и немецкий 1863 г. принято считать первыми переводами произведений Толстого в Европе.[3] Это неверно. Из поля зрения биографов Толстого, исследователей его творчества и библиографов выпадают два перевода, сделанные на рубеже 50—60-х годов в Праге.

Первым из них был уже названный перевод «Альберта». Следующим — перевод рассказа «Записки маркера», опубликованный в 1860 г. Поскольку они являются первыми из выявленных на сегодняшний день переводов произведений Л. Н. Толстого на иностранные языки, о них следует сказать особо.

---

[2] О переводах «Войны и мира» и откликах на роман см.: Мотылева Т. «Война и мир» за рубежом. М., 1978.

[3] Литературное наследство, т. 75. Л. Н. Толстой и зарубежный мир. М., 1965. Кн. 2, с. 208; Общественные науки за рубежом. Сер. 7. Литературоведение, 1980, № 3, с. 91 и др.

Время, в которое они публиковались, было сложным для чешской культуры. Чехия, входившая в состав Австрийской империи, только еще оправлялась от тяжкого десятилетия политической и культурной реакции, наступившей после поражения революции 1848 г. В начале 50-х годов было закрыто большинство журналов и газет. Новое оживление в культуре и литературе Чехии началось после падения кабинета министров Баха (1858 г.).

Самым крупным культурным событием весны 1858 г. в Чехии был выход литературного альманаха «Май», объединившего передовых писателей того времени. В альманахе заявила о себе плеяда будущих реалистов, получившая наименование «маевцы». Крупным событием осени того же года стала публикация повести Л. Н. Толстого «Альберт» газетой «Пражске новины». Правда, о значении этого события тогдашняя литературная общественность Чехии не подозревала. Имя Толстого появилось в чешской печати впервые, о русском писателе еще ничего не было известно. Перевод был сделан оперативно: повесть Толстого вышла в августовской книжке «Современника», чешская газета начала печатать ее перевод 11 ноября, а закончила в начале декабря.[4]

«Пражске новины» были старейшей чешской газетой. В разное время ее возглавляли ведущие представители чешской культуры: в 1834—1835 гг. поэт Ф. Л. Челаковский (1799—1852), которому пришлось оставить место редактора из-за смелой критики царского правительства; с 1846 г. газету и беллетристическое приложение к ней журнал «Ческа вчела» редактировал сатирик, общественный деятель К. Гавличек Боровский (1821—1856). В канун революции 1848 г. «Пражске новины» и «Ческа вчела» выражали политические и культурные идеалы чешского общества, газета и ее приложение выходили под началом революционного демократа К. Сабины (1813—1877). Вскоре «Пражске новины» стали органом Земского самоуправления, а редактировал газету выдающийся чешский писатель — поэт и сказочник, собиратель народного творчества, историк К. Я. Эрбен (1811—1870). После разгрома революции в Праге были закрыты почти все периодические издания, но газета продолжала выходить, исполняя роль официального органа.

Газета и журнал и раньше печатали художественные произведения отечественной и зарубежной литературы, в том числе и переводы с русского. Переводчик повести Толстого, скрывший свое имя за псевдонимом «R.», вероятнее всего был бли-

---

[4] [Tolstoj L. N.] Václav. Obraz ze života českého hudebníka v Petrohradě / Z ruského hraběte L. N. Tolstého. Přeložil R. — Pražské noviny, 1858, č. 267, 268, 269, 274, 279, 280, 281, 287, 290. — В дальнейшем отсылки даются в тексте в скобках: PN и номер газеты.

зок к прогрессивно настроенным начинавшим писателям-маевцам. Последние в конце 50-х годов находились в известной оппозиции к газете «Пражске новины» как к органу официозному и зачастую предпочитали, за неимением другой возможности, печататься в немецких изданиях, выходивших тогда в Праге. Этим можно объяснить нежелание переводчика подписаться под переводом, опубликованным в газете «Пражске новины», своим полным именем.

Вскоре потребность в новых газетах и журналах, которые отражали бы революционно-демократические взгляды реалистов, привела к основанию в самом начале 60-х годов ряда газет и журналов. Следующий чешский перевод из Толстого («Записки маркера») опубликовал уже журнал «Образы живота» (1860), редактором которого тогда был ведущий поэт, критик, журналист Ян Неруда (1834—1891).

Публикация «Альберта» в газете «Пражске новины» не могла не привлечь всеобщего внимания. Вскоре подоспел и своего рода комментарий к имени Толстого: в IV томе журнала «Часопис ческего музея», вышедшем в конце декабря 1858 г. или в январе 1859 г., была напечатана статья молодого ученого А. Н. Пыпина о современной русской литературе, написанная им по просьбе В. Ганки.[5] В статье указывалось на Л. Толстого как на подающего надежды автора.

Ко времени появления на чешском языке «Альберта» в Чехии было уже немало переведено из русской литературы и написано о ней. Даже в пореволюционное время, когда печатание было сильно затруднено, выходят переводы из Пушкина, из Гоголя и других русских писателей. В 1857 г. чешский революционер Й. В. Фрич создает пьесу по повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», в которой на первый план выступает освободительная борьба украинского народа.

Чехов интересовала не только русская литература, но и жизнь русского народа. Весьма популярна была тема Крымской войны. Выходившая в Брно газета «Моравски народни

[5] Распространено мнение, которое ошибочно разделял и автор книги, что именно Пыпин обратил внимание чехов на Толстого (см.: Dolanský J. Mistři ruského realismu u nás. Praha, 1960). Но сопоставление времени выхода номеров газеты и журнала показывает, что перевод опередил статью Пыпина. Время выхода журнала — конец декабря 1858 г. или начало 1859 г. — определено нами следующим образом: статья (письмо) Пыпина помечена 3 декабря, если добавить время на ее перевод, то можно предположить, что в типографию журнал попал не раньше середины декабря. Следовательно, IV книга «Часописа...» не могла выйти раньше самого конца декабря, но вероятнее всего, она вышла уже в следующем году. О том же косвенно свидетельствует и отсутствие даты на обороте титульного листа IV книги. Попутно заметим, что факт появления сначала перевода, а уже затем сообщения о писателе в критике довольно редок. Как правило, в большинстве других стран дело обстояло иначе: в Польше, например, имя Толстого впервые было упомянуто в 1858 г. (в энциклопедическом справочнике «Книга мира»), а переводы из него появились лишь в 70-х годах.

лист» с восхищением писала о мужестве и силе духа в рядах русской армии. Героизм русских солдат в окруженном врагами Севастополе вдохновил известного поэта, журналиста, сатирика К. Гавличка Боровского на создание сатирического стихотворения, направленного против западной коалиции «Шебестов, а потом и все государство». Пльзеньский поэт Й. Ф. Сметана в обширном цикле сонетов под названием «Русская война 1854—1856» воспевал всеславянскую солидарность с русским народом. Сохранились свидетельства о том, что простые люди с волнением следили по картам за продвижением войск на фронте.

В столичной газете «Пражске новины» в 1855 г. В. Ганка печатал письма к нему русского поэта, историка Н. В. Берга, служившего в Крымскую войну переводчиком при штабе главнокомандующего русской армией. Это были настоящие корреспонденции с фронта, в которых рассказывалось о положении дел в Крыму, о сражениях и атаках. Можно было ожидать, что наибольший интерес из ранних произведений Л. Толстого вызовут именно его севастопольские рассказы, вышедшие, как и «Альберт», в «Современнике» (1855—1856). Однако не они заинтересовали переводчика и газету. Предпочтительнее оказалась тема музыканта.

С уверенностью говорить о том, кто был инициатором перевода «Альберта» на чешский язык и его публикации в газете «Пражске новины», сейчас трудно, но некоторые предположения на этот счет возможны.

Переводу могли способствовать сами чешские музыканты, жившие в России, которым были близки поднятые в рассказе проблемы. Например, в 50-х годах в России жил Гинек Воячек. Его письма на родину говорят о неистощимом интересе чешского музыканта к окружающей его русской жизни, о его симпатиях к русскому народу, которого он называл «здоровым и молодым». Воячек восхищался героизмом и самопожертвованием русских женщин, которые отправлялись вслед за своими мужьями на крымский фронт и работали в госпиталях. 20 января 1858 г. Г. Воячек сообщал друзьям в Моравии о том, что для России приближаются счастливые времена, недалека отмена крепостного права — явный отголосок речи Александра II (30 марта 1856 г.), в которой тот рассуждал о преимуществах освобождения крестьян «сверху». Воячек отдает должное русскому театру, стремившемуся, по его словам, к исправлению нравов. «Славянину здесь мило и приятно»,[6] — писал он.

Чешских исполнителей привлекала в России высокая музыкальная культура русского народа. Чешские музыканты, с незапамятных времен колесившие по дорогам Европы и игравшие

---

[6] Pfaff A., Závodský J. Tradice česko-ruských vztahů v dějinách. Praha, 1956, s. 149.

в составе оркестров разных стран, нередко оказывались в Москве, Петербурге и других русских городах. Можно сказать, что и они внесли вклад в развитие русского музыкального искусства. Достаточно вспомнить Ивана Прача, который в 80—90-х годах XVIII в. вел музыкальные классы в Смольном институте благородных девиц и обработал для фортепьяно русские народные песни, или друга Моцарта, замечательного чешского виолончелиста Йозефа Фиалу, скрипача Фердинанда Лауба, которому рукоплескали в Берлине и Вене и за которым в Чехию приехал Н. Г. Рубинштейн, чтобы предложить этому величайшему после Паганини скрипачу XIX в. место профессора Московской консерватории. С Россией была связана деятельность еще одного известного скрипача — Яна Гржимали. Наряду с прославленными виртуозами в петербургских и московских театрах занимали свои места и более скромные исполнители из Чехии. И не мудрено, что повесть, в которой главным героем был заезжий музыкант, заинтересовала чешское общество.

Толстой писал своего героя с музыканта, с которым познакомился в начале января 1857 г. в Петербурге. Это был Георг Кизеветтер, приехавший в Россию молодым человеком и в течение десяти лет, с 1848 по 1858 г., работавший скрипачом оркестра петербургской оперы. Жизнь его здесь не сложилась: он запил, опустился и не смог больше играть в театре, хотя его музыкальные данные, судя по тому, что пишет о нем Толстой, были незаурядны. С первой же встречи — она произошла на вечере у Столыпина — он поразил воображение писателя. В его дневнике появилось только одно слово: «Скрипач». Через два дня 7 января: «История Кизеветтера подмывает меня» (47, 109). Толстой уже неотступно следит за музыкантом, писательски изучает его. Запись следующего дня: «Пришел Киз(еветтер). Он умен, гениален и здрав. Он гениальный юродивый. Играл прелестно...» (47, 110). Через день: «Пришел Кизеветтер, ужасно пьян. Играл плохо». И в конце той же записи об обеде, устроенном Толстым для знакомых, в дома которых был вхож: «Г(орчаков) сошелся с К(изеветтером). Кизеветтер глубоко тронул меня» (47, 110). В этих кратких, поспешных дневниковых записях мы видим рождение замысла о трагедии художника, в котором «огонь и нет силы», как помечает Толстой 12 января по дороге в Москву (47, 110), но который зажигает священный огонь нравственного очищения в своих слушателях.

Чешского переводчика интересовала не только этическая проблематика повести. Образ Альберта, как в окончательной редакции стал именоваться герой Толстого (сначала же он просто «погибший», «пропащий»), в переводе превратился в образ музыканта — чеха, несущего тяготы жизни вдали от родины. Такая интерпретация сюжета повлекла за собой сущест-

венные изменения: изменилось не только имя героя — вместо Альберта (музыкант Альберт встречался и в чешской литературе — например, в повести известнейшего писателя Й. К. Тыла (1808—1856) «Музыкантские проделки» (1833, 1844), но, как правило, это был персонаж, представлявший немецкую сторону, противостоявшую чешской) он был наречен Вацлавом, распространенным именем у славян и особенно почитаемым у чехов.[7] Изменилось вследствие этого и название произведения, а повесть получила подзаголовок, которого не было у Толстого: «Из жизни чешского музыканта в Петербурге».

Это обстоятельство заставляет нас задаться вопросом — а не хотел ли Толстой и вправду создать образ музыканта-славянина? Отчего не допустить, что его замысел, оставшийся нераскрытым русской критикой, был разгадан славянами? В конце концов, даже прототип его героя — Г. Кизеветтер, приехавший из многонациональной Европы, мог оказаться по происхождению чехом, носившим немецкую фамилию и говорившим по-немецки, что было тогда в порядке вещей и благодаря чему его в России могли принять за немца. Но последнее предположение вряд ли доказуемо. В сохранившемся послужном формуляре Кизеветтера он назван «ганноверским подданным»,[8] а это значит, что он не был родом из Австрии, в которую входили чешские земли. Фамилия Кизеветтер была довольно распространенной и среди венских немцев. В конце XVIII — начале XIX в. ее носил известный историк и теоретик музыки В. Г. Кизеветтер (1773—1850) (кстати, родившийся в Чехии в Голешове), австрийский скрипач Хр. К. Кизеветтер (1777—1829), популяризатор Канта И. Г. Кизеветтер (1766—1819), «Логикой» которого в России пользовались как учебным пособием. По всей видимости, и Георг Кизеветтер, скрипач, игравший в петербургской опере, был немцем.

Что же касается авторского замысла, то, насколько можно судить по мемуарным материалам, национальная сторона дела Толстого не занимала.[9]

Остается предположить, что обилие музыкантов — выходцев

---

[7] В память о чешском князе X в. Вацлаве, который в народных исторических легендах считался «защитником чешской земли».

[8] Срезневский В. И. Георг Кизеветтер, скрипач петербургских театров: К истории творчества Л. Н. Толстого: 1857—1858. — В кн.: Толстой. 1850—1860. Материалы. Статьи. Л., 1927.

[9] О творческой истории и трактовке образа главного героя повести «Альберт» см.: Эйхенбаум Б. Главы из незавершенной монографии о Л. Н. Толстом. — В кн.: Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974; Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Истоки и эстетическое своеобразие. Л., 1974; Карлова Т. С. Лев Толстой в движении истории. Казань, 1978, с. 25—34; Мостовская Н. Н. Личность художника у Гоголя и Толстого: «Портрет» и «Альберт». — В кн.: Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979, с. 99—111.

из Чехии за пределами родины толкнуло переводчика на литературную мистификацию. Осуществить ее было тем более нетрудно, что в повести Толстого, при всей типичности ситуации, почти полностью отсутствуют национальные приметы — лишь две-три незначительные детали заставляют нас вспомнить об иностранном происхождении Альберта: когда Делесов достает для него «немецкое евангелие», когда Альберт запевает немецкую песню. Это было легко устранить, ничего при этом не меняя ни в замысле, ни в сюжете, что переводчик и сделал: Делесов у него предлагает музыканту просто евангелие, слово «немецкое» опущено, а немецкая песня была им переведена на чешский язык.

В переводческой практике того времени подобные замены не были редкостью. Отличный знаток и переводчик русской литературы, принадлежавший к плеяде маевцев, Э. Вавра допускал такого рода неточности. Так, при переводе романа И. Гончарова «Обломов» он заменил французского композитора Анри Герца (1803—1886), на музыке которого по воле автора воспитывалась мать Андрея Штольца, на популярного у чехов немецкого композитора К. М. Вебера (1786—1826).[10]

В самом факте, что первым произведением Толстого, переведенным за рубежом, оказалась повесть «Альберт», заключен исторический и литературный парадокс: это было единственное из всех написанных к тому времени Толстым произведений, которое восприняли в России весьма критически, оно получило в целом отрицательную оценку. Повесть не понравилась ни Тургеневу, которому Толстой читал ее зимой 1857 г. в Дижоне («Он остался холоден», 47, 117), ни редактору «Современника» Некрасову, который, хотя и соглашался напечатать повесть, но уговаривал Толстого не делать этого. Кругу «Современника» идеал художника рисовался тогда совсем в ином плане — художника представляли нравственно здоровым, жизнелюбивым, внутренне цельным и находящимся в полном контакте с окружающей действительностью.[11] «...Вашему герою... нужен доктор,— писал Некрасов,— а искусству с ним делать нечего».[12]

Сущность искусства и его роль в духовной жизни общества, тайна художественного дарования, выделяющего художника из людской массы, психология его личности — эти и другие проблемы, решаемые Толстым отнюдь не в духе «чистого искусства», занимали и чешскую литературную мысль. Повесть Толстого была по-своему актуальна для чехов. Не случайно из всех произведений русской литературы с подобной тематикой

---

[10] На это указал К. И. Ровда в статье «Русская литература в чешских переводах (50—60-е годы XIX в.)» (в кн.: Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975, с. 153).

[11] См.: Лотман Л. М. Реализм русской литературы.., с. 266.

[12] Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. М., 1952, с. 372.

была выбрана именно она. Образ музыканта у Толстого, несомненно, был ближе чешской литературной традиции, чем, скажем, у Достоевского, имя которого стало известно в Чехии раньше Толстого — о его романе «Бедные люди» К. Гавличек Боровский сообщал еще в 1847 г.[13] Судьба скрипача Ефимова из неоконченного романа Достоевского «Неточка Незванова» (1849) — тоже история художника, у которого «был огонь», но «не было сил», он тоже из породы «пропащих», он, так же как и Альберт, не выносил никаких посягательств на личную свободу, он тоже растрачивает свой талант. Однако в отличие от толстовского героя, он обладал темной, разрушительной силой, он не облагораживал окружающих, а, наоборот, подавлял их своим вздорным, эгоистическим характером, был жесток, несправедлив и неблагодарен. Альберт Толстого не обижал никого, в нем было «что-то особенно детское и невинное», его искусство делало окружающих чище и выше.

Именно у Альберта, а не у Ефимова были свои «предшественники» в Чехии. Художник, творческая личность поднималась на пьедестал уже чешскими романтиками, и тема эта еще не отзвучала. Музыкант, поэт, доставляющий наслаждение своим искусством и воплощающий в себе идеал гражданина, духовный лидер общества — таков художник в ряде произведений чешской литературы 30—40-х годов XIX в. На рубеже 50—60-х годов этот образ начинает меняться. Если в повести Й. К. Тыла «Любовь поэта» (1839) талант чешского музыканта, высокая оценка его мастерства крупнейшими исполнителями мира (всемирное признание виртуозности чешских музыкантов издавна укоренилось в национальном подсознании), головокружительный успех приносятся им на алтарь родины, то в творчестве писателей-шестидесятников—В. Галека, К. Светлой—патриотическое начало несколько приглушено и на первый план выдвигаются проблемы творческой индивидуальности; вопрос об отношении искусства к действительности решается в более крупном масштабе. Естественно поэтому, что повесть Толстого и с этой точки зрения представляла интерес для чехов.

Таким образом, в выборе «Альберта» сказались внутренние потребности развития чешской литературы (чего нельзя сказать о переводах конца XIX — начала XX в., когда выбор зачастую определялся или литературной модой или вообще соображениями внелитературного свойства) и национально-патриотические запросы общественного сознания. В то же время в повести Толстого не все согласовывалось с задуманным образом чешского музыканта. Герой Толстого слишком неоднозначен: вне мгновений художественной просветленности (во

---

[13] О знакомстве с творчеством Ф. М. Достоевского в Чехии см.: Малевич О. М. Ян Неруда и Ф. М. Достоевский. — В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968, с. 300—322.

время игры) он живет «в разврате». Своим искусством и своим «избранничеством» он подчиняет себе окружающих, вырывает их из повеседневности, делает их добрее и чище. В остальное же время это опустившийся, жалкий, склонный к вину человек, готовый на лицемерие, мелкое воровство, унижение. Альберт сам признает свою двойственность: «...Все правда», — говорит он, слушая в бреду противоположные суждения о себе Делесова и художника Петрова.

Непривлекательные черты личности художника в переводе оказались несколько затушеванными. Они и у русской критики вызывали неодобрение. Некрасов подчеркивал, что «грязная сторона» героя «так и лезет в глаза», и при этом трудно «высказать гениальную сторону».[14] Чешский переводчик постарался «грязную сторону» сделать менее заметной, чтобы музыкант выглядел скорее несчастным, чем опустившимся, вызывал сочувствие, а не презрение. Достигнуто это было небольшой редактурой: смягчением некоторых метафор, пропуском фраз, которые казались излишним напоминанием о падении героя, усилением похвал в адрес его игры.

«— Может быть, большой талант погибает в этом несчастном существе! — сказал один из гостей.

— Да, жалкий, жалкий! — говорил другой.

— Какое лицо прекрасное!.. В нем есть что-то необыкновенное, — говорил Делесов, — вот посмотрим...» (5,29).

В переводе убрана средняя реплика («— Да, жалкий, жалкий!», PN, 287) — образ музыканта сразу несколько возвышается.

Когда приютивший музыканта Делесов увидел его спящим в столовой, ему показалось: «что-то нехорошо» (5, 35). Это «что-то нехорошо» в переводе опущено (PN, 279).

«А уж на скрипке как играют, так это точно, что таких артистов у Излера мало» (5, 36), — рассуждает лакей Делесова Захар. Переводчик выбрасывает «у Излера» (PN, 279), фраза сразу приобретает несколько иной смысл: не в труппе Излера мало таких артистов, а вообще таких артистов мало. То, что это было сделано не случайно, подтверждает пропуск следующей реплики Захара: «Такого человека можно держать» (5, 36). Не лыком шитый «петербургский лакей» Захар глубоко презирает опустившегося музыканта и только ради его искусства, силу которого он тоже ощутил («Как он „Вниз по матушке по Волге" нам сыграл, так точно как человек плачет», 5, 36), он готов согласиться, чтобы музыкант занял место среди бариновых слуг. Но это разрушало концепцию образа, создаваемого переводчиком, и он решает отказаться от этой фразы. Она не переведена (PN, 279).

«Насилу ходит, где ему!» (5, 29), — говорит об Альберте

---

[14] Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 10, с. 372.

хозяйка дома. «Где ему!», выражающее и жалость и презрение, не переведено (PN, 267).

«На другое утро Захар донес барину, что музыкант не спал целую ночь: все ходил по комнатам и приходил в буфет, пытаясь отворить шкаф и дверь, но что все, по его старанию, было заперто» (5, 45). Текст после двоеточия сильно сокращен: «...все ходил по комнате и хотел открыть дверь, но было заперто» (PN, 287). Итак, ходил музыкант не «по комнатам», а «по комнате», в которой его оставили, и «хотел отворить дверь» — читатель подразумевает: чтобы выйти из дома, как это случилось накануне. Толстовский же текст показывает как раз то, что герой способен на самовольство, даже воровство в поисках выпивки, его поведение ночью в чужом доме определяется низменным пристрастием к алкоголю.

«Воровство» в данном случае распространялось бы только на вино, но Захар обеспокоен не на шутку и, когда Альберт, несмотря на увещевания Делесова, покидает его дом, утешает барина следующим образом: «„И слава богу, Дмитрий Иванович! А то долго ли до греха... и теперь серебро проверить надо”. Делесов только покачал головой и ничего не отвечал» (5, 47).

В переводе высказанное Захаром предположение о возможной краже убрано: «„И слава богу, что ушел!” Делесов только покачал головой и ничего не отвечал» (PN, 287).

У Толстого об Альберте: «...он потными, грязными руками гладил свое лицо, взбивал волосы...» (5, 33). В переводе: «Встав, он сухими руками поглаживал лоб, поправлял волосы...» (PN, 274).

«Что, вы устали?» (5, 33) — участливая жалость Делесова к музыканту, утомленному игрой, в переводе — «Почему вы перестали играть?» (PN, 274) — превращается в любопытствующее сожаление по поводу того, что музыкант прервал игру, снимается лишнее напоминание о физической неполноценности пропойцы.

У Толстого музыкант опьянел «грязно» (5, 34), в переводе — «сильно» (PN, 274). Альберт «тем же как и прежде пошлым жестом откинул волосы» (5, 29). Вацлав откидывает волосы «быстрым движением» (PN, 267).

«Я уже тогда был беден» (5, 42), — говорит Альберт. «Я уже тогда был несчастен» (PN, 280), — произносит Вацлав.

Рассказывая о себе Делесову, Альберт называет свою жизнь «скверной». «Скверная жизнь! Скверная жизнь!» (5, 40), — повторяет он. В переводе: «Скверная жизнь! Ничтожный мир!» (PN, 280) — здесь уже скорее ссылка на несправедливость и несовершенство мира, т. е. на объективные обстоятельства, способствовавшие тому, что жизнь музыканта сложилась неблагополучно.

«Несчастным» (PN, 290) заменяется эпитет «жалкий» в

фразе: «...говорил колокол, далеко и высоко гудя где-то: „Он вам жалок кажется, вы его презираете, а он лучший и счастливейший!"» (5, 51).

Слово «разврат», которым Делесов охарактеризовал образ жизни музыканта, — «Грустит о разврате, из которого я его вырвал?» (5, 46) — заменено словом «нищета»: «Грустит о нищете, из которой я его вырвал?» (PN, 287).

И наоборот, положительное начало в характеристике героя еще усиливается: «„А ведь он точно хорошо играет", — сказал офицер» (5, 33). Перевод: «А ведь он точно играет превосходно...» (PN, 274).

Тут же надо добавить, что, несмотря на все подобные отступления от оригинала, в целом повесть Толстого в этом первом переводе сохранила свои смысловые и стилистические особенности. Чешский язык перевода непринужденный. Следуя языковым нормам своего времени, переводчик по мере возможности переводил слова иностранного происхождения на чешский («бутылка лафита» — бутылка вина, «литерный бенуар» — ложа, «альмавива» — плащ, 5, 38, 34 и PN, 280, 287 и т. п.). В данном случае это нельзя отнести к недочетам перевода — исторический момент требовал именно такого отношения к иностранной лексике.

Вполне удовлетворительно переведены описательные части текста, менее удалась переводчику прямая речь, у Толстого социально многослойная, с большим количеством психологических оттенков, которые, вероятнее всего, вообще ушли от переводчика и которые являются важнейшими элементами психологического рисунка Толстого.[15]

Интересно, что не только чехи изменили название повести Толстого. Видимо, потому, что в произведении Толстого национальность героя нигде прямо не названа, о его иностранном происхождении говорят скорее косвенные намеки: нерусское имя, знание иностранных языков (Делесов отбирает для Альберта немецкое евангелие и французские книги), а поднимаемые в повести проблемы являлись общечеловеческими, для ее переводчиков оказалось заманчивым несколько изменить ее название. Первый французский перевод «Альберта» носил название «История музыканта» — «Histoire d'un musicien» (1889). Перевод, вышедший в Лондоне в 1892 г., именовался «G-Minor». Испанские переводы: «El Canto del cisne» (Мадрид, 1892; Барселона, 1905); «El Músico Alberto» (Барселона, 1905).

---

[15] Следующий чешский перевод «Альберта», выполненный спустя 30 лет (1889), когда в Чехии уже имелся значительный опыт в переводе русской реалистической прозы, в том числе и произведений Толстого, не выявляет в этом плане сколько-нибудь значительных сдвигов. Более того, он менее свободен по-чешски, потому что почти дословен. Но мистификация первого переводчика была снята, герою возвращено имя, а повести — заглавие. В этом важное значение второго перевода повести Толстого «Альберт».

На другие славянские языки «Альберта» перевели в следующей хронологической последовательности: на польский язык в 1885 г. (перевод появился в польском журнале «Край», выходившем в Петербурге, № 18 и 19), на сербский в 1887 г. (в газете «Нови Београдски дневник», № 110—116) и в 1899 г. (в газете «Нова искра», I, № 234, 265, 289, 311), на словацкий и болгарский уже после второй мировой войны для собраний сочинений Л. Н. Толстого (в 1952 г.—на словацкий и в 1956 г.—на болгарский). Все упомянутые славянские переводы повести Толстого в точности повторяли имя героя и оставляли в неприкосновенности название произведения.

Такова вкратце история вступления Толстого на арену мировой литературы. Повесть «Альберт» оказалась первой в ряду переводов произведений Л. Н. Толстого на иностранные языки всех континентов. Тот факт, что первыми перевели Толстого славяне — еще одно подтверждение интенсивности уже сложившихся и бурно развивавшихся связей между славянскими и русской культурами.

Выбор «Альберта» для перевода означал признание этого произведения в Европе. Повесть Толстого о художнике продолжала интересовать читателей за рубежом и в дальнейшем, о чем свидетельствуют переводы, выполненные в конце XIX — начале XX в., уже после того, как писателем были созданы его крупнейшие произведения — романы «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение».

Тема «гениального юродивого» в различных социальных и психологических вариантах будет впоследствии разрабатываться Толстым всю его творческую жизнь. Писателя всегда будут интересовать типы людей, «выламывающихся» из общепринятых норм и рамок. Любимые герои Толстого те, которые не следуют шаблонам поведения, мышления, чувствования. Таковы Пьер Безухов, Константин Левин и многие другие персонажи произведений Толстого. «Гениальным юродивым» был герой чешских средневековых новелл Ян Палечек, привлекший Толстого в последний период его деятельности. Когда благополучный столичный барин Делесов, движимый искренним порывом помочь музыканту, берет его к себе в дом, он в глазах окружающих и даже собственного лакея тоже совершает «чудачество». В обрисовке образа Делесова читатель встречается с тем откровением чувств, с тем бездонным, безоглядным психологизмом, который будет главной особенностью творческого метода Толстого, равно как и проявившаяся в повести другая его неотъемлемая черта, которую Н. Г. Чернышевский назвал «чистотой нравственного чувства».[16]

Таким образом, выбор чешским переводчиком именно этой

---

[16] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 5-ти т. Т. 3. М., 1974, с. 427.

повести Толстого оказался в известном смысле провидческим, и можно сказать, что вхождение Толстого в мировую литературу было достаточно знаменательным.

Газета «Пражске новины», напечатавшая перевод, была заметным органом в славянском мире. В поднимавшихся на борьбу за освобождение славянских землях отсутствие непосредственного контакта с Россией, в котором они нуждались, восполнялось повышенным вниманием к русским материалам в иноязычных славянских городах, и прежде всего в Праге, которая в силу разных причин не раз становилась посредницей между русской и славянской культурами, между русской книгой и славянскими читателями. Вплоть до последней трети XIX в. журналы и газеты других славянских стран перепечатывали материалы из пражской периодики. Нет сомнения, что публикация в газете «Пражске новины» повести Толстого не прошла незамеченной и дала возможность познакомиться с именем и творчеством русского писателя немалому количеству славянских деятелей.

Выход произведения Толстого на чешском языке не вызвал печатных критических суждений — время, когда не было литературных периодических изданий, и критика вынужденно молчала, не способствовало непосредственным откликам на переводные произведения. Зато влияние повести вскоре проявилось в творчестве младшего друга Я. Неруды, писателя-фантаста Якуба Арбеса (1840—1914), который, когда вышла чешская версия «Альберта», только еще вступал в литературу. Речь может идти, разумеется, не о глубоком стилевом влиянии — тогда оно еще не было возможно, — а о влиянии, которое на практике оборачивается литературным заимствованием — заимствованием приема, способа описания, обстановки эпизода и т. п.

Творчество Толстого долго оставалось кладом, лежащим в слоях, еще не разрабатываемых славянскими литераторами. До Толстого им предстояло пройти школу Гоголя, Тургенева, Островского, многих западноевропейских писателей. Читатели ощущали величие Толстого, силу его таланта, но постижение его мастерства было делом отдаленного будущего (см. об этом ч. III, гл. 2). Даже чисто поверхностное влияние Л. Толстого на славянских писателей не проявлялось вплоть до конца XIX в. Тем интереснее редкостная в 60—80-х годах перекличка некоторых описаний у Арбеса с описаниями у Толстого.

Якуб Арбес занимает особое место в чешской литературе второй половины XIX в. Его произведения, снискавшие заслуженный успех у читателей, не вмещались в рамки жанров, разрабатываемых тогда чешскими литераторами. Увлекательные истории с неожиданной развязкой, раскрывающей вполне реальные причины казавшихся сверхъестественными необычайных событий, не были ни рассказами, ни романами. Определе-

ние им — романетто — нашлось не сразу. Оно было предложено Арбесу Я. Нерудой и с удовольствием принято автором. В романетто Арбеса романтика загадочных случаев соседствует с рационалистическими рассуждениями о физических законах вселенной. Демонические натуры, действующие в необычных ситуациях, оказываются фанатиками науки, гениальными учеными-изобретателями. Покров таинственности, усиливаемой игрой фантазии автора — доверчивого участника продуманного действия, срывается в результате привлечения доказательств из области точных наук, последние достижения которых Арбесу были известны как никому другому: они всерьез интересовали его. В романетто — следы увлечения сочинениями Э. По и его последователей, создателей романов ужасов.

Арбес не был романтиком, но начинал под влиянием чтения романтических произведений, героем которых были, как правило, исключительные личности. Повесть Толстого Арбес прочитал восемнадцатилетним юношей, а творческие импульсы от этого чтения обнаруживаются в произведениях чешского писателя, написанных в разное время. Влияние Толстого на Арбеса, как ни странно, ушло от внимания исследователей его творчества.

В одном из ранних рассказов (еще не названном романетто) Я. Арбеса «Приключение в привилегированном трактире» (1862) молодой человек, движимый благородными побуждениями, спасает покинутую и всеми отверженную девушку — добро побеждает зло, при этом зло носит выраженный социальный характер.

Спустя 20 с лишним лет Арбес создает романетто, в центре которых — истории музыкантов, проведших жизнь на чужбине: «Чешский Паганини» (1884) и «Il divino Bohemo» (1886, 1887). Их герой — чешский музыкант, не уступающий в виртуозности лучшим исполнителям мира, но не защищенный от ударов судьбы.

Оба эти примера, наводящие на мысль о следах толстовского влияния, можно было бы счесть за случайные совпадения, если бы не поразительная, почти дословная близость к «Вацлаву — Альберту» некоторых описаний в двух самых известных, художественно наиболее выразительных романетто Арбеса — «Святом Ксавериусе» (1873) и «Мозге Ньютона» (1877).

Герой романетто «Святой Ксавериус», бедный молодой пражанин, одинокий, в глазах других «со странностями», одержимый идеей разгадать тайну образа святого Ксавериуса (героя тоже зовут Ксавериус), остается ночевать в громадном, пустом костеле, интерьер которого необыкновенно театрален. Это подобие того пустынного театра, в котором не раз оставался ночевать Альберт (Делесов ужаснулся, когда услышал об этом: «Как? в театре? в темной пустой зале?» (5, 42). Герой

Арбеса тоже сам рассказывает о полной значения и необыкновенных видений ночи, проведенной им в барочном храме святого Микулаша. В состоянии крайнего напряжения всех душевных и физических сил находится и Альберт Толстого, когда ему в столичном театре «стало представляться много», он общался со своей возлюбленной, «целовал ее руку, плакал тут подле нее» (5, 42). Так же как и Альберту, молодому герою Арбеса после ночных видений (ему явились давно скончавшаяся мать, бабушка, художник Балк, написавший образ святого Ксавериуса) становится страшно за свой разум. У Альберта после этой ночи «что-то сделалось в голове» (5, 42), у Ксавериуса началась горячка, которая «много дней не отпускала»[17] его. Полные лихорадочной умственной работы и психической перегрузки часы, проводимые Ксавериусом в пустынном, освещаемом лишь светом луны храме, так же как и ночные бдения в огромном театре Альберта, составляют важнейшую часть их внутренней жизни, которая скрыта от глаз непосвященных. В остальном же «Альберт» Толстого и «Святой Ксавериус» Арбеса совершенно различны — по замыслу, глубине поднимаемых проблем и по самим проблемам, по стилю, направлению и т. д.

Не менее существенны различия между повестью Толстого и другим романетто Арбеса — «Мозг Ньютона», рассказывающем о необыкновенном чудодее-любителе, искушенном в естественных науках. В произведении Арбеса нет никаких смысловых и стилевых схождений с повестью Толстого. И в то же время именно в этом романетто наиболее неоспоримые следы ее чтения. Когда рассказчик направляется к дворцу Кинских, где должен состояться бал по случаю возвращения с войны целым и невредимым его близкого друга, то описание пути по обезлюдевшей ночной Праге, освещенного дворца, огни которого гаснут по мере приближения к нему, выглядит более многословным, романтически приподнятым, чем у Толстого, описание того, как, вырвавшись от Делесова, Альберт брел по ночному Петербургу к дому Анны Ивановны.

«Выйдя на улицу, он (Альберт. — *И. П.*) оглянулся и радостно потер руки. На улице было пусто, но длинный ряд фонарей еще светил красными огнями, на небе было ясно и звездно...» (5, 48). У Арбеса: «Я ощущал необыкновенную свежесть и силу... Была осенняя ночь. Месяц в легкой дымке задумчиво висел над Петршином...»[18]

«Проходя по Малой Морской, Альберт споткнулся и упал. Очнувшись на мгновение, он увидал перед собой какое-то громадное, великолепное здание и пошел дальше. На небе не было видно ни звезд, ни зари, ни месяца, фонарей тоже не

---

[17] Arbes J. Svatý Xaverius. Newtonův mozek. Praha, 1949, s. 57.
[18] Ibid., s. 128.

было, но все предметы обозначались ясно. В окнах здания, возвышавшегося в конце улицы, светились огни, но огни эти колебались, как отражение. Здание все ближе и ближе, яснее и яснее вырастало перед Альбертом. Но огни исчезли, как только Альберт вошел в широкие двери. Внутри было темно. Одинокие шаги звучно раздавались под сводами, и какие-то тени, скользя, убегали при его приближении» (5, 48—49).

У Арбеса: «...я заторопился, и вскоре шагах в пятистах от меня возникли белые очертания княжеского замка. Все его окна светились огнями, перед зданием мелькали темные людские фигуры <...>. По мере моего приближения темных фигур, которые только что мелькали, становилось все меньше, и когда я оказался у самого дворца, все вокруг было пусто и мертво, а дворец выглядел нежилым <...> войдя внутрь, я оказался в полной темноте <...> воцарилась таинственная гробовая тишина, нарушаемая лишь гулким, непереносимо громким звуком моих шагов».[19]

«...Какая-то непреодолимая сила тянула его вперед к углублению огромной залы... Там стояло какое-то возвышение, и вокруг него молча стояли какие-то маленькие люди. „Кто это будет говорить?" — спросил Альберт. Никто не ответил, только один указал ему на возвышение. На возвышении уже стоял высокий худой человек с щетинистыми волосами и в пестром халате. Альберт тотчас узнал своего друга Петрова» (5, 49).

У Арбеса это развернуто на нескольких страницах текста. «...Проскользнув внутрь сквозь полуоткрытую дверь, я, прислонясь к косяку, остановился на пороге. Огромная, сверкающая зала была освещена бесчисленными огнями <...> Одного взгляда в зал было достаточно, чтобы понять, сколь многочисленно и примечательно было собравшееся здесь общество, преимущественно мужское <...> от каждого стола был виден черный, свисавший с потолка до полу занавес, закрывавший переднюю часть зала <...> Когда занавес раскрылся полностью, я увидел возвышение, покрытое черным сукном...»[20] На возвышении оказывается его друг, который обращается к присутствующим с речью. «Как странно» (5, 49), — подумал Альберт у Толстого. «Изумление было всеобщим»,[21] — читаем мы у Арбеса.

Исследователи творчества Арбеса называют среди его литературных предшественников Э. А. По и Ж. Верна, находя в его произведениях многочисленные переклички, полемику, «соревнование» с произведениями американского романиста и французского фантаста. Однако от них обоих Арбес отличался свойственной лишь ему «романтической иронией» по отношению к

[19] Ibid., s. 130—131, 134.
[20] Ibid., s. 137, 141.
[21] Ibid., s. 141.

своим героям — фанатикам научной или мистической гипотезы, реальность которой они стремятся доказать. Основой романтической иронии Арбеса являлось его сугубо реалистическое видение мира, огромная научная и философская эрудиция, социальное чутье пражского малообеспеченного журналиста. «Арбес живописует лишь правду, в какое бы фантастическое одеяние он ни рядил ее»,[22] — писал Я. Неруда. Недаром в качестве эпиграфа к «Святому Ксавериусу» Арбес поставил слова М. Бакунина из его обращения к русской молодежи (1869): «Не стремитесь к науке, во имя которой вас лишили бы свободы! Эта официозная наука должна погибнуть вместе с миром, который она представляет и обслуживает. На ее месте возникнет новая наука, разумная и жизнедеятельная...»

Арбесу, как мало кому из писателей, была свойственна необыкновенная отзывчивость на все созданное, открытое, написанное его современниками. И немудрено, что среди его литературных учителей мы обнаруживаем великого русского реалиста, который, благодаря своей повести «Альберт», оказался в ряду рассказчиков необыкновенных историй, таинственных превращений, необъяснимых явлений, рассказчиков, поразивших воображение чешского писателя-фантаста. В повести Толстого было немало моментов, которые могли запасть в душу молодого Арбеса: загадочность ночного Петербурга, вызывающего в герое ощущение крайнего одиночества, покинутости, непризнанности, равно как и загадочность человеческой души, выражающаяся в полубреде, полувоспоминаниях героя, в странном, обрывочном отражении действительности в его больном мозгу. Короче — загадки разума и чувствований, которые подметил Толстой в «Альберте» и реалистически показал, обосновав психологически.

Фантаст-Арбес интуитивно угадал несостоявшегося фантаста-Толстого, который еще до создания «Альберта» попытался заглянуть в мир загадочного и «придумал фантастический рассказ» (запись Толстого в дневнике от 16 июля 1856 г., 54, 17), замысел которого остался невоплощенным и который должен был начинаться со сцены, очень напоминавшей «видения» из «Альберта» и «Мозга Ньютона».

Второе произведение Толстого, переведенное на иностранный язык, — «Записки маркера», появилось в 1860 г. в чешском журнале «Образы живота» — своеобразном альманахе художественной отечественной и переводной литературы.[23] Рассказ как бы продолжал начатую в «Альберте» тему «падения души» (Н. Г. Чернышевский). Как и «Альберт», «Записки маркера» не понравились редактору «Современника» Некрасову, который

---

[22] Neruda J. Jakub Arbes. — Humoristické listy, 1878. Цит. по: Moravec J. Jakub Arbes. Praha, 1966, s. 160.

[23] Tolstoj L. N. Zápisky markéřovy. — Obrazy života, 1860, č. 5.

писал Толстому, что они «очень хороши по мысли и очень слабы по выполнению».[24] Некрасову не нравилась стилизация языка маркера. «Избрав эту форму, — писал Некрасов, — вы без всякой нужды только стеснили себя: рассказ вышел груб, и лучшие вещи в нем пропали... Однако ж я долгом считаю прибавить, что, если вы все-таки желаете, я напечатаю эту вещь немедленно, мы печатаем много вещей и слабее этой».[25]

В Чехии рассказ Толстого вызвал интерес. Журнал «Образы живота», основанный и редактируемый в первые два года его существования (1859—1860) крупнейшим писателем, критиком и редактором Я. Нерудой, был трибуной молодых литераторов, с которой они провозглашали прогрессивные взгляды на искусство. Уже само название нового журнала было программным — «образы живота» в переводе означает «картины жизни». После названия следовало уточнение: «Домашняя иллюстрированная библиотека легкого и поучительного чтения». Литература, считали шестидесятники, должна давать читателю возможность познания жизни. «Нам нужны, — писал Я. Неруда, — верные картины действительности, примеры из жизни всех сословий, рассказы о событиях, взятых из жизни, а не выдуманных автором».[26] В нескольких статьях, напечатанных за два года в журнале, Неруда теоретически обосновал требования маевцев, предъявляемые ими к литературным произведениям: всестороннее и правдивое изображение жизни, демократизм и идейность содержания. Те же требования предъявлялись к переводным произведениям. В 1860 г. в журнале были помещены отрывки из «Легенды веков» В. Гюго, стихотворения Беранже, Т. Г. Шевченко. Из произведений русских авторов — два рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Фауст» И. С. Тургенева и «Записки маркера» Л. Н. Толстого.

Рассказ Толстого переводился по тексту, напечатанному в сборнике «Для легкого чтения (повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей)», вып. II, СПб, 1856, а не по «Современнику» (1855), где рассказ появился впервые, но в сокращенном виде.

В данном случае имя переводчика известно. Им был Э. Вавра (1839—1891), пражанин по рождению, сверстник Я. Неруды, редактор ряда журналов, активный участник чешской литературной жизни 60-х годов и усердный переводчик с русского. К русскому языку и русской литературе его приобщил В. Ганка, которого Э. Вавра, в молодости принадлежавший к литераторам совсем иной общественно-литературной ориентации, чем реакционный русофил Ганка, называл своим

---

[24] Некрасов Н. А. Письма 1840—1877. Л., 1930, с. 187.

[25] Там же.

[26] Neruda J. Škodlivé směry. — Obrazy života, 1859. Цит. по: Neruda J. Necht' nový cíl dá nový den. Praha, 1973, s. 66.

«незабвенным учителем». Вполне возможно, что и «Альберта» переводил Вавра, скрывшийся за псевдонимом «R.», а Ганка способствовал опубликованию его первого перевода в газете, к которой был близок. Именно Ганка, вошедший в историю чешской литературы созданием рукописей «Краледворской» и «Зеленогорской», которые выдал за подлинные произведения древнечешской литературы, мог повлиять на изменение названия повести Толстого. Впрочем, в первой половине XIX в. некоторая редактура перевода выдвигалась в качестве требования к переводчику. Поэт Ф. Л. Челаковский, создатель первой антологии славянских народных песен, писал В. Ганке по поводу польских краковяков: «...там, где мысль или предмет низки и грубы, их следует приподнимать и смягчать».[27] Последующие переводы Вавра подписывал, как правило, своим именем. Однако под первым он мог, в силу неуверенности начинающего, и не подписаться. Правда, ни один из справочников, включая последний, самый подробный и обстоятельный «Словарь псевдонимов в чешской и словацкой литературе»,[28] не отмечает среди имен и сокращений, использованных Ваврой, знак «R.». Среди тех же, кто ею подписывался, а таких было немало, нет никого, кого можно было бы принять во внимание, за исключением разве что Йозефа Эмлера (1836—1899). Й. Эмлер, в конце 50-х годов начинающий журналист, мог быть среди посещавших семинар В. Ганки. Но впоследствии, работая в разные годы профессором истории Пражского университета, архивариусом столицы Чехии, он лишь однажды, как свидетельствует «Словарь псевдонимов...», употребил сокращение «R.», будучи редактором «Часописа ческого музея» — в 1871 г. Перевод рассказа Толстого «Записки маркера» отличается теми же достоинствами и недостатками, что и перевод «Альберта». Свобода в обращении с чешским языком, говорящая о незаурядных способностях переводчика, иногда неудачи в переводе тонкостей разговорной речи сближают оба перевода по качеству и по стилю. Все это позволяет утверждать, что автором обоих переводов был Э. Вавра, неутомимый переводчик не только с русского, но и с французского и с немецкого языков. Трудясь, по словам Я. Неруды, с утра до вечера,[29] он наводнял своими переводами чешские журналы. При этом его отличали хороший вкус и легкое перо. В 1870 г. Э. Вавра переселился в Ригу, работал там редактором журнала «Рижский вестник», затем учительствовал в Оренбурге, Одессе, а последние двадцать лет — в Ереване, где и умер.

«До 50-х годов у нас царили немецкие, французские и английские образцы, — писал Я. Неруда, — в 50-е и в начале 60-х годов на нас начали воздействовать Гоголь, Гончаров, Толстой,

---

27 Цит. по: Левый И. Искусство перевода. М., 1974, с. 96.
28 Slovník pseudonymů v české a slovenské literatuře. Praha, 1973.
29 Neruda J. Podobizny. D. IV. Praha, s. 210.

Тургенев и др.».[30] Первый переводчик Толстого активно способствовал этому воздействию, войдя в историю чешской литературы как талантливый пропагандист вершинных достижений литературы русского народа.[31]

Мы сочли необходимым остановиться так подробно на литературном контексте двух чешских переводов из Толстого, поскольку они были первыми переводами произведений Толстого в мировой литературе.

---

[30] Цит. по: Соловьева А. П. Ян Неруда и утверждение реализма в чешской литературе. М., 1973, с. 79—80.

[31] К наиболее крупным его работам принадлежат переводы «Мертвых душ» Гоголя, «Обломова» Гончарова, «Демона» Лермонтова. Для переводчиков с русского Вавра составил «Словарь переводчика».

Глава 2

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО У ЛУЖИЦКИХ СЕРБОВ И БОЛГАР. ТОЛСТОВЦЫ

Представление о Л. Н. Толстом-художнике разнилось от одной славянской страны к другой и было связано не только с уровнем литературного развития, но и с позицией тех, кто пропагандировал и переводил Толстого.

Как правило, переводчики выбирали из произведений Л. Н. Толстого такие, которые по тем или иным причинам казались им наиболее созвучными своим собственным проблемам. Например, на словенский язык в 80-х годах были переведены народные рассказы Л. Н. Толстого, и лишь после этого словенцы смогли познакомиться с романом «Анна Каренина», написанным за десять лет до рассказов. У словаков полный перевод «Анны Карениной» появился лишь в 1929—1930 гг., а народные рассказы начали переводить в 90-х годах.

У лужицких сербов среди переводов с русского, осуществленных в конце XIX — начале XX в., произведения «гениального писателя и самого славного сына русского народа», как в своем поздравительном послании назвали Л. Н. Толстого члены патриотической организации Липа сербская (в Будишине),[1] занимают подобающее место. С народными рассказами Л. Н. Толстого знакомил своих соотечественников живший в России лужицкосербский поэт и журналист Голан (1853—1921). Его переводы печатались в будишинском журнале «Лужица» («Иван-дурак», 1887, «Где любовь, там и бог», 1889 и др.). Много пере-

---

[1] Письмо от 5 сент. 1909 г. (ОР ГМТ).

водил из русских авторов, в том числе из Л. Н. Толстого, также проживавший в России лужичанин Я. Брыль, как и Голан, отдававший предпочтение народным рассказам Л. Н. Толстого («Поликушка», «Хозяин и работник»).

В конце XIX — начале XX в. русская литература оказала исключительно большое влияние на болгарскую литературную и общественную мысль. От литературы читатели ждали нового, идейного, революционного и находили это в произведениях русских авторов — увлекались романом Чернышевского «Что делать», книгами писателей-народников, обращением П. Кропоткина «К молодежи», и др. Видный деятель международного и болгарского рабочего движения В. Коларов (1877—1950) вспоминал, что в последних классах гимназии «поглощал все книги, которые мне попадались на болгарском языке», среди них были книги Льва Толстого.[2] Была известна в Болгарии и русская революционная литература, издававшаяся политэмигрантами в Лондоне и Женеве, куда нередко наведывались будущие болгарские деятели. В Лозанне В. Коларов слушал лекции по физиологии, которые читал внук А. И. Герцена, «один из самых прогрессивных ученых нового времени»[3] П. А. Герцен. В Цюрихе болгарский студент познакомился с эмигрировавшими туда марксистами из группы «Освобождение труда» — Г. В. Плехановым, П. Аксельродом, Верой Засулич, в Женеве — с последователями П. Кропоткина, а также с толстовцами, среди которых был биограф Толстого П. И. Бирюков. Молодые болгары присутствовали на собраниях, «представлявших с идейной стороны весьма пестрое зрелище и проходивших необыкновенно интересно. . . Мы, болгарские марксисты, — вспоминал В. Коларов, — с головой окунулись в идейную жизнь русской эмиграции».[4]

Знакомство с творчеством Толстого происходило в Болгарии в обстановке национальной и классовой борьбы. «Я очень хорошо помню то время, — писал П. Ю. Тодоров, прозаик, драматург, поэт, публицист, — когда у нас стали распространяться произведения Толстого. Была вторая половина 80-х годов. Среди учеников гимназий началось подспудное идейное брожение, которое в конечном итоге оформилось в социалистическую партию. Социализм состоял в пении русских студенческих песен и в чтении русских писателей. В дальнейшем, когда этот социализм отошел, стали читать, а затем и переводить брошюры Бакунина, Кропоткина, Писарева, Чернышевского. Среди них попадались и небольшие рассказы Толстого. Вскоре интерес к Толстому перешагнул рамки этой среды, распространился вширь и охватил всю болгарскую интеллигенцию».[5]

---

[2] Коларов В. Детство, юношество, възмъжаване. Спомени. София, 1966, с. 52.

[3] Там же, с. 58.

[4] Там же, с. 117.

[5] Тодоров П. Ю. Събрани съчинения. Т. III. София, 1980, с. 208.

В 90-х годах в Болгарии сложилось несколько центров по изданию революционной литературы. Одним из них был Шумен — город с сильными русофильскими традициями еще со времен русско-турецкой войны. С Шуменом была связана издательская и пропагандистская деятельность основоположника научного социализма в Болгарии Д. Благоева (1856—1924), которого младшие соратники любовно называли Дедом. В Шумене в самом начале 90-х годов выходил издаваемый сотрудничавшим тогда с Д. Благоевым, а позднее лидером широких социалистов Янко Сакызовым (1860—1941) социалистический журнал «Ден». Издавалась серия «Социалистическая библиотека» (1892—1893), «положившая начало систематической пропаганде научного социализма» в Болгарии.[6] В то время, «когда социалистические идеи еще только бродили, когда Дед был еще молод, а Янко Сакызов полон огня»,[7] в обстановке революционного подъема в Шумене в 1893 г печатается перевод пьесы Толстого «Власть тьмы», воспринятой в сельскохозяйственной Болгарии как произведение революционной литературы.

За десять лет до «Власти тьмы» имя Толстого впервые появилось в болгарской печати (краткая информация в пловдивской газете «Марица» о переезде Толстого в Москву), за девять лет — первый болгарский перевод (отрывок из романа «Война и мир»).

В течение полутора десятилетий на болгарском языке вышли романы Толстого «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», его «Исповедь» (1889), «Крейцерова соната» (1890), «Кавказский пленник» (1891), «Детство» ((1893), «Хозяин и работник» (1895), «Плоды просвещения» (1896), снова «Крейцерова соната» (1898), «Семейное счастье» (1898), рассказы для народа, статьи на социальные, политические и этико-философские темы.

Когда Толстой входил в духовную жизнь Болгарии, там еще не было профессиональных переводчиков. Знакомили читателей с художественными произведениями Толстого и писали о нем крупнейшие представители стремительно утверждавшегося болгарского реализма, видные литераторы и общественные деятели: Иван Вазов (1850—1921), Константин Величков (1855—1907), Михаил Маджаров (1854—1944), Ана Карима (1871—1949) и др.

Первая в Болгарии толстовская публикация — отрывок из романа «Война и мир» — связана с именем И. Вазова. Она появилась в школьной «Болгарской хрестоматии» (1884), составленной И. Вазовым и К. Величковым и по сути представлявшей собой панораму болгарской и мировой литератур, для которой

[6] Там же, с. 55.

[7] Елин Пелин. Сочинения в двух томах. Т. II, с. 333. Цит. по: Руско-болгарские фольклорные и литературные связи. Т. II. Л., 1977, с. 177.

составители сделали и переводы. Выбор батального отрывка (описание Бородинского сражения), видимо, не был случаен — ведь еще совсем недавно отгремели бои освободительной русско-турецкой войны. Отрывку из романа предшествовала написанная И. Вазовым краткая справка об авторе — первая информация такого рода и второе сообщение о Толстом в Болгарии.[8]

В литературу И. Вазов вступил в 1870 г. Его первые стихи отличались ярко выраженной антитурецкой направленностью. Однако наибольших успехов писатель добивается в прозе. Его роман «Под игом», написанный в Одессе (куда И. Вазов эмигрировал после переворота 9 августа 1886 г. и где прожил с 1887 г. до 1889 г.) и напечатанный в 1890 г., стал первым романом в болгарской литературе и снискал его автору неувядающую славу. Исследователи склонны видеть в романе школу Толстого — как в обращении к тематике из отечественной истории, в эпическом характере многих страниц произведения, так и в обрисовке образов некоторых героев.[9]

Об авторе эпопеи «Война и мир» И. Вазов писал в автобиографических очерках «Вне Болгарии» (1891): «Граф Толстой уже старый человек... Он живет в своем имении Ясная Поляна недалеко от Москвы. Там он занимается решением философско-религиозных вопросов. Цель жизни он видит в физическом труде и с ним связывает возможность счастья в этом мире. Он изобрел и другое учение — непротивление злу... Его почитатели, приезжая к нему, застают графа в темной крестьянской одежде, забрызганной грязью и покрытой пылью, за починкой люльки для бабы, подметающей его двор; за плетением ремней и изготовлением тележных колес. В витринах всех книжных магазинов в Одессе и Москве выставлена одна и та же картина, на которой изображен русский мужик, идущий за парой лошадей вдоль борозды. Это граф Толстой. Разумеется, многие эту философско-патриархальную жизнь принимают за чудачество, а философские умствования Толстого — за плод мистических настроений, свойственных старости».[10] В этих иронических словах сквозит неприятие И. Вазовым, энергичным общественным и литературным деятелем, пассивной философии Л. Н. Толстого, писателя, чье художественное творчество его неизменно восхищало.

Восторженно отозвался И. Вазов о романе «Воскресение». Сравнивая Л. Н. Толстого с Э. Золя, он решительно отдает предпочтение первому. В «Воскресении» Л. Н. Толстой, по сло-

---

[8] Граф Л. Н. Толстой — животописна бележка. — В кн.: Вазов Ив., Величков К. Българска христоматия, или Сборник от избрани образци по всички родове съчинения. Ч. I. Пловдив, 1884, с. 363.

[9] Мотылева Т. «Война и мир» за рубежом. М., 1978, с. 406—408; Анчев А. Лев Толстой и българската литература. София, 1978, с. 53—69.

[10] Вазов И. Извън България. — Деница. 2. 1891, № 2, с. 58—59.

вам И. Вазова, проникает в темные углы русской души и русской жизни, осваивает новые тематические области, столь не похожие на те, которые он разрабатывал в «Войне и мире», «Анне Карениной»[11] — романе, непосредственным образом повлиявшем на творчество самого И. Вазова. Образ Чакалова — героя романа И. Вазова «Казаларская царица» (1903) — болгарский двойник толстовского Левина с его культом крестьянского труда, здоровой, естественной жизни «на земле». Известно, что романом «Анна Каренина» И. Вазов зачитывался в Одессе и однажды читал его «всю ночь напролет при тусклом свете лампы», после чего долго мучился «нервной болью левого глаза».[12]

Друг и соратник И. Вазова М. Маджаров, известный болгарский политик русофильского толка, один из редакторов первой после освобождения болгарской газеты «Марица» (1882—1885) (в которой, как уже упоминалось, впервые в Болгарии появилось имя Толстого), член-корреспондент Славянского института в Праге, успешно переводил русского писателя. Вынужденный, как и Вазов, эмигрировать — сперва в Константинополь, а затем в Россию, Маджаров переводит в Константинополе роман «Война и мир», все четыре тома которого выходят в 1889—1892 гг. Перевод оказался удачным[13] и переиздавался в 1912, 1921, 1927, 1939 и 1940 гг.

Если И. Вазов и М. Маджаров некоторое время жили в России, то А. Карима, выдающаяся деятельница женского социалистического движения, в России родилась. Выйдя замуж за Янко Сакызова, стоявшего у устоков болгарского социалистического движения, А. Карима учительствовала в Шумене, Плевене, Одрине, добилась открытия первого в Болгарии женского торгового училища (1916). Она — один из учредителей и первая председательница Болгарского женского совета, созданного в 1901 г. и издававшего под ее началом газету «Женски глас». Перу А. Каримы принадлежат рассказы, повести, романы, литературно-критические статьи, пьесы. Написанная ею на русском языке драма «На Балканах» ставилась на петроградской сцене. Русская литература в ее глазах всегда была образцом высокого служения народу.

Большую роль играл издаваемый в 90-х годах в Шумене А. Каримой (тогда еще Аной Сакызовой) периодический альманах «Почивка» («Отдых»), где печатались переводные романы, повести, рассказы и где на втором году издания появился упомянутый перевод пьесы Толстого «Власть тьмы», выполненный издательницей.

---

[11] Вазов И. Събрани съчинения. Т. XI. София, 1956, т. 258.

[12] Шишманов Ив. Д. Иван Вазов. Спомени и документи. София, 1930, с. 81.

[13] Берберов Д. Ив. За «Война и мир» на български. — Учителски преглед. 40. 1941, № 1, с. 73—75.

Знавшая русский язык с детства, А. Карима умело воспроизвела текст пьесы, запрещенной к постановке царской цензурой почти сразу после ее выхода в свет (1887). «Власть тьмы», фабула которой была, по признанию Толстого, «почти целиком взята... из подлинного уголовного дела»,[14] нашла горячее признание в передовых литературных кругах многих стран. Первую постановку ее осуществил выдающийся французский режиссер А. Антуан в Свободном театре (1888), в России же постановка пьесы была разрешена лишь осенью 1895 г. В Болгарии о ней впервые сообщил И. Вазов в очерках «Вне Болгарии» (1891). Он изложил сюжет, назвав его «мрачным», но отметил «свойственный Толстому талант»[15] и рассказал о полемике, развернувшейся вокруг пьесы.

В 1904 г. вышло второе, переработанное издание перевода А. Каримы, уже в Софии. В том же году пьеса была поставлена двумя столичными театрами: в январе — Государственной драматической труппой и в ноябре (премьера 8 ноября в «Славянской беседе») — театром «Смех и слезы». Обе постановки произвели огромное впечатление и вызвали многочисленные отклики в периодической печати.[16] Известный болгарский писатель и общественный деятель К. Константинов (1890—1970) много лет спустя вспоминал о спектакле, вызвавшем бурю эмоций у молодежи.[17] Г. Ст. Шопов писал Толстому из Болгарии: «Ваша драма „Власть тьмы" игралась на театре пять раз подряд, публика была грандиозная, на первом представлении присутствовал болгарский князь... князь сделал выговор директору театра, почему он дозволяет на сцене такие драмы, как „Власть тьмы"». «Убийство ребенка Никитой так сильно, что нервы не выдерживают... не надо давать такие сильные сцены»,[18] — заявило монаршее лицо.

Дело, разумеется, было не в этой сцене, а в раскрытии Толстым той правды, которую хотели умолчать правящие круги как России, так и Болгарии. Несмотря на это, осенью пьеса была поставлена вторым софийским театром «Смех и слезы» (с 1904 г. переименован в Народный театр), репертуар которого отличался новизной и взыскательностью. Помимо пьесы Толстого Народный театр поставил в 1904 г. «На дне» и «Мещан» М. Горького, в 1905 г. — «Ткачей» Г. Гауптмана. Спектакли эти поднимали

---

[14] Ракшанин Н. Беседа с графом Л. Н. Толстым: Впечатления. — Новости и Биржевая газета, 1896, № 9, 9 янв.

[15] Вазов И. Извън България, с. 58—59.

[16] Нов. век. 5. 1904, 9/22 янв.; 6. 1904, 3/16 март; Български търговски вестник. 12. 1904, 15 янв.; Софийские ведомости. 2. 1904, 15 янв.; Демократически преглед. 2. 1904, № 20, с. 476—479.

[17] Константинов К. Творчество с неотразимо въздействие. — Литературен фронт, год. IX, 1953, бр. 36.

[18] Шопов Г. Ст. Письмо к Л. Н. Толстому от 1 фев. 1904 (ОР ГМТ, Т. С. 238, 60).

болгарский театр на новый уровень и сыграли исключительно большую роль в становлении болгарской реалистической драматургии, выводя ее из мелкотемья старого мелкобуржуазного театра на широкую дорогу большого искусства.[19]

Издатели, среди которых были социалисты, распространяли в Болгарии вольное русское слово — произведения Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова, П. Ф. Алисова, М. К. Цебриковой, М. П. Драгоманова, публицистические и пропагандистские произведения народников — «История одного французского крестьянина», отрывки из «Сытых и голодных», из «Суда и расправы над Россией» и др.,[20] а также произведения Толстого, направленные против тирании. Примечателен сборник, вышедший в Софии в издательстве Т. Ф. Чипева (который издал много брошюр и книг русского писателя) под названием «Из сочинений Льва Толстого» (1896).[21] Перевод принадлежал, видимо, самому Чипеву. В сборник вошли антиправительственные работы Толстого, его статьи о женском вопросе, антимилитаристские произведения. Многие из них были переведены с русских заграничных изданий, такие, как памфлет «Николай Палкин», опубликованный М. Элпидиным в Женеве в 1891 г. (написан в 1886), «Христианство и патриотизм» — работа, изданная в Париже на французском языке, и т. п.

В то же время в Болгарии появляются последователи пассивной философии Толстого. Вначале преимущественно из воен-

---

[19] Выразительно охарактеризовал состояние болгарской сцены 80—90-х годов XIX в. П. Славейков, возглавивший с 1908 г. Народный театр: «Драма переживала то, что немногим раньше пережила поэзия. . . Не было сил продолжать дело, уже начатое. Происходили и непредвиденные события, все перевернувшие вверх дном — и жизнь, и театр, и умы. И все началось сначала. Новая жизнь! В драматургии эта новая жизнь начинается с перевода. Переводят напропалую и тут же начинают играть на сценах, в кафе всевозможную белиберду, никому не нужную и никому не понятную, появляются переводы пьес, которые превозносятся, хотя вы назвали бы их идиотскими! И весь этот протухший товар европейских рынков — греческо-сербско-румынско-французских — скапливается у нас. На болгарской сцене — вавилонское столпотворение. В Габрове, Свиштове, Русчуке, Софии и Пловдиве кипит театральная жизнь: сооружается какая-то французская „Кула Нел", испекается недопеченый сербский „Карп", „Каменщики" дробят камень не в своей одежде, она рвется в Пловдиве, „Невенка и Светослав" раздирают души в Софии, в Габрове убивают „Макбета" — „Драндавела" торчит вихром из всей свободной и пьяной от свободы Болгарии. Воскресают мертвецы — господь бог дал разрешение все воскресить в Болгарии! Трубы судного дня гремят „Шумит Марица" — глупую кафешантанную песню, символ того божественно глупого времени. В момент наивысшего подъема, когда другие создают марсельезы, национальные гимны, мы „тешим" свою душу — чем? Песней „Шумит Марица"?» (История на българската литература. III. София, 1970, с. 738—739).

[20] Эскенази Ж. Русская народническая публицистика в Болгарии. — В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи.., т. II, с. 99—116.

[21] Из сочиненията на Лев Толстой. София, 1896. 80 с.

ных кругов — солдаты, офицеры, отказавшиеся под влиянием русского моралиста от военной службы. Они начинают усиленно переводить и пропагандировать нравственно-религиозные произведения Толстого, его рассказы последнего периода.

Болгарские деятели социал-демократического движения считают своим долгом показать несостоятельность толстовской проповеди непротивления злу насилием. Высоко ценя художественные творения Толстого, болгарские социалисты, отдававшие приоритет революционным методам борьбы в осуществлении демократической программы национально-освободительного и социального движения, резко выступили против этико-философской доктрины Толстого. «В последнее время заметил я, — писал в Ясную Поляну один из ревностнейших последователей непротивленческой философии Толстого Г. Ст. Шопов, — что социалисты больше, чем правительство и духовенство, стараются самым безнравственным образом уменьшить ваше влияние на массы. А социалистов и их журналов у нас очень много... Противодействие в этом отношении они встречают от Ничева, от меня и еще нескольких наших друзей, пишущих под псевдонимами, так как они по общественному положению офицеры».[22] В пылу полемики Шопов не заметил, что социалисты не только не умаляли значения русского писателя, но в своих статьях обращали внимание болгарской общественности на лучшие творения Толстого. Отношение к Толстому стало мерилом общественно-политической активности, а его произведения оказались в центре идеологической борьбы 90—900-х годов в Болгарии.

Первыми марксистскими истолкователями творчества Л. Н. Толстого явились в Болгарии деятели социал-демократического движения: П. Ю. Тодоров, Д. Благоев, В. Благоева, В. Коларов.

Петко Юранов Тодоров (1879—1916) интересовался Л. Н. Толстым с юности. Занимаясь в лицее в Тулузе (по его окончании он изучает право в Берне, славистику — в Берлине и Лейпциге; в Варшаве, Львове и Праге собирает материал для магистерской диссертации), он пишет статью «Эволюция и ее истоки в сочинениях Толстого». Это была первая в Болгарии «попытка объяснить позиции великого писателя с точки зрения социализма».[23]

В 1907 г. появилась другая статья П. Ю. Тодорова «Толстой у нас»,[24] в 1921 г., посмертно, — еще одна: «Стихия художника», написанная под впечатлением кончины Л. Н. Толстого.[25] В этих

---

[22] Письмо Г. Ст. Шопова к Л. Н. Толстому от 1 фев. 1904 г. (ОР ГМТ, Т. С. 238, 60).

[23] Константинов Г. Л. Н. Толстой и влиянието му в България. София, 1968, с. 235.

[24] Тодоров П. Ю. Толстой у нас. — Мисъл, 1907.

[25] Тодоров П. Ю. Стихията на художника. — Златорог, 1921, кн. 6, с. 317—325.

«самых значительных и оригинальных статьях о Толстом»,[26] написанных в начале века у болгар, автор выявляет сущность толстовского реализма в сопоставлении с реализмом и натурализмом западных писателей, пытается определить особенности толстовского метода и стиля. «Первое, что меня поразило, — писал П. Ю. Тодоров, — это естественность и простота, с какой живут в его книгах отдельные персонажи и народ в целом, начиная с простого мужика, который молит бога о том, чтобы именно на его, мужика, долю выпало убить волка, и кончая Наполеоном и Кутузовым... Норм, общепринятых правил для Толстого не существует. К его произведениям шаблонные мерки не подходят. При этом их отличает редкая стройность, полнота содержания, охватывающего жизнь во всей ее широте и сложности. Как вселенная полагает себе законы, исполняет их, подчиняется им, так и творения автора „Войны и мира", „Анны Карениной" сами устанавливают нормы, которыми руководствуются. Ни один другой писатель в мире так не далек от тривиальности, от интереса к временному, преходящему, от унижения искусства модой или злобой дня, как Толстой <...> художественной условности для него как бы не существует, он не признает никакой стилизации, между его творениями и действительностью отсутствует зазор... Им чужды любая преднамеренность, пафос, измышления, необычайное. Он не говорит, у кого надо учиться писать, зато сам „зарождение таинственного цветка поэзии" примечает в душе „полуграмотного крестьянина"...»[27]

Весомое слово о творчестве Л. Н. Толстого было в начале XX в. сказано первым болгарским критиком-марксистом Димитром Благоевым (Дедом), взгляды которого на литературу формировались под сильным воздействием трудов русских революционных демократов. Высшее образование Д. Благоев получил в Петербурге, где в 1883—1884 гг. создал социал-демократическую группу, через год объединившуюся с плехановской. В 1891 г. под руководством Д. Благоева была основана болгарская социал-демократическая партия. Свои статьи о Л. Н. Толстом Д. Благоев помещал в редактируемом им теоретическом органе БСДРП журнале «Ново време», оказавшем большое влияние на культурную жизнь в Болгарии. В 1900 г. он выступает с развернутой рецензией на толстовский трактат «Что такое искусство?» По мнению Д. Благоева, Л. Н. Толстой при определении сущности искусства перемещается из сферы эстетической в сферу этическую и, несмотря на «внешний радикализм и своеобразную революционность своей концепции, льет воду на мельницу русской реакции», охранителей того «мужицко-религиозного сознания, на котором держится весь нынешний

---

[26] Великов Ст. Лев Н. Толстой у нас. — Пламък, 1960, бр. 11, с. 64.
[27] Тодоров П. Ю. Събрани съчинения, т. III, с. 239—240.

строй России и которое Толстой почитает образцом народной идеологии наших дней».[28]

В 1900 г. в журнале «Ново время» по поводу брошюры Л. Н. Толстого «Рабство нашего времени» выступила талантливая писательница и критик Вела Благоева (1858—1921). В написанной с марксистских позиций статье В. Благоева показывала ошибочность рецептов Л. Н. Толстого, главный их порок усматривая в проповеди непротивления.

Через год в связи с той же брошюрой и в том же журнале под псевдонимом Венелин высказывается Васил Петров Коларов (с 1949 г. — председатель Совета министров НРБ). Толстой, по мнению Коларова, «великий мастер в определении диагноза того ужасного заболевания, которое мучает сегодня человека-раба, но как врач, задача которого прописать необходимые лекарства и дать нужные советы, Толстой никуда не годится».[29]

Подобные высказывания вызвали бурю негодования в другом лагере — среди поклонников Толстого-непротивленца. В уже цитированном письме Г. Ст. Шопов, демонстрируя полное непонимание сути проблемы, писал Толстому: «Перед рабочим народом они (имеются в виду социалисты. — *И. П.*) представляют Вас как человека, который хочет воздвигнуть рабство в принцип, и даже как человека, который содействует властям, чтобы угнетать народ».

Чрезвычайно ценил Л. Н. Толстого редактор болгарского журнала «Мисъл», известный критик, теоретик искусства Крысте Котов Крыстев (1866—1919), к которому, в свою очередь, с большим уважением относился М. Горький.[30] К. Крыстев, всегда отдававший должное высоким нравственным идеалам русской литературы, в статье «„Непротивление злу" в болгарской литературе» попытался выявить общие моменты в творчестве Л. Н. Толстого и болгарских писателей.[31]

Отношение болгарской либерально-демократической интеллигенции конца века к воззрениям Л. Н. Толстого сформулировал А. Константинов (1863—1897), выдающийся прозаик, юрист по образованию (учился в Одессе), автор сатирического цикла рассказов и фельетонов, в центре которых неувядающий образ Бай Ганю. Л. Н. Толстой, писал А. Константинов, «как Соломон, пришел к убеждению, что богатство и слава — суета сует. Его дух волновали вопросы смысла и сути человеческого бытия, он искал ответы на эти вопросы в науке, не нашел их и обрел душевное равновесие, лишь сблизившись с жизнью и мировоззре-

---

[28] Благоев Д. Литературно-критические статьи. София, 1974, с. 372.

[29] Венелин. Граф Толстой за днешното робство. Отрицателните и положителните страни на Толстоевите съчинения. — Ново време, 1900, кн. 11—12.

[30] Переписка М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960.

[31] Миролюбов В. (псевдоним К. К. Крыстева). «Непротивление злу» в българската литература. — Демократически преглед. VII. 1909, кн. III.

нием простых людей. Но живя своей сегодняшней жизнью, Толстой отнюдь не становится равнодушным пессимистом и не впадает в уныние от сознания человеческого бессилия... напротив, он весьма оптимистичен... он верит, что наступит рай и что люди обретут его не в неведомых пределах, а здесь на земле... Пример Толстого... указывает путь к народу целому легиону честных, самоотверженных деятелей, которые отказываются от личных благ ради посильного содействия нравственному очищению, а через него — благоденствию народных масс».[32]

В связи со смертью Л. Н. Толстого газета «Работнически вестник» подчеркивала другое: «Философское учение Толстого безопасно для господствующих классов, зато каким гонениям подвергает русский деспотизм сторонников той откровенной и суровой критики, с какой писатель обличает кровавый режим царской России. Пролетариат в лице Толстого лишается не единственного своего защитника, но он ценит его беспощадную критику современного режима, его огромный художнический талант. Л. Н. Толстой прежде всего был художником, поэтом и таким умер».[33]

От борьбы вокруг Толстого в конце XIX — начале XX в. нас отделяет почти столетие. В полемике того времени проходила становление болгарская марксистская литературная критика, которая в статьях Д. Благоева, В. Благоевой, В. Коларова достигла первых значительных успехов. И в этом непреходящее значение литературно-философских споров тех лет.

В отличие от социал-демократической и просто демократической критики трактовка толстовского творчества, исходившая от болгарских толстовцев, с самого начала основывавшаяся на неверных постулатах, с годами становилась все более выхолощенной, давая искаженное представление о великом русском писателе. Время показало ее полную несостоятельность. Однако в своей антиправительственной деятельности толстовцы были порой очень смелы и косвенно помогали демократическому движению в целом.

Болгарские толстовцы, как и толстовцы в других славянских странах, были тесно связаны с русским протолстовским движением и с самим Толстым. Поэтому их деятельность следует рассматривать в более широком контексте, выходя за рамки одной страны. Центрами европейского толстовского движения были Женева, где жило много русских эмигрантов, а также Лондон. Деятельность толстовской эмиграции была нацелена на то, чтобы направить различные религиозные секты в русло «мирного христианского анархизма».[34] В Швейцарии и Англии

---

[32] Цит. по: Константинов Г. Л. Н. Толстой и влиянието му.., с. 227.

[33] Цит. по: Великов Ст. Указ. ст. — Пламък, 1960, бр. 11, с. 65.

[34] Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.

с 1899 г. выходили периодические издания русских толстовцев — журналы «Свободная мысль» и «Листки Свободного слова».

Пока интерес к творчеству Л. Н. Толстого носил характер сугубо литературный и не выходил за рамки русофильских симпатий прогрессивной славянской интеллигенции, социальные протолстовские движения не возникали. Но к концу XIX в., в условиях обострения классовых противоречий и подъема национально-освободительной борьбы широкое распространение в славянской Европе получили не только художественные, но и этико-философские, а также публицистические произведения Л. Н. Толстого. Подчас даже малограмотные люди проявляли живой интерес к его личности, с которой они связывали бунт против церкви, государства, войн и угнетения. Убеждение Л. Н. Толстого, что только личное самоусовершенствование приведет к моральному оздоровлению общества, что в основе социального прогресса лежит духовное перерождение людей, чуждое какого бы то ни было насилия, эгоизма, его попытки создать новую, «очищенную» религию, которая вобрала бы в себя моральные постулаты и философию различных религиозных систем — от христианства до буддизма, привлекали некоторую часть обездоленного населения. Высокие нравственные идеалы, возвеличение труда земледельца, осуждение сильных мира сего — все это импонировало угнетенным сословиям, особенно в странах, по преимуществу сельскохозяйственных, какими были южнославянские земли и Словакия.

Среди зарубежных славян так же, как и в России, появились приверженцы Л. Н. Толстого, готовые вслед за своим учителем отрицать значение его величайших художественных творений и поднимать на щит идеи пассивного противления и патриархального утопического коллективизма. Возникают движения за моральную чистоту, против алкоголизма, движение вегетарианцев, пацифистское движение, движение за «свободное» воспитание. В ряде мест создаются земледельческие колонии, жизнь в которых их основатели пытались организовать в соответствии с этико-философскими воззрениями Л. Н. Толстого. В итоге все эти движения вливались в общенародную национально-освободительную борьбу у славян. Их участники — уклонявшиеся от воинской повинности пацифисты, члены земледельческих коммун, — как правило, входили в конфликт с властями, подвергались преследованиям, репрессиям. Их общественная позиция была позицией противостояния государству и церковному аппарату. Они порицали, а то и отрицали существующий миропорядок, ввиду чего исповедуемое ими толстовское непротивление на практике сплошь и рядом оборачивалось пассивным «сопротивлением», стойким и самоотреченным.

«Борцу за человечество, Апостолу науки, истины и правды, настоящему писателю и человеку, Гражданину Льву Толстому», — так начинается письмо белградского столяра, который

рассказывал любимому писателю о трудной, полуголодной жизни его семьи и выражал желание переехать в «задругу» — коммуну, которую, как он полагал, организовал в Ясной Поляне Л. Н. Толстой. Переехать, чтобы его дети ходили в толстовскую школу. Заканчивалось письмо горячим приветом Толстому и его «задругарям, братьям мужикам и рабочим».[35] Толстой в глазах простых людей был не столько писателем, сколько «ходатаем», их заступником.

Такие письма приходили в Ясную Поляну отовсюду. «Будьте моим учителем и отцом, а я буду прилежным учеником и прилежным сыном», — писал двадцатитрехлетний словенец, изъявляя желание «познакомиться со страной и народом, который по языку так близок моему, сербскому, богат идеями, столь значительными, что ими увлекаются и стар и млад...»[36]

Женщина-почтальон из Лесковаца (Сербия) спрашивала Л. Н. Толстого, «есть ли лучший путь христианской жизни, чем брак и материнство».[37] Корреспондентке были посланы из Ясной Поляны составленные Л. Н. Толстым сборники «На каждый день» и «Мужчина и женщина».

Из Заечара-Сумраковца (Сербия) Л. Н. Толстому написал тридцатитрехлетний слесарь, испрашивая разрешения взять имя Л. Н. Толстого в качестве своего псевдонима.[38]

Внимание многих привлекло отлучение Л. Н. Толстого от церкви. Простые люди целиком были на стороне писателя, не находя в церкви обещаемого церковниками «прибежища» и «утешения» и уповая больше на борьбу с ней «за истинную правду», которую вел Толстой. Одно из писем, полученных после отлучения русским писателем из Польши, гласило: «Великий и почитаемый мастер Земли Российской, Ваше сиятельство граф Лев! Я благославляю православных архиереев за то, что благодаря их пастырскому письму к их пастве, опубликованному на этих днях, я узнал тебя, величайший и редкостный мыслитель, по твоему произведению — „Воскресение". Я крестьянин, почти без образования, и не удивительно, что у меня нет ни ученой подготовки, ни тем более времени изучать великих и возвышенных талантов всего мира, но сейчас, почти по высшему повелению в газетах трубят побудку для всех христиан, каждый, кто задумывается над ее содержанием и значением, обязан различать произносимое зло, чтобы не попасть в сети злого духа. Еще не кончив „Воскресения", я понял тебя, господин, и стал твоим последователем. Я не перестаю благославлять Святейший Синод, который, хотя и бессознательно, не желая этого, приумножил миллионы твоих поклонников, приникших к источнику кра-

---

[35] Письмо А. Банковича от 8 мая 1895 г. (ОР ГМТ).

[36] Письмо Г. Янковича от 23 окт. 1896 г., на сербском языке (ОР ГМТ).

[37] Письмо Р. Миленкович от 25 нояб. 1909 г., на сербском языке (там же).

[38] Письмо Т. Мандича от 9 мая 1905 г., на сербском языке (там же).

соты и правды... Прими от меня, „работника, копающегося в земле", выражение покорнейшего и глубочайшего уважения...»[39]

Особый размах толстовское движение приобрело в Болгарии. «Я один из твоих последователей, я болгарин, следующий твоему учению. Не только русское правительство, но и болгарское правительство преследует твоих братьев».[40] Л. Н. Толстому писали болгарские крестьяне, ремесленники, солдаты, выражая свое согласие с его нравственной проповедью, а зачастую и желание жить и работать вблизи него.

Из села Врбица Шуменского округа писателю сообщали об открытии там «школы самоусовершенствования», в задачу которой входило развитие у молодежи природных способностей. «Великому писателю графу Л. Толстою, просветителю человеческого рода его сомышленник...» — говорилось по-русски в конце письма.[41]

Толстовцы, как правило, были выходцами из крестьян, ремесленников, мелкобуржуазной интеллигенции. Среди них было немало просто сочувствующих учению Л. Н. Толстого, но немало и деятельных активистов, пытавшихся в корне изменить свою жизнь, следуя заветам писателя. Последние были тесно связаны с толстовской эмиграцией в Европе.

В Болгарии выходило большое количество протолстовских изданий — журналы «Возрождение», «Лев Н. Толстой», «Свободное воспитание» и др.

Основателем журнала «Лев Н. Толстой» (с 1903 г.) был один из наиболее убежденных и активных последователей русского писателя Георги Стоилов Шопов (1879—1933). Под влиянием идей Л. Н. Толстого Г. Шопов отказался от военной службы, за что был осужден на 3 года пребывания в дисциплинарном батальоне и 8 недель ареста в условиях особой строгости. Тогда же началась его многолетняя переписка с Л. Н. Толстым. Г. Шопов сетовал на непонимание земляков, называя их «очень воинственными людьми».[42] Выйдя на волю, Г. Шопов стал книгоношей, ревностным распространителем сочинений Л. Н. Толстого и его сподвижников, основал собственное издательство «Живот» («Жизнь»), выпустившее десятки произведений Л. Н. Толстого, зачастую переведенных самим Г. Шоповым с бесцензурных, изданных за пределами России оригиналов.[43]

Одной из первых акций, предпринятых Шоповым после его

[39] Письмо А. Лесьневского от 20 марта 1901 г., на русском языке (ОР ГМТ, 203—204).

[40] Письмо В. Попова от янв. 1910 г. (там же).

[41] Письмо Н. Даскалова от 1 янв. 1900 г. (там же).

[42] Письмо Г. Шопова от 23 авг. 1901 г. (ОР ГМТ, Т. С. 238. 57).

[43] Г. Ст. Шопов перевел, в частности, «Царство божие внутри нас», «Одумайтесь!» и др. Он — автор первой болгарской биографии Л. Н. Толстого и воспоминаний о нем.

выхода на свободу, было распространение книг Толстого и о нем, неизвестных в России, в дни празднования двадцатипятилетия освобождения Болгарии (1902). Книги, полученные от А. К. Чертковой на имя Ничева, еще одного ревностного болгарского толстовца, должны были предлагаться русским гостям. «Глубокоуважаемый Лев Николаевич, — писал Шопов 15 сентября 1902 г., — я теперь нахожусь в Шипке, но Ваши сочинения не допускают». 21 сентября: «В Шипке хотели арестовать меня как лицо опасное. Никакие сочинения Ваши так и не допустили. На этот счет было специальное распоряжение». Не распространив книги в Шипке, Шопов направился в провинцию, оставляя в училищах разных болгарских городов по несколько книг Толстого. «Есть учителя, — писал Шопов, — которые очень мало знают про Вашу деятельность, но есть и такие, которые очень, очень много знают про Вас и Ваши сочинения и которые очень восхищаются Вашей деятельностью». Это — важное свидетельство Шопова об интересе к сочинениям русского писателя среди болгарской учительской интеллигенции, пользовавшейся особым авторитетом у населения. Шопов в тот раз «разнес больше 700—800 брошюр из чертковских изданий». В учительской среде Шопова, по его свидетельству, принимали очень радушно, благодарили за книги, расспрашивали о Толстом, многие интересовались, «почему русское правительство не ограничивает Вас? Я ответил им так: „Потому что Толстой принадлежит не только России, а всему миру"».[44]

Шопов постоянно информировал Л. Н. Толстого о положении в Болгарии, о настроениях в народе, о своих разъездах. «Повсюду Ваше имя и Ваша деятельность известны даже мальчикам и неграмотным людям, которые, естественно, больше по слуху слышали про вас... ко мне пришли несколько старых рабочих, которые с большим любопытством спросили меня, я ли тот, который противился царю. Потом с тем же любопытством меня расспрашивали про Вас. Несмотря на то, что они старые и неграмотные люди, они знали уже... про то, что Вас отлучили от церкви. Когда я был в моем родном городе (Панагюриште. — *И. П.*), то заметил, что почти все знают про Вас и толпами собирались возле меня, спрашивая про Вас — кто он, что он и т. д. ... наше издание ... настоящая духовная потребность людей. Увидя этот громадный интерес ... у меня невольно появляется желание просить вас, чтобы Вы прислали нам для журнала „Ново слово" (второй издававшийся Г. Шоповым журнал) что-нибудь в оригинале».[45]

Издательская и пропагандистская деятельность Г. Шопова вызывала сильное неудовольствие властей. Его друг армейский офицер был уволен со службы только за то, что выписывал жур-

[44] Письма Г. Ст. Шопова к Л. Н. Толстому (ОР ГМТ, Т. С. 238. 58).
[45] Письмо от 19 нояб. 1902 г. (ОР ГМТ, Т. С. 238. 58).

6 Заказ № 287

нал «Лев Н. Толстой».[46] Болгарское правительство боролось с влиянием Л. Н. Толстого всеми мерами, преследуя за хранение сочинений русского писателя и передачу их другим лицам. Судьба еще одного болгарского толстовца М. Попова, тоже отказавшегося от исполнения воинской повинности, была значительно осложнена тем, что у него при обыске нашли произведения Л. Н. Толстого: «Исповедь», «В чем моя вера», «Царство божие внутри нас». Защищаясь на суде, он смело заявил: «А вы, судьи и чиновники, безжалостно топчущие бедняка, знайте, что близок день, когда этот бедняк выбросит вас на свалку».[47]

Толстой рассматривал случаи отказа по принципиальным мотивам от воинской повинности как воплощение его мечты о бескровном пути человечества к жизни без войн и насилия, и стремился облегчить участь тех, кто решался на личный бунт против государственной военной машины. Узнав о поступке Г. Ст. Шопова из присланной ему из Болгарии газетной вырезки, сообщавшей о разбирательстве дела Шопова софийским судом, он тут же пишет П. И. Бирюкову, находившемуся в Женеве: «Посылаю вам важную газетную выписку... Надо напечатать и, если можно, помочь этому человеку, выразив ему нашу связь с ним» (72, 502). По рекомендации Толстого заметка о Шопове была напечатана в 12-м номере лондонской «Свободной мысли» в том же 1901 г. В письме к редактору болгарской газеты Толстой утверждал: «...спасение только в том, что делает милый дорогой Шопов» (73, 84), и просил передать ему свою «любовь, благодарность, уважение» (73, 85).

Летом 1901 г. между Толстым и Шоповым началась переписка, длившаяся долгие годы. «...Та страшная революция, которую вы производите, не разбивая бастилий, а сидя в тюрьме, — писал Толстой Шопову 10 августа 1901 г., — разрушает и разрушит все теперешнее безбожное устройство жизни и даст возможность основаться новому» (73, 118). Вера писателя в то, что построить новый мир можно, «не разбивая бастилий, а сидя в тюрьме», была не только утопической, но в канун великих революционных преобразований противоречащей естественному ходу истории, и не удивительно, что против Толстого-социолога резко выступали критики-марксисты. С другой стороны, Толстой-боец, Толстой-критик буржуазного общества был авторитетнейшим союзником социалистов.

Осенью больной писатель, лечившийся в Гаспре, посылает в болгарскую газету письмо, в котором хочет в связи с репрессиями в отношении Шопова «раскрыть болгарскому правительству всю гнусность его поведения» (73, 150). «Болгарское правительство не только грубо и жестоко, — писал Толстой, — но и

---

[46] Письмо от 15 нояб. 1903 г. (там же, Т. С. 238. 59).

[47] Юруков Д. Делото по отказа на М. Попов. — Възраждане, год. II, 1908, бр. 2, с. 117.

поразительно глупо» (73, 151). Суд над Шоповым «есть ложь и обман» (73, 153). Толстой не преминул высказать критику в адрес правительства «больших государств» — Франции, Германии, назвал русское правительство «самым гадким» из всех (73, 152) и утверждал, что все они «держатся грубой силой» (73, 152). Большая, чем в России, свобода печати позволила в Болгарии письму Толстого увидеть свет. Оно было опубликовано с небольшими сокращениями 6 ноября 1901 г. софийской газетой «Свободна мысль».

В 1903 г. с послесловием Л. Н. Толстого вышло «Краткое извлечение из неизданного сочинения об отказе от военной службы Георги Стоилова Шопова».[48]

В письме от 13 декабря 1903 г. Толстой указал своему болгарскому любимцу те ступени нравственного роста, которые, по его мнению, необходимо преодолеть, чтобы в следовании по пути нравственного самоусовершенствования избавиться от тщеславия и зависимости от мнения окружающих. Это было предостережением от разочарования, которое могло наступить вследствие медленного приближения желанных перемен. Великий психолог словно почувствовал в своем подопечном некую «слабинку». И действительно, хотя Шопов продолжал активную деятельность по переводу и изданию сочинений Толстого, распространял собственные протолстовские журналы, спустя некоторое время он начал высказываться по отношению к своему учителю несколько критически. В этом плане выделяются два письма Шопова к Толстому, написанные одно за другим: 23 и 24 августа 1905 г. В первом из них, сообщая о своем переводе на болгарский язык статьи Толстого «Одумайтесь!», Шопов высказал сомнение в целесообразности обращения к царю. По его мнению, этого делать не следовало. Второе письмо, в котором Шопов обвинял Толстого в непонимании причинно-следственных связей возникновения войн,[49] по свидетельству Д. Маковицкого, огорчило писателя: как показалось Толстому, его брошюру «Единое на потребу» Шопов не дочитал до конца — «...в конце ведь стоит об этом».[50] А еще через месяц Маковицкий записывает совсем неожиданный отзыв Толстого: «Шопов, мне кажется, легкомысленный человек».[51] Чем же это было вызвано? Тем, что Шопов вынес суждение о его статье, не дочитав ее до конца? Вряд ли. Скорее — глубоким разочарованием, наступившим ранее, разочарованием в единомышленнике, не подняв-

---

[48] Шопов Г. Ст. Кратко изложение от неизданото съчинение по отказа от военна служба. София, 1903.

[49] Письмо Г. Ст. Шопова к Л. Н. Толстому от 24 авг. 1905 г. (ОР ГМТ, Т. С. 288. 60).

[50] Литературное наследство, т. 90. У Л. Н. Толстого: Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. I, с. 391. Запись от сент. 1905 г.

[51] Там же, с. 405.

шемся на ту же высоту. Но подняться на нее было не под силу простым смертным, и потому Толстой, любя своих пропагандистов, зачастую относился к ним несколько снисходительно, как к детям. Последователи Толстого были гораздо менее фрондерами, чем их великий учитель, были менее чуткими к перипетиям политической и социальной жизни своего времени, менее гибки и оттого, обнаруживая противоречия в высказываниях Толстого, не находили для их объяснения достаточного понимания и такта. Как бы то ни было, Толстой продолжал испытывать к Шопову — этой «яркой, талантливой личности»[52] — прежнюю симпатию.

Болгарских толстовцев разных оттенков объединяли при жизни Толстого стремление распространять на болгарском языке нравственно-философские произведения писателя и пропагандировать пассивную философию яснополянского барда. С течением времени отношение к идеям русского писателя менялось, и его последователи все более цеплялись за внешние приметы толстовского учения. Когда В. Ф. Булгаков в середине 20-х годов посетил Болгарию, он обнаружил, что толстовцы «не проявляли к Шопову особого доверия и держались от него несколько в стороне, как от чужака», поскольку «считали его жизнь „непоследовательной". Шопов: 1) курил, 2) ел мясо, 3) пил вино (уже этого „довольно" было, чтобы его чураться), 4) развелся со своей женой (причинами развода никто не интересовался)... 5) обанкротился со своим книжным магазином, который перешел от него, за долги, к другому лицу».[53] По-видимому, именно этот узкосектантский вариант движения предвидел Толстой, когда сказал о ком-то: «Он самой противной мне веры — толстовской».[54] Как уже говорилось, Толстой больше всех ценил «отказавшихся», т. е. лиц, нашедших в себе силы воспротивиться служению в армии, поскольку понимал опасность, заключавшуюся в милитаризации крупных государств. На то, что при империализме «государства с усиленным, вследствие империалистического соревнования, военным аппаратом, превратились в военные чудовища», указывал В. И. Ленин[55] как на один из самых опасных процессов XX в.

Довольно многочисленную группу болгарских толстовцев представляли «колонисты» — последователи тезиса Толстого о сельскохозяйственном труде как о единственно достойном. Среди них был Христо Досев (1886—1919), особенно любимый в кругу близких Толстому лиц.

В начале века Х. Досев с группой молодых болгар приехал в Швейцарию, чтобы получить там медицинское образование.

---

[52] Булгаков В. Ф. Как прожита жизнь. Рукопись. ЦГАЛИ, ф. 2226, ед. хр. 33, л. 75.

[53] Булгаков В. Ф. Указ. соч. Там же, л. 76.

[54] Литературное наследство, т. 90, кн. I, с. 392.

[55] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 119.

Болгарское правительство тогда предпочитало посылать молодежь учиться на Запад. В Лозанне болгары познакомились с проживавшими там толстовцами: русскими Е. И. Поповым, П. И. Бирюковым, словаком А. Шкарваном. Под их влиянием болгарские студенты отказываются от материальной помощи родителей, оставляют университет и основывают колонию, вначале там же, в Швейцарии, близ г. Уши, а затем в Болгарии. Намерение жить «по-толстовски» побудило их переселиться в деревню и взяться непривычными к сельскохозяйственному труду руками за обработку земли.[56] В селе Алан-Кайрак (теперь — Ясная Поляна) под Бургасом с осени 1906 г. началась их энергичная деятельность. Во главе основанной ими общины «Възраждане» («Возрождение») стали Х. Досев, Д. Жечков, С. Андрейчин. «Нас было человек шесть, ярых энтузиастов, не боящихся ничего, — вспоминал впоследствие Х. Досев. — Имея кроме типографии (которую мы только что построили) только шестьдесят франков наличными, мы с большой верой в свое дело приступили к изданию журнала „Възраждане", который должен был быть агентом наших идей... Наконец, к первому января 1907 года был окончательно готов наш первый нумер. Он открывался выдержками из Толстого о „новом жизнепонимании"».[57] В задачи журнала входило: печатать статьи о философии, религии, науке, искусстве, социализме, анархизме, рабочем движении, земельном вопросе, милитаризме, сектантстве, свободном воспитании, вегетарианстве, естественной жизни, воздержании; биографии и характеристики, рассказы и стихи, рецензии, обзоры событий. С первого же номера журнал обратил на себя внимание, при этом «его не столько хвалили, сколько нападали на него». По мнению Х. Досева, журнал «блестяще исполнил свою задачу», вызвав «к духовной жизни многих болгар, объединив в то же время вокруг себя всех прежних единомышленников Толстого».[58] Редакция издавала библиотеку «Възраждане», в которой «давали исключительно место всем тем сочинениям и брошюрам Толстого, которые еще не были известны нашему обществу».[59]

Л. Н. Толстой высоко ценил журнал «Възраждане», систематически посылаемый ему из Болгарии. Просматривая его, он однажды заметил: «Только и есть единственный журнал в нашем духе».[60]

---

[56] Впоследствии Досев признавался, что ему было «трудно привыкнуть к физическому труду», поскольку был «очень избалован и изнежен» (Булгаков В. Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Тула, 1970, с. 250).

[57] Письмо Х. Досева к И. И. Горбунову-Посадову от 27 июля 1913 г. (ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 1, ед. хр. 532).

[58] Там же.

[59] Там же.

[60] Литературное наследство, т. 90, кн. III, с. 324. Запись от 7 фев. 1909 г.

В той заполненной трудами жизни, которую вели колонисты, — «вскапывали и пропалывали огород, переводили, писали, печатали и издавали книги, а после ходили из города в город, от села к селу, чтобы их продать и распространить» — особенно неутомимым, «наиболее деятельным был Христо», писал его соратник И. Цанев.[61] «Первой и главной заботой его и его сотоварищей было собрать и упорядочить материал для основанного ими издательства и журнала «Възраждане». Гигантская работа, которая легла им на плечи, не оставляла времени спокойно углубиться в себя и писать собственные статьи для журнала. Колонисты должны были быстро, оперативно переводить. Заслугой Х. Досева — и мы благодарны ему за это — является не только множество хорошо сделанных переводов, но и добывание большого количества произведений Толстого в рукописи, которые он переводил на болгарский и печатал без вмешательств русской царской цензуры...»[62] Досев переводил и художественные произведения Толстого, благодаря ему на болгарском языке появились не искаженные цензурными изъятиями такие произведения русского писателя, как «Хаджи Мурат», «Отец Сергий», «Дьявол», «Фальшивый купон», «И свет во тьме светит», «Живой труп» и др.

Помимо изданий на болгарском языке Досев с друзьями предпринял попытку, «пользуясь свободой печати в Болгарии... выпускать на русском языке те сочинения наших друзей и единомышленников (в том числе и Л. Н-ча), которые по цензурным условиям не могут выйти сейчас в России».[63] Средства на это должны были дать «или сами авторы, или друзья, сочувствующие этому делу»,— писал Досев в Ташкент Ю. О. Якубовскому из Майкопа, где поселился в русской колонии, женившись в 1909 г. на дочери толстовского единомышленника Скороходова. Живя на Северном Кавказе, он не порывал с начатым им в Болгарии делом, оставаясь до конца своих дней истинным «пропагандистом», как однажды назвал его Толстой.[64]

У русских толстовцев Досев был всеобщим любимцем. Нежно относился к нему и сам Толстой, называя его в письмах и в разговорах о нем не иначе, как «милый Досев». «Всегда очень рад общению с вами», — заканчивает Толстой одно из писем (78, 93). Получая от Досева известия об отказах служить в армии и о распространении его книг, Толстой писал: «...не могу удержаться от предугадывания того, что будет, и я думаю скоро, вследствие такого пробуждения свободного от суеверий

---

[61] Цанев Ив. Няколко думи за Христо Досев. — Възраждане, 1921, кн. 4, с. 115.

[62] Там же, с. 116.

[63] Письмо Х. Досева к Ю. О. Якубовскому от 27 окт. 1910 г. (ОР ГМТ, фонд Ю. О. Якубовского).

[64] Литературное наследство, т. 90, кн. III, с. 28.

религиозного крестьянского понимания жизни, которое все больше и больше захватывает не нашу отпетую братию, а народ» (81, 125).[65]

Сохранилась обширная переписка Досева со многими русскими последователями Толстого — с В. Г. Чертковым (который имел на Досева очень большое влияние и восстановил против Софьи Андреевны), его женой Анной Константиновной, с Ю. О. Якубовским, Е. И. Поповым, П. И. Бирюковым, Х. Н. Абрикосовым, П. А. Сергеенко и многими другими. В ней чувствуется, сколь интенсивно, напористо, азартно жил этот рано ушедший из жизни человек. Наделенный недюжинной энергией, он, несмотря на всю загруженность, которую справедливо отметил И. Цанев, на все хлопоты, связанные с издательством и распространением изданий, с активной переводческой деятельностью, написал большое количество статей. Некоторые из них имеют значение не только прикладное. Например, его статьи о богомилах были первыми исследованиями этого движения. Досеву принадлежит ряд работ о философии Толстого, о его последователях. Самым интересным для нас из наследия Досева являются его воспоминания о встречах с Л. Н. Толстым.[66] «Виновником» этих воспоминаний Х. Досев называл Н. Н. Гусева, секретаря Л. Н. Толстого, автора содержательного дневника,[67] который Х. Досеву захотелось дополнить яркими подробностями, касавшимися многочисленных бесед с Л. Н. Толстым (в 1907—1909 гг.) в Ясной Поляне[68] и в доме В. Г. Черткова. Х. Досев воспроизвел высказывания Л. Н. Толстого о различных политических проблемах, о цивилизации, о спиритизме, его мнения о писателях-современниках. Л. Н. Толстой в воспоминаниях Х. Досева предстает человеком общительным, жизнерадостным, молодым душою. Очерки написаны легкой, энергичной рукой профессионального литератора, но по своему содержанию нацелены на нравственно-религиозную доктрину Толстого, что значительно снижает их ценность.

История показала несостоятельность Толстого — религиозного мыслителя, Толстого-непротивленца. Энергия толстовцев в основном растрачивалась впустую. Следуя ложной доктрине, они не ценили или ценили очень мало и выборочно великое художественное наследие писателя, которое покорило весь мир.[69] В этом — одно из трагических заблуждений многих дея-

---

[65] Письмо Л. Н. Толстого к Х. Досеву от 4 марта 1910 г.

[66] Досев Х. Вблизи Ясной Поляны (1907—1909). М., б. г. Досев Х. Близо го Ясна Поляна. 1907—1909. София, 1928.

[67] Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1912.

[68] Одна из них описана в статье: Бабаев Э. Христо Досев в гостях у Льва Толстого. — Детская литература, 1969, № 6, с. 34—36.

[69] «Вчера я услышал от Софьи Андреевны, — записывает Маковицкий 11 марта 1908 г., — что Гусев не читал ни „Войны и мира", ни „Анны Карениной". Гусев объяснил это тем, что ему некогда их читать и не нужно, когда есть „Круг чтения", зато он знает „Круг чтения" основательно. . .».

тельных молодых людей, окружавших Толстого в последние годы его жизни.

Анализируя причины поражения первой русской революции, В. И. Ленин одну из них усматривал в деятельности толстовцев, которых в России в период 1905—1907 гг. было около 20 миллионов. «Толстовские идеи, — писал Ленин, — это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости „хозяйственного мужичка"».[70] Болгарские толстовцы, которых было неизмеримо меньше, не могли сколь-нибудь существенно повлиять на ход исторического развития своей страны, но они могли повлиять и влияли на восприятие Толстого болгарскими читателями. В определенных кругах знали те произведения русского писателя, которые издавались и распространялись энтузиастами идей Толстого, отражавших «слабости, недостатки... крестьянского восстания». Болгарские последователи Толстого в своих переводах были достаточно точны, но когда они обращались к художественным произведениям писателя, как, например, поступил отверженный ортодоксами Шопов, взявшись за перевод «Анны Карениной», то вольно или невольно они насыщали свои переводы теми же идеями. В переводе романа, сделанном Шоповым, на первом плане оказались взгляды Толстого и проявилось пренебрежение художественной основой произведения, его фабулой (в отличие от первого болгарского перевода, принадлежащего Георги Х. Боневу (1899 г.), которого интересовала прежде всего личная драма Анны и Вронского).[71] Толстовцы искажали облик Толстого-художника, отдавая решительное предпочтение Толстому-непротивленцу.

Зачастую к Толстому от его болгарских последователей поступали сообщения об условиях жизни и умонастроениях народа, не отражавшие истинного положения вещей, дававшие искаженную картину борьбы за демократические преобразования, сообщения, в которых деятельность болгарских социалистов представлялась в кривом зеркале классовой вражды. Это была настоящая дезинформация, поток которой шел в Ясную Поляну. К чести Толстого надо отметить, что он не поддавался на провокации и не давал втянуть себя в борьбу на стороне ретроградов (см. ч. I, гл. 4). Наглядным свидетельством поразительной односторонности толстовцев является состав болгарской части яснополянской библиотеки, в которой, за исклю-

---

И вторая примечательная в том же отношении запись Маковицкого от 15 ноября 1908 г.: «Гусев вчера передал Л. Н. сказанное вчера Досевым, что лучшие книги в мире — „Круг чтения" и „Свод"» (Литературное наследство, т. 90, кн. III, с. 28, 249).

[70] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 212.

[71] Васева Ив. Българските преводи от Ана Каренина. — Език и литература, 1957, бр. 6, с. 437—451.

чением двух, упомянутых выше книг, нет произведений болгарской художественной литературы, зато полностью представлен, например, журнал «Възраждане», заполненный этическими произведениями самого Толстого, статьями его единомышленников, как русских, так и болгарских, в которых сквозит ярая ненависть к революционерам, социалистам (вопреки Толстому, который в статьях последнего времени не раз отдавал им должное как борцам против деспотии), проповедуется пацифизм, вегетарианство.

Деятельность толстовцев в Болгарии трудно оценить однозначно. Она выражала социальное мышление крестьянских и мелкобуржуазных кругов предвоенной Болгарии. В ней было немало положительных моментов — призыв к неповиновению режиму, к нравственному самоусовершенствованию. Толстовцы способствовали повышению интереса к русскому писателю, показывали, вольно или невольно, не только Толстого-непротивленца, но и Толстого-бунтовщика.

Глава 3

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО В ЮГОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Так же как и в Болгарии, литературная жизнь в Словении была связана с русской литературой. Зачинателем словенского реализма, становление и развитие которого падает на вторую половину XIX в., был выдающийся словенский литератор и общественный деятель, создатель национальной либерально-демократической программы Фран Левстик (1831—1887). При его ближайшем участии был основан ряд журналов: «Словенски гласник» (1858—1868), «Звон» (1870, 1876—1880), выходивший в Вене и задуманный под влиянием герценовского «Колокола», его продолжение — «Люблянски звон» (1881—1941). Именно в последнем печатались первые переводы из Толстого на словенский язык и первые статьи о нем.

Любимым писателем главы так называемого поэтического реализма, продолжателя идей, взглядов Ф. Левстика, словенского прозаика, критика, фельетониста Я. Керсника (1852—1897) был И. С. Тургенев. Русская литература вдохновляла поэтов-реалистов конца века из группы «Словенский модерн» — Антона Ашкерца (1856—1912), Ивана Цанкара (1876—1918), Оттона Жупанчича (1878—1949), Драготина Кетте (1876—1899), Иосипа Мурна-Александрова (1879—1901), не чуждавшихся новых стилевых веяний. Увлечение русской литературой было настолько сильным, что порой приводило к крайностям: кое-кто, например, Фран Целестин, считал, что русский язык

должен стать общеславянским, а некоторые публиковали свои произведения под русскими псевдонимами. Ф. Целестин в 1890—1895 гг. выступал с еженедельными обзорами в журнале «Словански свет», сообщая о новых произведениях Чехова, Короленко, Толстого. Отстаивая реалистическое искусство, Ф. Целестин опирался на творчество Гоголя, Тургенева, Толстого.[1] Стремясь утолить читательскую потребность в русской книге,[2] словенские журналы помещали статьи и переводы из русской литературы. Но систематически журнал «Люблянски звон» начинает писать о русской литературе с конца 90-х годов, когда его возглавил А. Ашкерц.[3]

Известный словенский ученый, до 1902 г. живший в Вене, Матия Мурко, «душа чешско-югославских связей», как о нем говорили в его бытность в Праге,[4] в 1897 г. опубликовал на страницах «Люблянского звона» статью «Первые шаги русского романа», в которой между прочим писал: «С той поры, как русская литература после немецкой, и с еще большим успехом после французской, стала пользоваться у нас такой популярностью и, как говорится, вошла в моду, мы изумляемся глубокому и исключительно правдивому содержанию русской беллетристики, которая затрагивает самые наболевшие вопросы человечества и показывает их нам с такой откровенностью и правдивостью».[5]

Увлечение русской литературой обусловливало дальнейшее развитие передовой словенской литературы, стремившейся преодолеть национальную замкнутость. Литературная молодежь все свое внимание направляла на знакомство и изучение духовного опыта русского народа. В академической гимназии, где учился будущий литературный критик и истолкователь Толстого И. Приятель, гимназисты «проходили школу» у классиков русской литературы, зачитывались ими и соизмеряли собственную способность к художественному творчеству степенью увлеченности русскими реалистами, своей способностью их понять. Ф. Гривец, занимавшийся в 90-х годах в академической гимназии в Любляне, вспоминал: «В 7-м классе гимназии я че-

---

[1] Celestin F.: Ne motimo si pojmov. — Slovanski svet, 1891, nr. 18—22.

[2] В архиве С.-Петербургского славянского благотворительного общества хранятся письма из Словении с просьбами прислать произведения русской литературы и жалобами на их отсутствие в магазинах, где русская книга «приходилась одна на тысячу немецких» (письмо И. Хромбара от 15 апр. 1885 г. ЛГИА, ф. 400, № 543). Об этом см.: Петухов В. К. Русская книга у южных славян в 80-е годы XIX в. — В кн.: Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М., 1963.

[3] Рыжова М. И. Русская литература в словенском журнале «Люблянски звон» (1881—1918). — В кн.: Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978.

[4] Češi a jihoslované v minulosti. Praha, 1975, s. 537.

[5] Murko M. Prvi početki ruskega romana. — Ljubljanski zvon, 1897, s. 151.

рез Приятеля познакомился с И. Мурном. Его интерес к русской классике, знание русского языка и защита русской литературы были для нас несомненным признаком его литературной одаренности».[6] Вокруг Приятеля и Гривеца образовался кружок любителей русской поэзии. В старших классах умами и душами гимназистов завладели Гоголь, Толстой и Достоевский. Увлечение русской литературой влияло на выбор профессии — так, И. Приятель, в юности намеревавшийся стать врачом, благодаря своей любви к русской литературе поехал по окончании гимназии учиться к известному слависту В. Ягичу в Вену, где перед ним раскрылся весь славянский мир.[7]

До развала Австро-Венгрии в 1918 г. Иван Приятель (1875—1937) жил в Вене, работая в придворной библиотеке, а с 1919 г. занял место профессора славянских литератур в только что основанном Люблянском университете. Он дважды посетил Россию, где штудировал русскую литературу, и у себя на родине стал, по выражению Б. Крефта, ее «главным посредником».[8]

Именно ему Ашкерц, сообщая в журнале о публикации в «Ниве» нового романа Толстого, заказывает в 1899 г. статью о «Воскресении», которую Приятель пишет и публикует в течение 1900 г. Эта статья открывала новую страницу в понимании и усвоении наследия Толстого в Словении.

Приятель оценивал роман Толстого очень высоко. Проявив осведомленность в русской критической литературе о Толстом, он судил о романе вполне самостоятельно, с тонким проникновением в содержание произведения, в авторский замысел, отдавая должное смелости и особенностям стиля Толстого.[9]

К его работе А. Ашкерц отнесся сдержанно, просил сократить обширную статью, начинавшуюся с анализа предшественников Л. Н. Толстого. Между тем именно в экспозиции сказывалась принципиальная установка И. Приятеля, считавшего, что любого писателя можно понять лишь на основе изучения предшествующей литературы. В своем анализе «Воскресения» критик стремился показать логическое развитие русской прозы, а еще точнее — героя русской прозы, который от увлечения французскими образцами, французской культурой обращается к самому себе. Суть исканий русских писателей-реалистов Приятель видел в том, что они выражали усилия русской интеллигенции найти себя, свое место в мире. Слово «искания» И. Приятель всюду выделяет курсивом. «Я согласен на со-

---

[6] Prijatelj I. Izbrani escji. T. I—II. Ljubljana, 1952—1953, t. I, s. VIII.

[7] Slodnjak A. Ivan Prijatelj. — In: Prijatelj I. Izbrani eseji, t. I.

[8] Kreft B. Cankar in ruska književnost. — Slavistična revija, Ljubljana, 1969, s. 89.

[9] Prijatelj I. Tolstoj in njegov roman «Vstajenje». — Ljubljanski zvon, 1900, s. 215—222, 280—287, 376—382, 424—437, 536—548, 631—640, 687—692.

кращение статьи только в том случае, — отвечает он А. Ашкерцу, — если останется ясна основная мысль о том, что главное в романе — *искания*».[10] Изъятое Ашкерцем вступление Приятель опубликовал отдельно.

В великом борении с самим собой искал Л. Н. Толстой вечные идеалы, писал И. Приятель, «драматичны и грандиозны были битвы, через которые Толстой шел от себя одного к себе другому... Славянские духовные поиски достигли в Толстом апогея».[11] Приятель показывал, что Л. Н. Толстой — человек и писатель — находится в постоянном поиске истины, что он живет вместе со своим временем.

Предшествующее роману «Воскресение» творчество Л. Н. Толстого критик рассматривал как свидетельство непрерывного обновления духовных ресурсов писателя, усиления его демократизма. В биографии и раннем творчестве писателя И. Приятель искал переклички с его позднейшими произведениями, прослеживал генезис творчества Л. Н. Толстого.

Статья отличалась доскональным знанием предмета. Л. Н. Толстой как-то сказал: «Я русской критики на свои сочинения не читаю. Разница между западноевропейской критикой и критикой русской громадная. На Западе критик прежде всего даст себе труд добросовестно прочесть ваше сочинение, усвоить себе ваши взгляды — и тогда уже критикует его. К подобной критике нельзя относиться иначе, как с уважением, хотя бы с нею и не соглашался. В России же критик, не давая себе труда вникнуть в вашу работу, вообразит себе, что вы говорите то-то и то-то, и, составив себе ложное понятие о вашем труде, пишет уже критику на это свое ложное понятие, серьезно думая, что критикует ваше сочинение, а не это свое понятие».[12] К И. Приятелю иронические слова Л. Н. Толстого ни в коей мере не относятся.

«Подлинной жемчужиной мировой литературы»[13] считал И. Приятель «Рассказы для народа» Л. Н. Толстого. По его мнению, тургеневские крестьяне «поблекли перед крестьянами из „Власти тьмы"» — сопоставление, свидетельствующее о зрелости и смелости критика, — ведь в то время И. С. Тургенев был кумиром многих словенских читателей. Подробно останавливался И. Приятель на «Крейцеровой сонате» и спорах вокруг нее. «Может, ни одна книга за все столетие не вызвала столько шума»,[14] — писал он. Л. Н. Толстой сорвал покровы лицемерия, обнажил потаенные уголки человеческой нравствен-

---

[10] Prijatelj I. Izbrani eseji, t. II, s. 438.

[11] Ibid., s. 445—446.

[12] Жиркевич А. А. Встречи с Толстым. — В кн.: Литературное наследство. Т. 37—38. Л. Н. Толстой. Кн. II. М., 1939, с. 439.

[13] Prijatelj I. Tolstoj in njegov roman «Vstaijenje». — In: Prijatelj I. Izbrani eseji, t. II, s. 214.

[14] Ibid., s. 215.

ности, тем самым очистив ее от скверны. Он швырнул людям «Крейцерову сонату», «как Полифем — скалу вслед убегающему Одиссею».[15] В «Воскресении» же не слышно голоса страстного проповедника, который в «Крейцеровой сонате» громогласно вещал о неслыханных диссонансах жизни. «В „Воскресении" перед нами тихий художник, владеющий тайнами мастерства, мудрый старец, переживший слишком много, чтобы из-за чего-либо в этом мире выйти из равновесия. Но не его опыт и не его мастерство нас прежде всего привлекают... Он зовет в новую жизнь. И потому мы спешим к нему, и нас необозримое множество».[16]

И. Приятель не соглашался с той частью русской критики, которая сочла роман «Воскресение» «затуханием» толстовского таланта. «Я бы назвал это произведение Толстого, — возражал он ей, — вдохновенным призывом сделать единственной нашей правдой правду души».[17] Каждый, кто читает «Воскресение», не может оставаться безучастным, стало быть, рассуждал И. Приятель, это явление высокого искусства, писатель заставил выслушать себя, увлек своим романом. «Русская литература всегда стремилась ответить на вопросы, которые ставило перед нею общество. Толстой дал здесь столько ответов, сколько знал... гений человечности... разлит здесь повсюду... Титулы и чины спали с нас, как маски, в которых мы играли жалкие комедии. Здесь царит дух „абсолютной человечности", и только это одно ясно и художественно!»[18]

И. Приятель читал вариант романа, напечатанный в «Ниве» с цензурными изъятиями. Поэтому героическое, революционное начало осталось для него сокрытым. Но критик оценил высокий гуманистический пафос «Воскресения» по достоинству.

В более поздней своей статье о Толстом И. Приятель утверждал: «Пока в человечестве живет чувство прекрасного, художественные образы, созданные Толстым, не померкнут».[19]

В том же году, когда была написана статья для «Люблянского звона», И. Приятель впервые приехал в Россию. В апреле 1900 г. он встретился с шестидесятисемилетним А. С. Пыпиным. Тот убеждал молодого словенского критика не отвлекаться на мелочи, видеть исторический контекст, непременно изучать предшествующие периоды литературы. «Вы всегда должны иметь в виду генетическое развитие сегодняшних форм и явлений. В мире нет ничего случайного, ничто не возникает само

---

15 Ibid., s. 226.
16 Ibid., s. 229.
17 Ibid., s. 230.
18 Ibid., s. 232, 233.
19 Prijatelj I. Dostojevskij in Tolstoj. Dva literarno-zgodovinska eseja. V Ljubljani, 1936, s. 169.

по себе...»[20] Методические основы статьи И. Приятеля о «Воскресении» согласуются с рекомендациями русского ученого. Стремление расширить рамки исследования было характерно для литературоведческого метода самого А. С. Пыпина. О его «Истории славянских литератур», написанной им совместно со Спасовичем, Л. Н. Толстой отзывался одобрительно и пользовался ею в работе.

В годы первой русской революции снисходительное отношение к Толстому-моралисту сменилось в Словении, как и вообще на Балканах, решительным неприятием смирения, проповедуемого им, а еще больше — его русскими и славянскими последователями. «Нет ничего более безрассудного и бессмысленного, прямо-таки губительного для человеческого общества, чем этот наивный принцип Толстого „Не противься злу!" Слава богу, человеческая природа оказалась настолько здоровой и у русских, что этот принцип не смог их деморализовать»,[21] — писал Ашкерц. Русская революция 1905—1907 гг. показала, что здоровые силы русского народа отвергают тезис Толстого. Русская действительность, да и действительность самого словенского народа начала XX в., не оставляла места для иллюзий.

А. Ашкерц (1856—1912), резко выступавший против непротивленчества в духе Толстого, в то же время был одним из почитателей его художественного творчества, что проявилось и в напечатании им статьи Приятеля. «Русская литература, — писал Ашкерц, — это совсем новый мир».[22] Восхищение русской литературой и ее крупнейшими представителями заставило Ашкерца учить русский язык «с настоящим казацким фанатизмом»[23] и сопровождало всю его жизнь. Дважды Ашкерц приезжал в Россию (1901, 1902), но встретиться с Толстым, о чем он мечтал, ему так и не удалось.[24] Однако их «встреча» состоялась, неведомая для Ашкерца и непроясненная для Толстого. Имя великого словенского поэта и общественного деятеля, реалиста, в стихах которого впервые в словенской литературе появился образ рабочего, поэта, боровшегося с социальным угнетением, ведшего борьбу с клерикализмом, Толстой прочел на первой странице присланного ему из Праги первого номера только что основанного там журнала словенской радикальной интеллигенции «Слободна мисао» («Свободная мысль»).[25] Получив журнал, Толстой спросил об Ашкерце у Маковицкого.

---

[20] Prijatelj I. Izbrani eseji, t. II, s. 108.

[21] Aškerc A. Minka Goverkarjeva: "Ruska moderna". — Slovan, 1906, s. 155. Цит. по: Рыжова М. И. Антон Ашкерц и русская литература. — В кн.: Литература славянских народов, вып. 6. М., 1961, с. 186.

[22] Письмо А. Ашкерца к Левцу от 29 авг. 1889 г. (цит. по: Боршник М. Антон Ашкерц. Београд, 1957, с. 38).

[23] Prijatelj I. Izbrani eseji, t. I, s. 425.

[24] Aškerc A. Dva izleta na Rusko. Ljubljana, 1903.

[25] Боршник М. Указ. соч., с. 191—192.

Но оторвавшемуся от жизни на родине словаку не было известно ни о самом движении с его девизом «„Liberté, egalité, fraternité" в лучшем смысле слова», движении, которое возникло и оформилось в союз за 25 лет до этого в Брюсселе и к которому присоединялись славяне Австро-Венгрии, ни о словенском поэте, взгляды которого несомненно могли заинтересовать Толстого. О журнале Маковицкий сказал только, что это «свободомыслящий орган словенской учащейся молодежи в Праге». Толстой «спросил про словенцев и стал читать вслух оттуда стихотворение „Первая мученица" Ашкерца, но трудно было понять его и ему и мне».[26] Так одно из вольнолюбивых стихотворений Ашкерца, созданное им после путешествия по Египту в 1906 г., не было прочтено в Ясной Поляне.

Толстовского движения в Словении, как и в других югославянских землях, не возникло, но духовное развитие словенского народа, его литература благодаря знакомству с лучшими произведениями Толстого получили мощный импульс с востока. Творчество писателя было воспринято как откровение. Статьи о нем выдающихся словенских критиков, прежде всего капитальные работы И. Приятеля, способствовали правильному пониманию и восприятию важнейших сторон толстовского творчества.

* *
*

Литературное развитие сербских земель во второй половине XIX в. было отмечено ростом реалистического искусства. Сербская литература поднимала наболевшие вопросы общественно-экономической жизни, обусловленные напряженной обстановкой в стране, где после освобождения от турецкого владычества установился режим тирании. Прогрессивная демократическая интеллигенция Сербии выступала против него. Весь этот период проходит под знаком тесных связей с русской культурой. Сербские общественные деятели видели в «изучении русской литературы и языка» «насущную потребность каждого серба».[27] В 90-х годах к прежним культурно-просветительным обществам и читальням, игравшим большую роль в распространении просвещения,[28] прибавляются кружки русского языка

[26] Литературное наследство, т. 90. У Л. Н. Толстого: Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. I—V. М., 1979—1981, кн. II, с. 372. Запись от 9 фев. 1907 г.

[27] Письмо Н. Вутечича от 19 фев. 1885 г. (ЛГИА, ф. 400, № 543, с. 20). Впервые опубликовано в статье: Петухов В. К. Указ. ст. — В кн.: Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М., 1963, с. 357.

[28] Матица сербская, Матица хорватская, Учительское общество и Рабочее общество в Белграде, Музейное общество в Сараеве, Естественноисторическое общество в Загребе, Сербская читальня в Баня Луке и многие другие.

и литературы, русские читальни и библиотеки, члены которых, как это было, например, в Нише, «каждый вечер слушали лекции, а по праздникам и воскресным дням устраивали народные чтения из русской литературы».[29]

Значительное распространение получили в сербских землях используемые в борьбе за демократические преобразования идеи Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Крупнейшие литературные и общественные деятели начального периода сербского реализма Л. Каравелов и С. Маркович воспитывались на их произведениях. В 80—90-х годах реалистическое направление становится ведущим. В условиях борьбы реализма с декадансом на рубеже XIX и XX вв. особенно возрастает роль русской литературы.[30] Переводы с русского публиковали крупные журналы того времени. «Вскоре читатели оказались под властью. . . Гоголя, Толстого, Достоевского, Тургенева. Целые ночи мы проводили над их романами», — говорил выдающийся поэт начала века М. Ракич.[31]

Среди первых сербских переводчиков Толстого был крупный сербский писатель, последователь С. Марковича, зачинатель критического реализма в сербской литературе М. Глишич (1847—1908). Свою литературную деятельность он начал с переводов с русского. Помимо Толстого Глишич перевел Гоголя (Мертвые души» и «Тарас Бульба»), Гончарова («Обломов»), Островского («Гроза»), Гаршина, Салтыкова-Щедрина, Чехова и др.

Первым произведением Толстого, появившимся на сербском языке, стало одно из ранних произведений писателя — роман «Семейное счастье» (1859), опубликованный воеводинским журналом «Даница» в 1870 г. Спустя семь лет этот же роман Толстого в другом переводе был издан вновь в Новом Саде, уже отдельной книгой и под несколько измененным названием: «Счастье в браке».[32]

Следующий перевод появился в 1883 г. в белградском журнале «Отачбина», а с 1885 г. переводы из Толстого множились и росли как снежный ком: в 1885 г. появилось пять переводов, среди них — «Записки маркера» и «Детство», дважды в газетах печатался философский трактат Толстого «В чем моя вера?»; в 1886 — одиннадцать, в 1887 — пятнадцать, в 1888—шестнадцать. К концу 90-х годов на сербский язык были переведены, кроме упомянутых, «Живой труп», «Илиас», «Кавказский

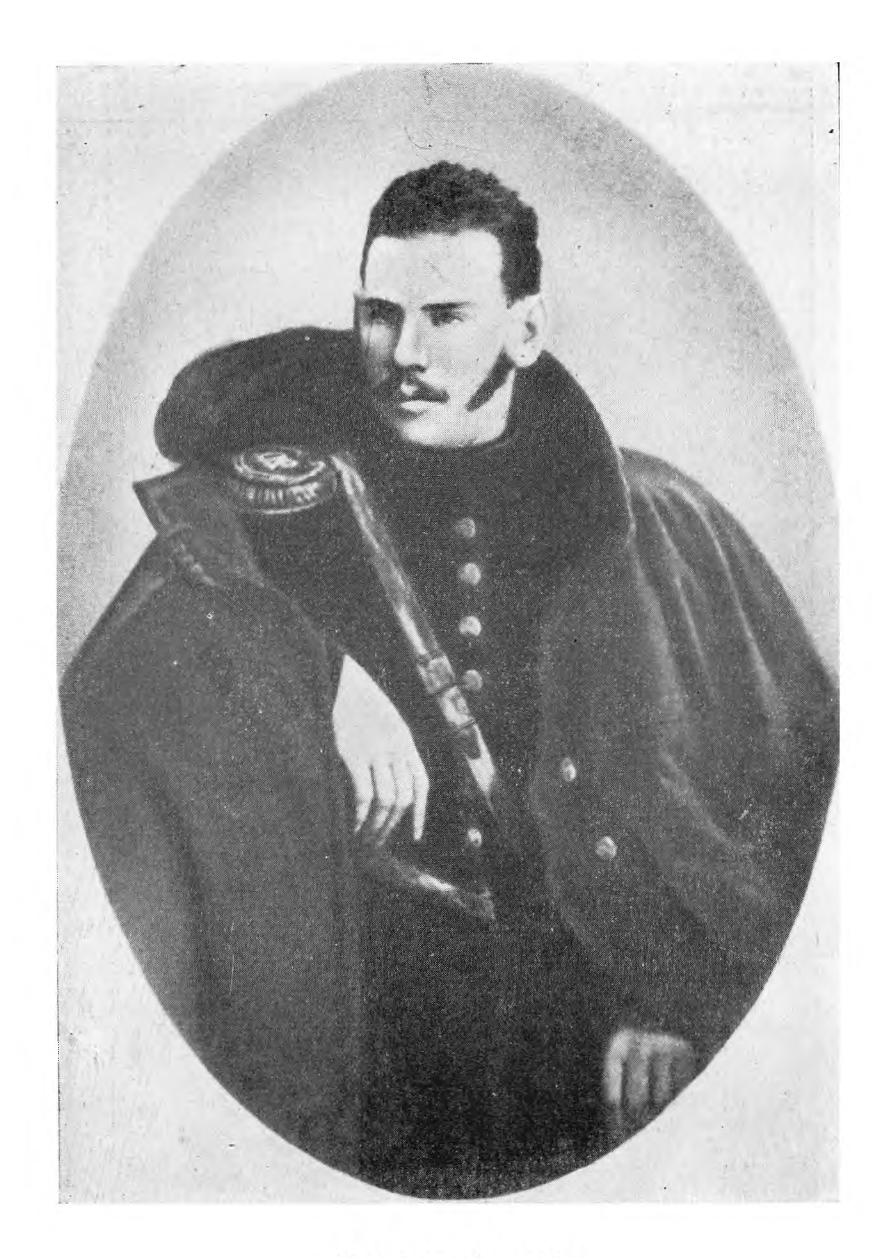
---

[29] Письмо к Л. Н. Толстому от Русского кружка в Сербии от 30 янв. 1894 г. (ОР ГМТ, Т. С. 159. 13).

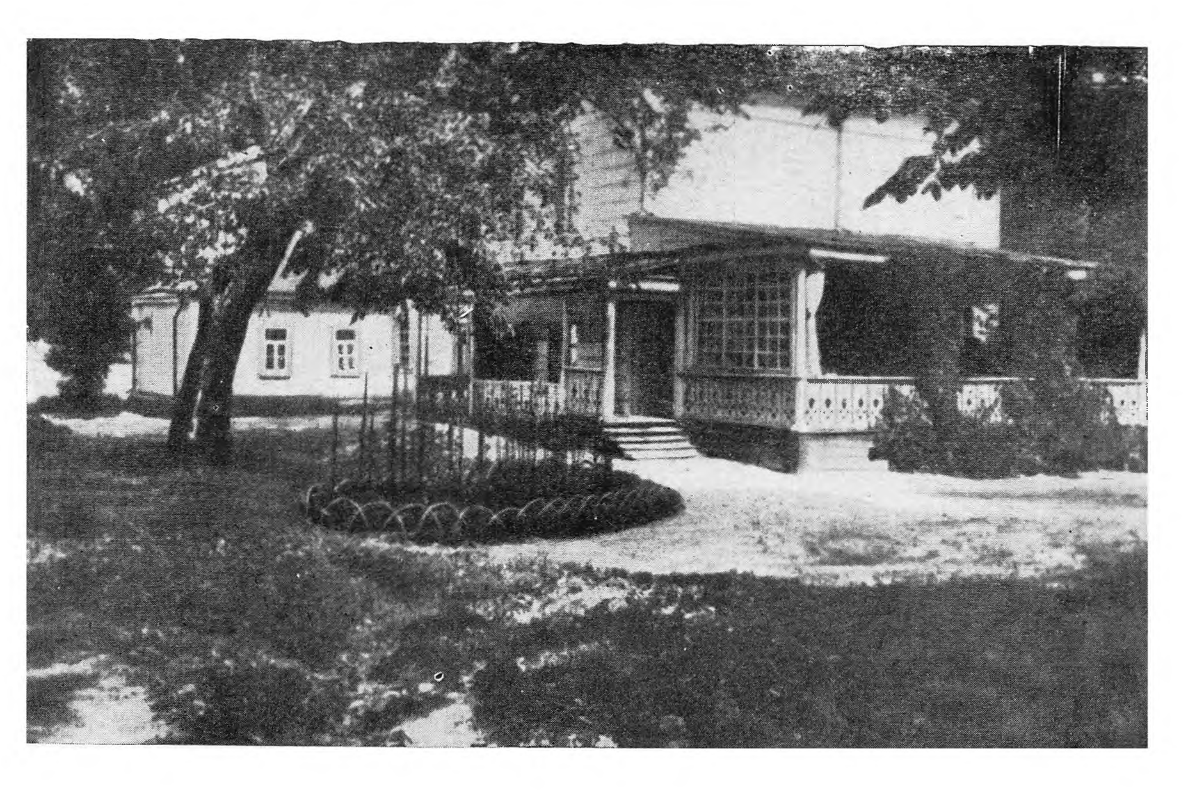
[30] Стойнич М. Сербский реализм и русская литература. — В кн.: Русско-югославские литературные связи. М., 1975.

[31] Ћосић Б. Десет писаца — десет разговора. Београд, 1931, с. 137.

[32] Толстоj Л. 1) Породична срећа. Роман. — Даница, XI, 1870 / Прев. М. Лебедева; 2) Срећа у браку. Приповетка / Прев. С. Петровић. У Новом Саду, 1877.

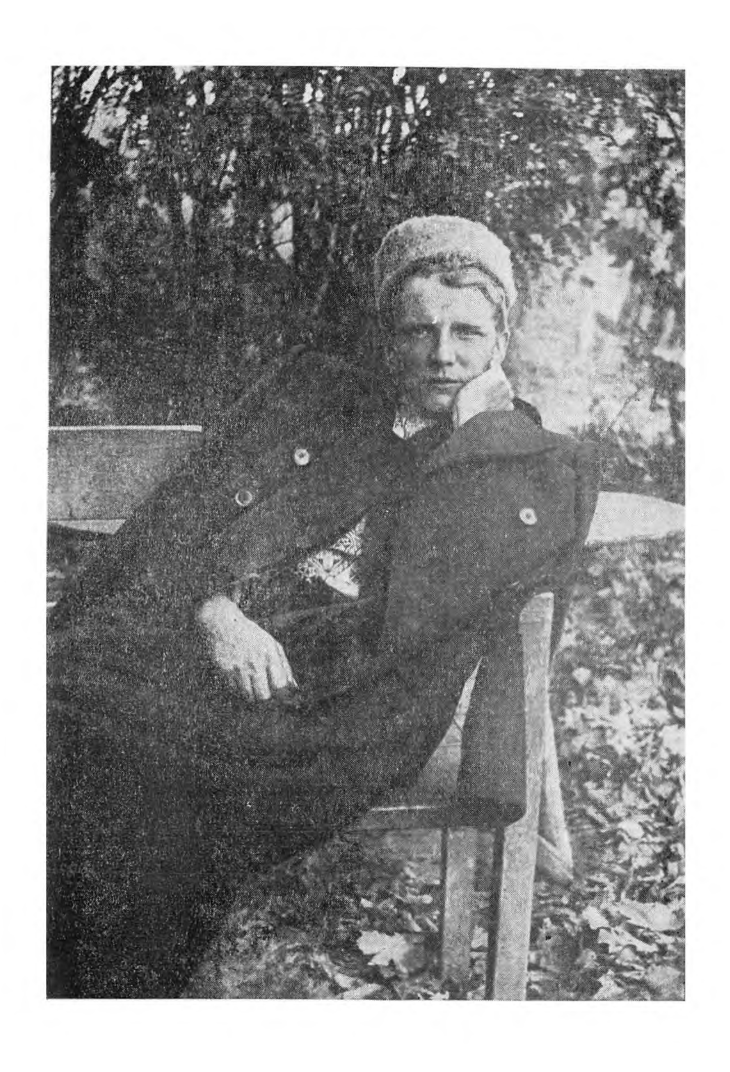
Л. Н. Толстой в 1854 г.

Дом Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. 1908 г.

Л. Н. Толстой возвращается с купанья на р. Воронке. Ясная Поляна. 1905 г.

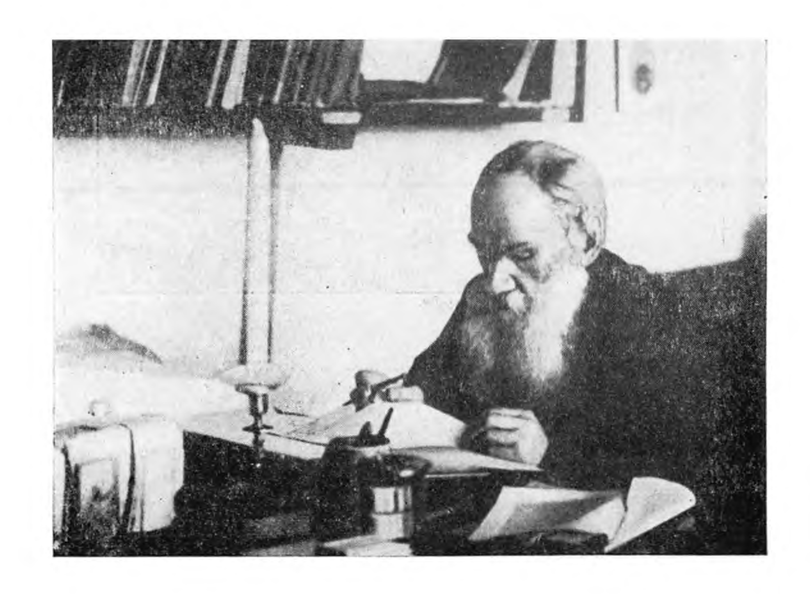
А. Шкарван. 1896 г. Фотография С. А. Толстой. Публикуется впервые.

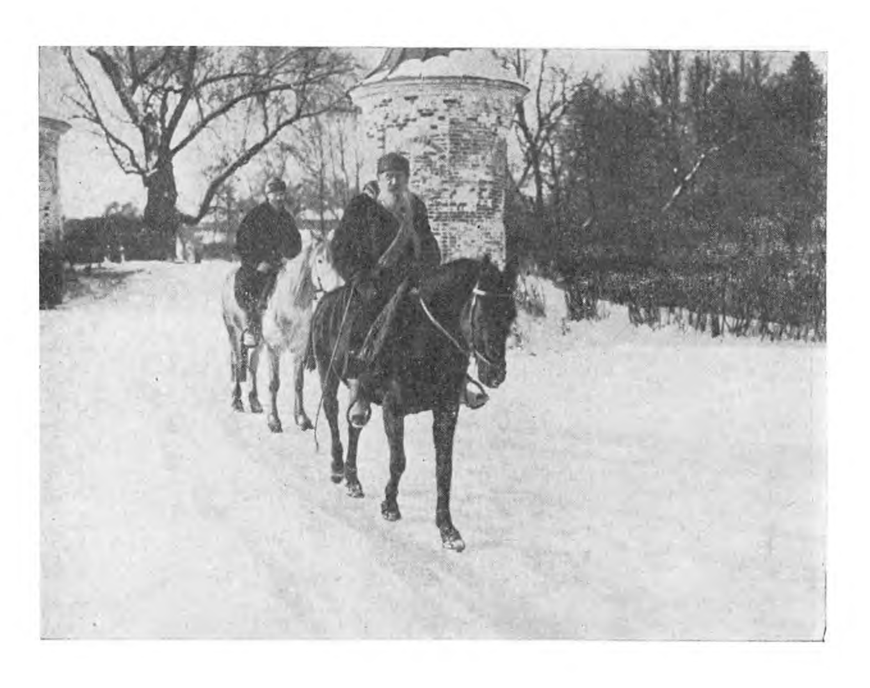
А. Шкарван и Д. Маковицкий в Жилине. 1896 г.

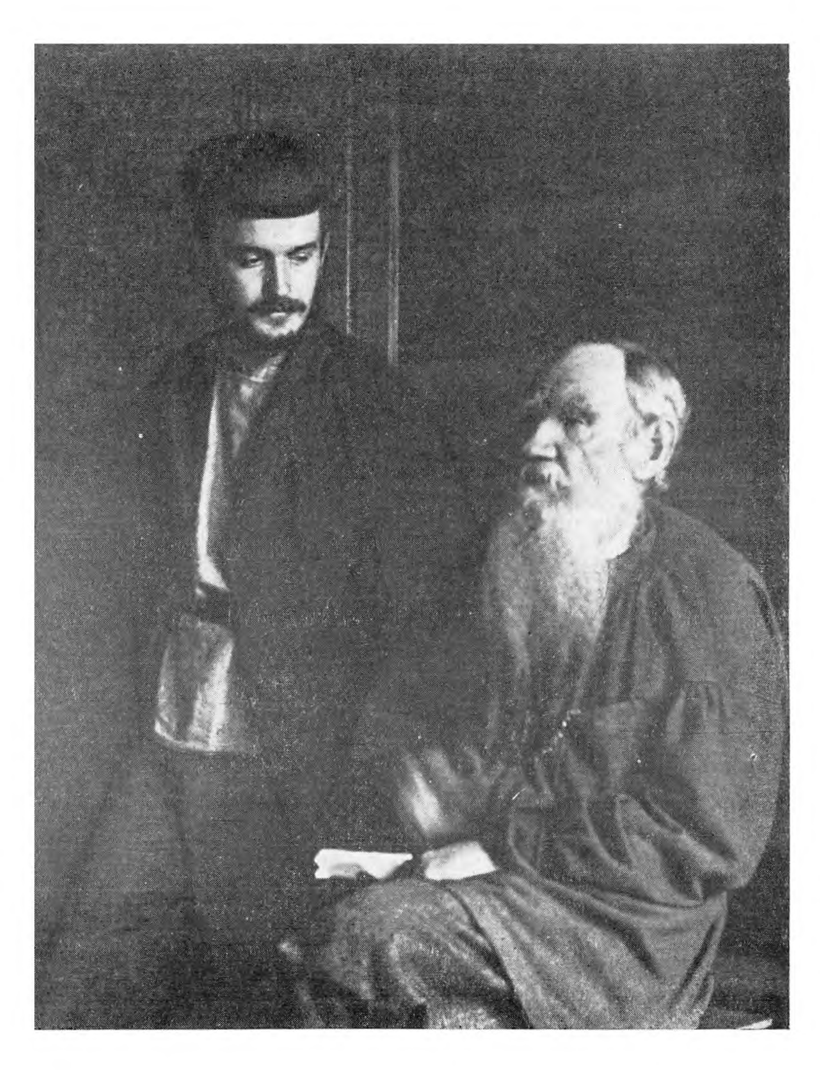
Л. Н. Толстой и Д. Маковицкий. Март 1909 г.

Л. Н. Толстой в кабинете за работой. Ясная Поляна. 1909 г.

Л. Н. Толстой и Д. Маковицкий. Ясная Поляна.

Л. Н. Толстой и Х. Досев. 1907 г. Фотография В. Г. Черткова.
Публикуется впервые.

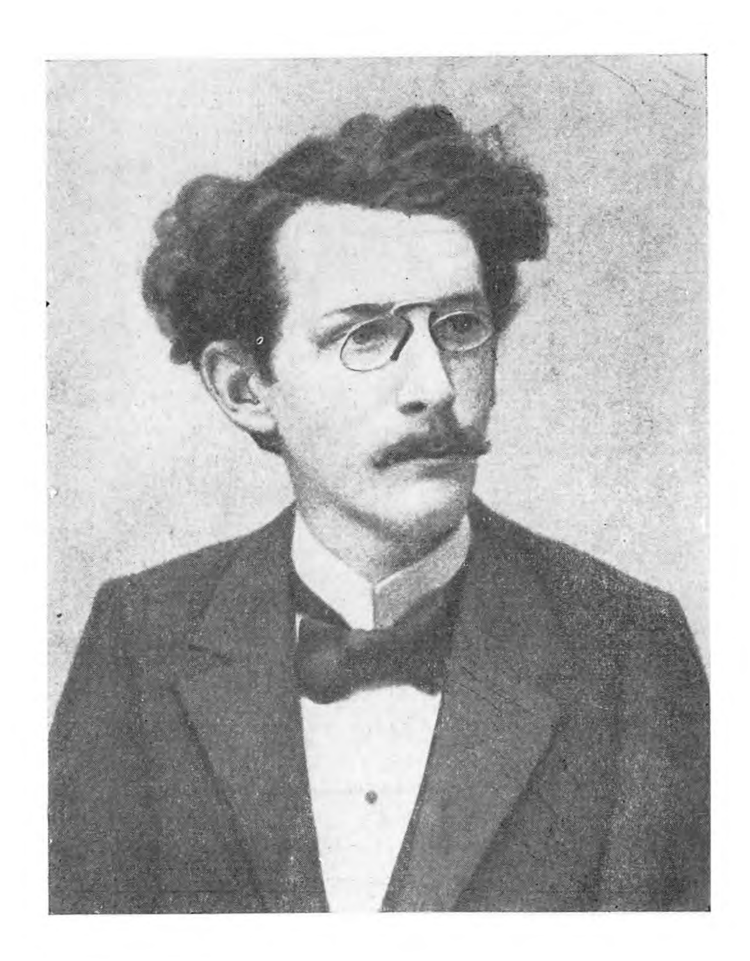
Л. Н. Толстой, Х. Досев и Ф. А. Страхов во дворе дома Волконского. Ясная Поляна. 1907 г. Фотография В. Г. Черткова. Публикуется впервые.

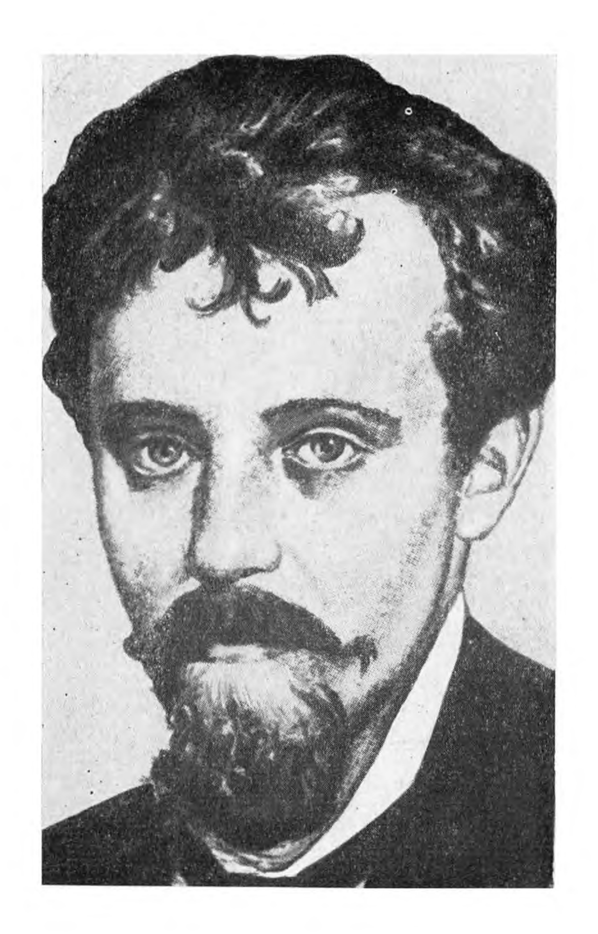
Л. Н. Толстой и Х. Досев в Телятинках. 1909 г. Фотография В. Г. Черткова. Публикуется впервые.

Портрет Г. Ст. Шопова с дарственной надписью: «На память многоуважаемому и дорогому другу Льву Н. Толстому. Город Ямбол. 5.X.1902. Георги Ст. Шопов.» Публикуется впервые.

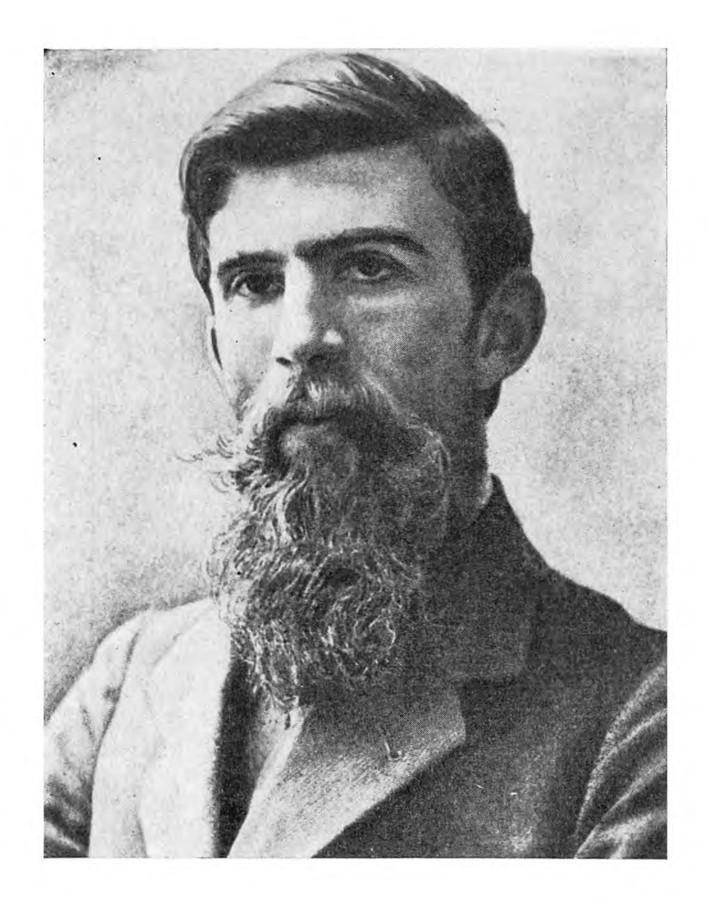
Чешский ученый З. Нееедлы. 1904 г.

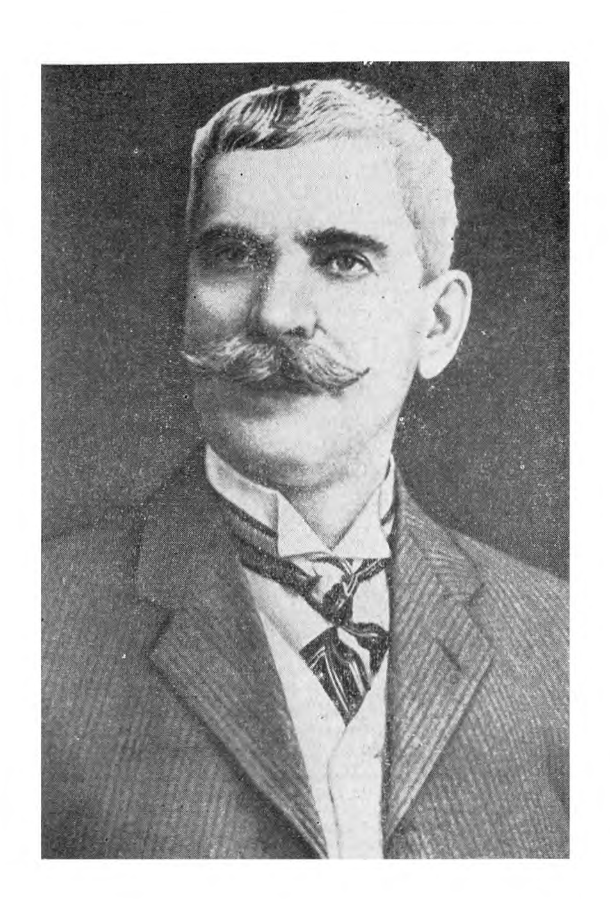
Сербский писатель Лаза К. Лазаревич.

Словенский критик Иван Приятель. 1904 г.

Болгарский поэт Петко Ю. Тодоров.

Болгарский писатель И. Вазов.

Анджа М. Петрович.

За вас лако молим, добри деда,
реците свој глас, [illegible] да [illegible] ће и
[illegible] ће за мене бити глас судије правде
и спасења.

Поздрављам вас много и
поштујем
Радулка Миленковићева
поштар.

Конец письма Р. Миленкович к Л. Н. Толстому от 25 сентября 1909 г.

Конверт письма Р. Миленкович к Л. Н. Толстому.

Конверт письма Г. Ст. Шопова к Л. Н. Толстому от 23 августа 1901 г.

12/VIII 1895
Раковъ.

Глубокочтимый
Левъ Николаевичъ!

Покорнѣйше Васъ прошу извинить меня, что, будучи Вамъ неизвѣстенъ даже по имени, смѣю утруждать Ваше вниманіе сильно волнующими меня вопросами, къ которымъ, можетъ быть, Вы относитесь равнодушно.

Я католикъ по вѣроисп., — по національн. полякъ, уроженецъ Зап. Края, изъ тамошнихъ помѣщиковъ, — по занятіямъ ученый и литераторъ; нынѣ доцентъ Славянской литературы въ Краковскомъ Университетѣ.
Съ юныхъ лѣтъ я тяготился вопросомъ, какъ жить по христіански и сознаніемъ противорѣчія между жизнью въ мірѣ и ученіемъ Христа. Моей научной и литературн. дѣятельности, я вообще не представлялъ себѣ иначе, какъ въ теснѣйшей связи съ самыми насущными духовными потребностями моего народа.

Первая страница письма М. Здзеховского к Л. Н. Толстому от 12 августа 1895 г.

Конверт письма М. Здзеховского к Л. Н. Толстому.

8. Здзеховский М. Э. 15/3 дек. 1896 г.

Краков.
15/3 XII 96 г.
7, Garbarska

Глубокочтимый
Лев Николаевич!

Пользуясь данным мне Вами, при отъезде из Ясн. Поляны, разрешением писать Вам, позволяю себе, по поводу нашей беседы о романах Элизы Оржешко, обратить Ваше внимание на последнее ее произведение „Искра Божия“, помещенное в Вестнике Европы за 1895 № 1—5 стр.

Среди наших романистов она обладает самым возвышенным умом и при том на последних ее сочинениях, а более всего именно на Искре Божией замечательно благо

Письмо М. Здзеховского, обратившего внимание Л. Н. Толстого на польскую писательницу Э. Ожешко.

Великому искателю истины,

Высокочтимому Льву Николаевичу

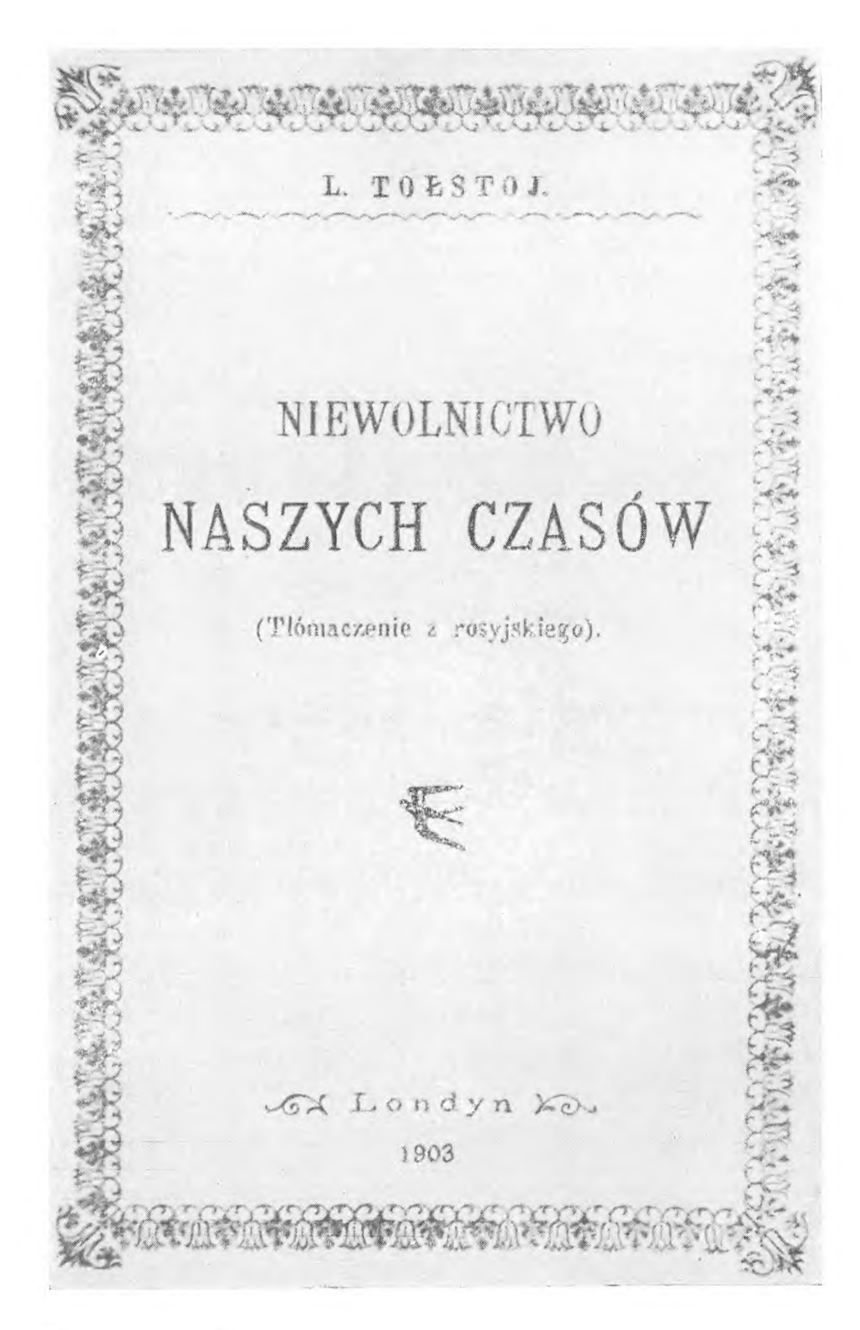
Толстому

Переводчикъ.

СПб. 21/1 1901.

CO TO JEST SZTUKA?

Титульный лист издания на польском языке трактата Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» с дарственной надписью переводчика А. Кона.

Титульный лист брошюры «Рабство нашего времени», изданной на польском языке в Лондоне.

L. N. Tolstoj:

Vzkriesenie.

(ВОСКРЕСЕНІЕ.)

Román

Preložil

ALBERT ŠKARVAN.

Boh je nie v sile, ale v pravde

Poučnej Biblioteky

číslo 2.

V ŽILINE.
Vydáva Dušan Makovický
1899

Титульный лист романа «Воскресение», изданного на словацком языке Д. Маковицким в переводе А. Шкарвана.

ŚMIERĆ

IWANA ILJICZA.

przez

Hr. L. N. Tołstoja.

WARSZAWA.

NAKŁAD GEBETHNERA I WOLFFA.

1891.

Польское издание рассказа Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

ZEBRANIE OGOLNE

POLSKIEGO

Stowarzyszenia Przyjaciól Pokoju

w uznaniu wielkich zasług J. W. hrabiego Leona Tołstoja dla sprawy pokoju powszechnego jednogłośnie obrało Go na członka honorowego Stowarzyszenia.

Warszawa 11 września 1908 r.

Prezes

Sekretarz

Członkowie Zarządu

POLSKIE STOWARZYSZENIE PRZYJACIÓŁ POKOJU

L'ASSEMBLÉE GÉNÉRALE

de la SOCIÉTÉ

Polonaise des Amis de la Paix

ayant pris en consideration les grands services rendus par Mr le comte Léon Tolstoy a la cause de la paix universelle a décidé a l'unanimité son élection comme membre honoraire de la Société.

Varsovie le 11 septembre 1908

Président

Secrétaire général

Membres du Comité

Диплом почетного члена польского общества Друзей мира, присланный Л. Н. Толстому в 1908 г.

Диплом почетного члена Русско-сербского клуба, присланный Л. Н. Толстому в 1906 г.

Дом станционного смотрителя на станции Астапово, где скончался Л. Н. Толстой.

POBRATIM

ZABAVNI I POUCNI LIST · ZA ODRASLIJU MLADEŽ ·

Godište XXI. Zagreb 15. prosinca 1910. Broj 7.

[illegible]

† Lav Tolstoj.

20. studenoga o. g. umr'o je „veliki spisatelj ruske zemlje“, velikan naroda svoga, grof Lav Nikolajević Tolstoj. Njegova smrt, ako i nije već došla neočekana, potresla je ipak nesamo golemom Rusijom, nego i cijelim naobraženim svijetom. Jer taj čovjek bio je više nego slavan pisac. Gledajući golemi narod svoj, njegova duša i život njegov, htio ga je pridići, htio mu pomoći, da bi poživio višim životom, pa mu je postao učiteljem i odgajačem. Ta je plemenita nakana istražila veliki napor, veliku borbu, i jedan ljudski vijek ne može joj doteći. Tako se životno nastojanje njegovo prometnulo upravo u tragediju, koja je konac svoj našla danom, kad je taj velikan izdahnuo plemenitu dušu.

Evo glavne crte njegova života.

Rodio se na imanju „Jasnaja poljana“, posjedu roditeljskom, 28. kolovoza po starom, 9. rujna 1828. po novom kalendaru. Otac mu Nikolaj bio je za Napoleonove vojne u Rusiji potpukovnik, mati bila je rođena kneginja Volkonska.

Roditelje izgubi u ranoj mladosti, a imao je tri brata i sestru. Prve nauke primio je kod kuće, onda ode u Kazanj na sveučilište, da uči orijentalne jezike. Ali to se nije isticao nikakim sposobnostima, a treba reći, da je kasnije dodoše neizmjerno mnogo učio, ali da je ipak uvijek bio radiji živome poslu, nego apstraktnoj znanosti.

Poslije tri godine vrati se u Jasnu poljanu i tu provede opet tri godine učeći filozofiju, ali i radeći praktično, jer je trebalo popraviti loše ekonomsko stanje toga inače velikoga imanja, što ga je zapalo kao naslijeđe. Sad je počeo učiti gospodarstvo, pa se i zanimati [illegible] seljaštva, s kojim je [illegible]. To je seljaštvo bilo zapušteno, neuko, i on je htio iskreno da mu pomogne djelom i savjetom.

Tu je [illegible] i prvo razočaranje. Naumio se da među siromašne i dobre seljake razdijeli dio posjeda, do kojega je došao bez zasluge svoje. Ali seljaci nijesu razumjeli toga velikodušja, šta više opirali se „novotarijama“, jer tako nijesu radili ni njihovi stari“. Ozlovoljen krene skoro u Petrograd, da uči pravne nauke. Ali se zamalo povrati i podade tako veselu životu, da se uvalio u dug. Srećom dođe kući stariji brat, tada vojnički časnik, a služio je u Kavkazu. Taj ga istrgne iz lakoumne okolice i nagovori, neka pođe u Kavkaz kao vojnik. Lav ode u Kavkaz, ali ne stupi odmah u vojništvo, nego stade skromno živjeti u nekom mjestancu, da bi se što prije riješio dugova. Tu je boravio među radnicima i zabavljao se lovom lutajući po gorama i šumama.

Zamalo stupi u vojsku kao topnički časnik. Taj korak bude od velikoga zamašaja po daljni njegov razvoj i život. Jer na Kavkazu osjeti u sebi prvi put poziv za spisateljsko zvanje i tu zaista napisa prva svoja književna djela, u kojima je vjerno ocrtao ovo prvo razdoblje svoga života. To su „Kavkaski zarobljenik“, „Kozaci“ i druge stvari, što se odlikuju silnom poezijom i poznavanjem ljudske duše — onim svojstvom, kojim uopće ruski pisci (realisti) zarana odvojiše od drugih literata evropskih.

Na Kavkazu je boravio od 1851. do 1853., pa se s posve drugim nazorima vrati zimi na svoje imanje. Ni tu ne ostade dugo, jer kad je planuo rat sa Turskom (Krimski rat) a evropske su velevlasti zaratile na Rusiju, Tolstoj bude poslan u Sevastopolj, gdje se [illegible] toga rata. [illegible]

Некролог о Л. Н. Толстом в хорватском журнале «Побратим».

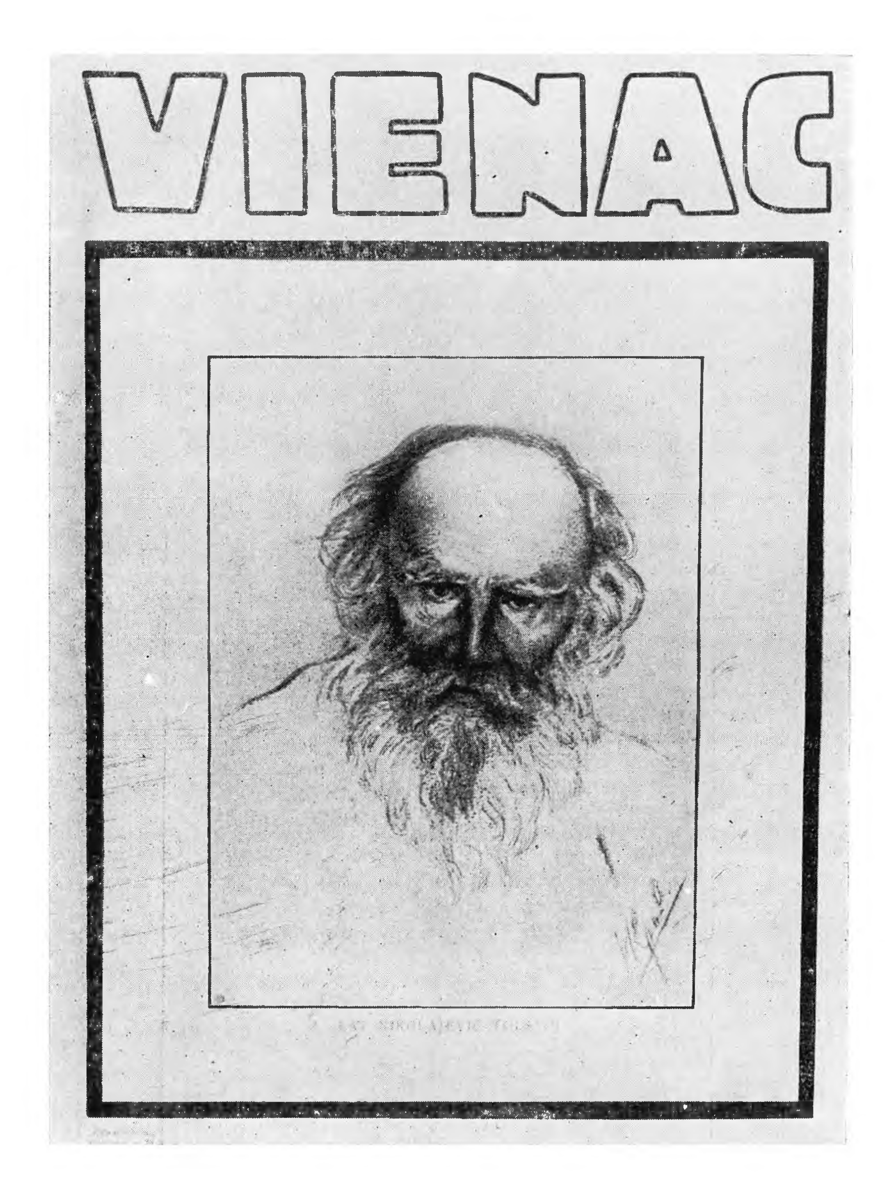
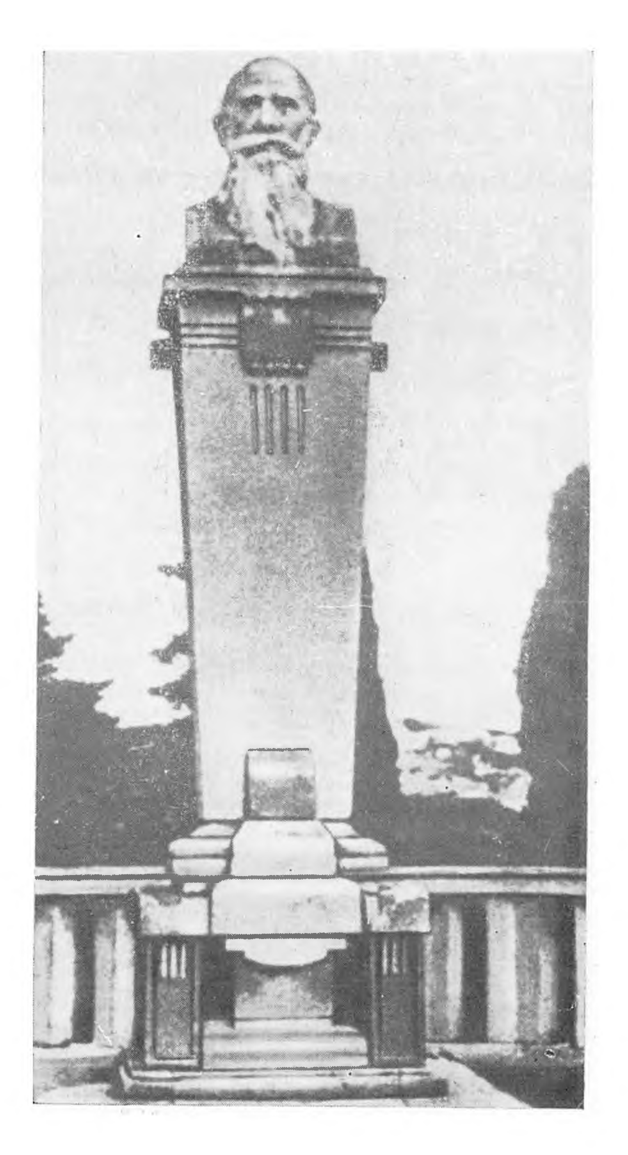

Рисунок Н. И. Кравченко (?), помещенный в хорватском журнале «Виенац» в связи с кончиной писателя.

Памятник Л. Н. Толстому в Сельцах на о. Брач.

пленник», «Казаки», «Власть тьмы», «Рубка леса», «Анна Каренина», много народных рассказов Толстого.[33]

Примерно в то же время, что и переводы, в сербской печати стали появляться заметки о русском писателе. По характеру сообщений можно думать, что корреспонденты рассчитывали на уже имевшиеся у читателей сведения о Толстом. Так, первая, зафиксированная М. Погодиным заметка (1878) информировала об английском переводе повести «Казаки».[34] Краткие сообщения о появлении новых произведений[35] или биографические подробности из жизни Толстого на первых порах преобладали.[36]

Вместе с переводами и сведениями о Толстом росла и его популярность у сербов, особенно после того как белградский журнал «Отачбина» («Родина») «совершил своего рода маленький подвиг»,[37] публикуя в течение трех лет перевод романа «Анна Каренина».

Одним из талантливых интерпретаторов творчества Толстого в Сербии стал Яша М. Проданович (1867—1948). Первая его статья о Толстом вышла в белградском журнале «Дело» и представляла собой рецензию на изданную в Белграде книгу нравоучительных рассказов Толстого.[38] Позднее вместе со второй его статьей о романе «Война и мир» она вошла в сборник статей Продановича «Наши и чужие» (1924). Я. Проданович был предан социалистическим идеям, его суждения отличала строгая взыскательность, оригинальность мысли, хороший литературный вкус. Толстой-философ не встречал у него сочувствия, Толстой — «величайший художник» вызывал у него восхищение. Русскому романисту «трудно найти равного во всей европейской литературе»,[39] писал Проданович, необычайно высоко ценя психологическое мастерство, с каким Толстой «раскрывает душу и характер своих героев».[40] Сравнивая Толстого с Тургеневым, критик отмечал, что произведения Толстого не отличаются той гармонией формы, какая, по его мнению, присуща произведениям Тургенева. Толстой силен в анализе, но «слаб как организатор и конструктор».[41] При знакомстве с эти-

[33] Погодин М. Руско-српска библиографија. Део 1—2. Београд, 1925.
[34] Роман «Козаци» у англеском преводу. — Стража, I, 1878, 538.
[35] [Реф.] «Исповест». Л. Толстој. — Нови Београдски Дневник, III, 1884. № 83, 84; [Рец.] Јутро једног спахије. Гр. Л. Н. Толстој. Львов, 1887. — Српски лист, VIII, 1887, № 21, и др.
[36] Унутрашни преврат у Толстоју. — Јавор, 1886; Правдић Б. Ко је гроф Лав Толстој? — Српски лист, V, 1884, № 33, и др.
[37] Милисавац Ж. «Српски књижевни гласник» и русская литература. — В кн.: Русско-югославские литературные связи.., с. 192.
[38] Продановић Ј. М. Философ и моралист. — Дело, 1896, кн. 12, с. 530—535.
[39] Продановић Ј. М. Наши и страни. Београд, 1924, с. 40, 42.
[40] Там же, с. 45.
[41] Там же, с. 50.

ко-религиозными произведениями Толстого «читатель обнаруживает перед собой Тезея, странствующего без клубка Ариадны, в лабиринте социальных вопросов».[42] Другой сербский критик, вторя Продановичу, писал, что «философия Толстого не представляет опасности ни для России, ни для остального мира»,[43] поскольку не может стать основой решительных действий противников царизма.

Толстовская философия пассивного сопротивления не получила в сербских землях отклика, если не считать двух-трех ее почитателей, так и не ставших последователями. Наиболее значительное место среди них занимает знаток и переводчик русской литературы Йован Максимович (1864—1955).

Й. Максимович занимался на философском факультете сначала Будапештского, а затем Венского университета, по окончании которого получил звание доктора философии. Вернувшись в Сербию, он, будучи профессором гимназии, интересовался проблемами педагогики, перевел большое количество работ по вопросам воспитания с немецкого и русского языков. Много времени отдал Максимович изучению отечественной и русской литератур, а также переводам на сербский язык лучших произведений русских писателей, начиная с Гоголя и кончая Чеховым, Горьким, Л. Андреевым. Работы Й. Максимовича о русских и сербских писателях были известны в России, их рецензировал, в частности, П. Заболотский в «Русском филологическом вестнике», «Славянских известиях» и других журналах.[44] Й. Максимович писал также и о Толстом, главным образом о его этико-религиозных взглядах, которым придавал очень большое значение. «С тех пор как я познакомился с учением о жизни Льва Николаевича, я возродился...» — признавался он Д. Маковицкому.[45] Максимовича приглашали читать лекции о Толстом. «Жаль, что посторонние житейские дела, — сетовал он, — отвлекают меня, и не могу, как бы желал, сосредоточиться на учении Льва Николаевича, коим восхищаюсь все больше и больше».[46]

Первой книгой Толстого, которую издал Максимович в своем переводе, был сборник рассказов, вышедший в 1891 г. в серии «Книги для народа» (издание «Матицы сербской») в Но-

---

[42] Там же, с. 53.

[43] Толстоj. — Самоуправа, 1908, № 199.

[44] Заболотский П. 1) J. Максимовић. Змаjева лектира... — Славянские известия, 1906, № 7, с. 577; 2) J. Максимовић. Руски песнички реализам. — ЖМНП, 1906, V, с. 181; 3) J. Максимовић. А. Чехов. — Русский филологический Вестник. Варшава, 1906, с. 342.

[45] Письмо Й. Максимовича к Д. Маковицкому от 16/29 апр. 1911 г. (ОР ГМТ, фонд Д. Маковицкого. К. Т. 13 530).

[46] Письмо Й. Максимовича к Д. Маковицкому от 15 сент. 1912 г. (там же).

вом Саде.[47] В него вошли «Сказка об Иване-дураке», «Три старика», «Сколько человеку земли нужно?», «Зерно с куриное яйцо» и др.

Следующей большой работой Максимовича стал перевод романа «Воскресение», вышедший сначала в популярном воеводинском журнале «Бранково коло» (1899—1900), а вскоре отдельным изданием в Сремских Карловцах.[48]

Роман «Воскресение», над которым Толстой работал все последнее десятилетие XIX в., получили уже подготовленные к восприятию его идей читатели. Роман, по словам писателя, стал романом «долгого дыхания» (52, 5), работа над ним сопровождалась поиском новых средств художественного выражения и постоянным обновлением и уточнением собственных позиций («. . .я понял, — записывает Толстой в дневнике в 1895 г., — что надо начинать с жизни крестьян, что они предмет, они положительное, а то тень, то отрицательное», 53, 69). Читатели в югославянских землях по достоинству оценили новаторство Толстого.

Едва заслышав о готовящемся издании нового романа Толстого, издатели и переводчики разных стран проявили к нему горячий интерес. В Ясную Поляну хлынул поток писем, в которых испрашивалось разрешение на перевод и издание «Воскресения». Одно из них пришло из Нового Сада от редакции журнала «Застава» («Знамя»), посланное 31 марта 1899 г., в том же месяце, когда роман начал печататься в «Ниве» (с № 11 журнала, вышедшего 13 марта 1899 г.). Журнал «Застава» был достаточно популярен, он издавался с 1866 г. известным сербским общественным деятелем С. Милетичем, возглавлявшим Сербскую свободомыслящую народную партию, которая выступала за равноправие всех национальностей, входивших в состав Австро-Венгерской монархии. В 1899 г. редактором «Заставы» был зять С. Милетича писатель Яша Томич, один из основоположников социального романа в сербской литературе. Именно он и обратился к Толстому «с горячей просьбой разрешить перевести роман на сербский язык и тем самым предоставить нашему народу не только превосходное чтение, но и первоклассное и здравое поучение». «Мы уверены, — писал Томич, — что окажем огромную услугу нашему народу, дав ему возможность на его родном языке познакомиться с новейшим произведением неповторимого Льва Толстого».[49] Обычно Толстой оставлял подобные письма без ответа, поскольку неоднократно заявлял о своем разрешении на перевод всех его про-

---

[47] Толстоj Л. Н. Приповетке / Прев. J. Максимовић. У Новом Саду, 1891. 60 с. (есть в Ясной Поляне).

[48] Толстоj. Васкрсениjе / Прев. J. Максимовић. — Бранково коло, V, 1899—1900; Толстоj Л. Васкрсениjе / Прев. J. Максимовић. Сремски Карловци, 1900. 582 с. (есть в Ясной Поляне).

[49] ОР ГМТ.

изведений, вышедших после 1881 г. И в данном случае на конверте письма из Нового Сада появилась карандашная помета Толстого «БО», т. е. «без ответа». Однако, как свидетельствует вторая надпись на конверте черными чернилами, решение писателя не откликаться на письмо было изменено, и Томичу ответила Татьяна Львовна Толстая, разъяснившая непричастность ее отца к переводам собственных произведений (72, 65).

В «Заставе» роман Толстого не вышел. По всей видимости, его опередило «Бранково коло», начав печатать перевод, осуществляемый Й. Максимовичем по мере выхода номеров «Нивы».

Гениальный роман был необычен и для перевода труден, как, впрочем, и многие другие произведения писателя. И хотя Максимович был достаточно искушен в переводах русской прозы, он не раз становился в тупик, встречая, скажем, такой портрет одного из членов суда: Матвей Никитич «с большими, вниз оттянутыми добрыми глазами». Максимович переводит: «са великим, опуштеним добрим очима» — в издании 1900 г. и «са великим, доле опуштеним добрим очима» — в издании 1911 г., что означает по-русски «с опущенными» в первом случае и «вниз опущенными» — во втором. Незначительное изменение, а смысл другой: ходить с вниз опущенными глазами — значит не смотреть на окружающих, стыдясь их или не желая их видеть или по большой скромности и т. п.

В целом перевод был сделан достаточно точно, так что во втором издании почти ничего не было изменено. В третий раз «Воскресение» в переводе Й. Максимовича вышло в Белграде в 1925 г.

Верно передавая смысл и характер отдельных частей и эпизодов романа, старательно воспроизводя прямую речь и сохраняя возможную точность в описаниях, Максимович иногда позволял себе отступления, учитывая особенности воспринимающей сербской среды. Так, в первом издании перевода все французские выражения были переведены на сербский язык. Вследствие этого уничтожался один из действенных способов типизации, столь характерный для стиля Толстого. Когда Толстой пишет: «Мисси, как всегда, была очень distinguée и хорошо, незаметно хорошо одета» (32, 91), то наибольшую смысловую нагрузку в характеристике героини играет именно это французское слово «изящна», оно погружает читателя в атмосферу светскости, неотъемлемой от образа жизни этой красивой, аристократической «почти невесты» Нехлюдова до его преображения. Сербский читатель остался бы глух к подобному приему характеристики образа — среди сербской интеллигенции не было распространено знание французского языка, и уж тем более оно не было, как в среде русского дворянства, социально отличительным признаком. Й. Максимович сопровождал перевод пояснениями, правда, немногочисленными, в которых счи-

тал необходимым уточнить реалии русской жизни. В издании 1911 г. французские реплики были им частично восстановлены, но вынесены из текста в подстрочные примечания.

Ускользнули от переводчика некоторые тонкости, особенно на тех страницах, где читатель встречается с «прочтенными» великим автором мыслями героев, с тем «потоком сознания», в котором мысли следуют одна за другой порой как бы бессвязно, и через эту мнимую бессвязность Толстой, как искусный лоцман, проводит читателя с помощью продуманно расставленных буев — знаков препинания, выделения курсивом, заключением в скобки отдельных частей фразы и т. п. Разумеется, знаки препинания сохранить в переводе трудно, но что касается скобок, то можно и нужно. Например, когда Нехлюдов размышляет, уже в который раз, над вопросом, жениться ему на Мисси или нет, и вспоминает еще об одном обстоятельстве: «Впрочем, не получив ответа от Марьи Васильевны (жены предводителя), не покончив совершенно с тем, я не могу ничего предпринять» (32, 19), то пояснение в скобках предназначено от автора забывчивому читателю, но никоим образом не входит в систему рассуждений героя. Или: Мисси «приучила себя к мысли, что он будет ее (не она будет его, а он ее), и она с бессознательной, но упорной хитростью... достигала своей цели» (32, 93). Здесь Толстой еще раз подчеркивает чрезвычайно существенную для характеристики Мисси деталь, которая только что промелькнула и не должна уйти от внимания читателя, и слова в скобках — восклицательный знак в интонации рассказчика, поднятый перст, доверительная мимическая фигура. Без скобок все это рушится. Переводчик, вероятно, почувствовав это, во втором издании восстановил снятые им в первом издании существенные скобки Толстого.

В издании 1911 г. Максимович счел возможным дать развернутые названия (в оглавлении) всем частям и главам романа, видимо, находя в этом еще одно средство дать дополнительные разъяснения читателю. В предисловии переводчик подчеркивал, что это «первое полное издание» на сербском языке «знаменитого романа», поскольку «редактор „Бранкова кола" покойный П. М. Адамов... хотел, чтобы его журнал печатал роман Толстого одновременно с „Нивой"», и не было возможности ждать полного бесцензурного издания Черткова. Далее, указывая, какие главы или части глав были выпущены в первом издании по сравнению с вариантом, опубликованным Чертковым в Лондоне, Максимович сообщал, что второе издание романа на сербском языке вызвано прежде всего усилением интереса сербской молодежи к учению Толстого «о правильной жизни».[50]

---

[50] Максимовић J. О другом издању «Васкрсења». — В кн.: Толстоj Л. Васкрсење. Београд, 1911.

В 1909 г. Максимович впервые встретился с Толстым. Он приехал в Ясную Поляну в начале мая с сыном Радивоем из Москвы, где принимал участие в гоголевских торжествах. К этому времени о его деятельности было хорошо известно в доме Толстых. За полгода до приезда он перевел на сербский язык статью «О присоединении Боснии и Герцоговины к Австрии» и в письме к Толстому сообщил, как она была принята югославянами, которые «не особенно привыкли к такого рода сочинениям и размышлениям»,[51] но которые, добавлял Максимович, «почти во всех известных мне случаях — одобряли основную мысль вашего писания и трудились приискать новые доказательства для нее».[52]

Толстому, по свидетельству Маковицкого, Максимович «сразу понравился своей простотой, прямотой, говорит хорошо по-русски. . .».[53] Состоялась длительная беседа, во время которой Толстой расспрашивал гостя о положении у него на родине, «спрашивал о сербских крестьянах», «есть ли у них (сербов — *И. П.*) социализм», «спрашивал, есть ли у них интеллигенция как особая каста, как в России», «спрашивал о религиозности», «о назаренах», «спросил про грамотность».[54]

Беседу достаточно обширно запечатлел в своих записках Маковицкий, хотя он и добавил, что «присутствовал только при трети разговора».[55] Более подробно три года спустя о ней написал сам Максимович в воспоминаниях «Мое посещение Толстого»,[56] опубликованных в нескольких номерах авторитетнейшего журнала «Српски книжевни гласник», имевшего «исключительное значение для развития русско-сербских литературных связей в начале XX века».[57]

«Мое посещение Толстого» — не просто воспоминания, но и подробнейший комментарий к мыслям писателя, высказанным им в разговоре с Максимовичем. Говорилось о многом: об искусстве и отношении к нему Толстого, о положении славянских народов, о русских писателях, о взаимоотношениях Толстого с Фетом и т. п. Отвечая на расспросы Толстого о духовной жизни у сербов и болгар, Максимович подчеркивал значение сочинений Гоголя, Герцена, Достоевского, Лескова, самого Толстого для создания особой духовной атмосферы, которая облагораживает культуры других, «молодых», как выразился Максимович, народов. Воспоминания Й. Максимовича — ценное сви-

---

[51] Письмо Й. Максимовича к Л. Н. Толстому от 29 дек. 1908 г. (ОР ГМТ).

[52] Там же.

[53] Литературное наследство, т. 90, кн. III, с. 402.

[54] Там же, с. 402, 403.

[55] Там же, с. 403.

[56] Максимовић J. Моја посета код Толстоја. — Српски књижевни гласник, 1912, с. 39—48, 122—128, 203—211, 278—285, 353—362, 442—450, 528—540.

[57] Русско-югославские литературные связи.., с. 193.

детельство «очевидца», которому выпало редкое счастье стать собеседником Толстого, услышать из его уст суждения по различным этико-религиозным и политическим вопросам и убедиться в дружеском расположении Толстого к родственным славянским народам. Рассказ Максимовича о встрече с писателем, о его окружении, о словаке Маковицком, который жил в его доме, был свежим словом в богатой литературе о яснополянском патриархе. «Сербскому читателю, безусловно, были интересны и высказывания Максимовича об этических и философских взглядах русского писателя, властителя умов современного общества», — пишет сербский ученый.[58]

«Дорогой Йован Георгиевич! Пишу Вам через 2 часа после Вашего отъезда, — так начиналось письмо Маковицкого, посланное вдогонку понравившемуся всем Максимовичу, — мне досталось от Софьи Андреевны за то, что Вас не угостили как следует (не пригласил к завтраку, не отправил в экипаже и т. д.)». После различных деловых сообщений, касающихся перевода этических произведений Толстого на сербский язык, Маковицкий добавлял: «Л. Н. поручил мне написать Вам, что ему было очень приятно с Вами познакомиться и через Вас узнать о сочувственном ему сербском народе».[59]

Максимовичу казалось, что пропагандируемые им толстовские идеи находят в Сербии все большее число последователей. Это было заблуждение, свойственное почитателям Толстого-моралиста, заблуждение, поддерживаемое отдельными случаями отказа продолжать жить «как все». Разъезжая по городам Сербии с чтением лекций о Толстом, в которых подчеркивал его этико-религиозное кредо, Максимович встречал людей, высказывавших желание трудиться в земледельческой колонии, но поскольку в Сербии таковых не имелось, то они мечтали о переезде в Россию. «Новый вопрос и просьба к Вам, — писал он Маковицкому. — Один молодой человек, окончивший юридический факультет в Загребе и сдавший с превосходным успехом два государственных экзамена, — вследствие религиозных убеждений и оттуда проистекающих взглядов на смысл и направление жизни, — отказался от последнего экзамена и от поступления в государственную службу, которую он считает ложью, насилием... Бывший студент Й. Йонке желает присоединиться к одной из трудовых колоний в России». Й. Максимович спрашивал, какие практические шаги надо предпринять его подопечному.[60]

Вторично Максимович приехал в Россию и встретился с русскими друзьями и почитателями Толстого уже после его смер-

---

[58] Милисавац Ж. Указ. соч., с. 209.

[59] Письмо Д. Маковицкого к Й. Максимовичу от 5 мая 1909 г. (ЛАП, фонд Д. Маковицкого. 511).

[60] Письмо Й. Максимовича к Д. Маковицкому от 20 июня 1911 г. (ОР ГМТ, фонд Д. Маковицкого. К. Т. 13 530).

ти, в 1911 г. Он продолжал переводить сочинения Толстого и других русских писателей, переписывался с Д. П. Маковицким, П. И. Бирюковым, А. К. Чертковой. Русофильские симпатии Максимовича сказались и после Октября: узнав о том, что директор Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич, известный в Сербии, помимо прочего, своей брошюрой о назаренах[61] — религиозной секте, получившей распространение в Болгарии, Сербии, Боснии, Герцеговине и других странах, — собирает наследие русских писателей, он сообщил ему о списке пушкинских стихотворений, условно называемом «Тетрадь Всеволожского», обнаруженном им в Белграде. «Было бы в высшей степени досадно для нас славян, если бы рукопись нашего гениального писателя очутилась бы в руках американского или какого-либо иного коллекционера», — писал Максимович.[62] Рукопись, о местонахождении которой дотоле не было известно, была вскоре приобретена через советского полпреда во Франции (поскольку дипломатических отношений с Югославией у нас тогда не было).

Много посетителей из сербских земель побывало в Ясной Поляне, в Хамовниках в Москве, в Петербурге, но мало кто оставил описания своих встреч с Толстым. Представляют интерес воспоминания соотечественника Максимовича черногорского врача Йована Стерия Куячича, который в конце 90-х годов, будучи студентом русской военно-медицинской академии, посетил Толстого в Москве. Получив в России медицинское образование, Й. Ст. Куячич по возвращении в Черногорию посвятил себя практической, научной и преподавательской деятельности. Он пользовался на родине большим уважением как врач и как профессор гимназии.[63] Им было написано много книг по медицине (к 1924 г. свыше 30), научных и научно-популярных, а также переведено несколько работ русских ученых — Мечникова, Сеченова, учеником которых он был. Переводил Куячич и философские труды Толстого — «В чем моя вера?», «Что такое искусство?» и др.

Переводы из Толстого стали особой областью деятельности Куячича, толчком к которой послужило знакомство с Толстым в доме писателя в Москве, куда Куячич пришел в сопровождении еще двух студентов-медиков — В. М. Медяника и природоведа П. Вучковича, впоследствии директора гимназии в Бераниме. Поводом для посещения Толстого явился рукописный сборник стихов самодеятельного поэта из простого звания, ко-

---

[61] Бонч-Бруевич В. Д. Назарены в Венгрии и Сербии: К истории сектантства. М., 1905.

[62] Вопр. лит., 1974, № 3, с. 312.

[63] Й. С. Куячич был профессором гимназии, в которой учился М. Попович, известный югославский ученый-филолог. Именно он обратил внимание автора настоящей книги на незаурядную личность Куячича и на его воспоминания, за что приношу проф. М. Поповичу свою глубокую благодарность.

торый они хотели напечатать с помощью авторитетной поддержки писателя в журнале «Русская мысль», где незадолго до этого появилось стихотворение «какого-то крестьянина под названием „Пахарь"».[64] Спустя много лет (в 1934 г.) Куячич воспроизвел — вероятно по записям, сделанным по горячим следам общения с Толстым, — обстоятельства этих встреч, слова Толстого, которые, как правило, оставлял в русском звучании, без перевода на сербский язык, и, таким образом, донес до нас голос самого Толстого. Это придает его воспоминаниям большую ценность. Факт общения писателя с сербской молодежью ускользнул от внимания биографов Толстого, имена П. Вучковича и Й. С. Куячича не названы даже в таком солидном издании, как «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого (1891—1910)», составленная его крупнейшим биографом Н. Н. Гусевым (М., 1960).

Как вспоминает Куячич, Толстой приветствовал пришедших к нему студентов дружественно и демократично: «Здравствуйте, товарищи!» — сказал он. Узнав о причине их визита, он согласился просмотреть принесенную ими рукопись. Когда через несколько дней Куячич зашел узнать о результатах, Толстой высказался о стихах отрицательно: «Сплошной набор чужих слов».[65] Писатель говорил очень приветливо, но не одобрял студентов за то, что они идут на каторгу — «этим отдаляете свою цель».[66] Вспомним, что Толстой в это время усиленно трудился над «Воскресением» и проблемы сопротивления, студенческих волнений, равно как и проблемы каторги и ссылки, его особенно занимали.

Начавшее вскоре выходить в Англии периодическое издание «Листки „Свободного слова"», проповедовавшее толстовские идеи, сочувственно освещало студенческое движение. Куячич попросил разрешения перевести трактат Толстого «Что такое искусство?». «Вы — серб, черногорец! Очень приятно! Я очень рад! Мне будет очень приятно, если моя книга появится и на вашем сербском языке. Как вы думаете, как сербы примут эту мою работу, и будет ли их интересовать этот вопрос? Как они вообще относятся к искусству, как оно у них воспринимается? Да что я спрашиваю, ведь они все настоящие художники. Ничто не сравнится с вашими народными песнями, которым, можно с уверенностью сказать, нет равных в мире. Ваши народные песни превосходны. Вот уж воистину подлинно народное искусство».[67] Такая похвала из уст Толстого, который очень це-

---

[64] Кујачић Ј. Ст. У Лава Н. Толстоја. — В кн.: Толстој Л. Шта је умјетност. Београд, 1936, с. III. — Куячич имел ввиду стихотворение В. Д. Ляпунова «Пахарь», напечатанное в № 1 «Русской мысли» с письмом Толстого к редактору.

[65] Там же, с. VII.

[66] Там же, с. VIII.

[67] Там же, с. IX.

нил и по-настоящему знал народную музыку, который «с детства слышал, как в Ясной Поляне и других деревнях бабы играли свои песни (в Ясной Поляне говорят „играть" песни вместо „петь"), слышал народные песни на Волге, в Казанской и Самарской губерниях, у казаков, у солдат»,[68] стоила очень многого. В яснополянской усадьбе часто звучала музыка, пелись и народные песни. Знали и любили там песни славянских народов. В письме к Максимовичу после его отъезда из Ясной Поляны Маковицкий передавал просьбу жены Черткова прислать сборник югославянских народных песен. Просьба была выполнена Максимовичем.[69]

Толстой пригласил Куячича заходить, если в процессе работы над переводом ему встретятся непонятные места. Куячич пишет, что воспользовался приглашением, несколько раз был у Толстого, и они много разговаривали об искусстве.

Толстой дал Куячичу экземпляр текста, в который Татьяной Львовной были собственноручно вписаны все цензурные сокращения. Через несколько месяцев, которые ушли на перевод, Куячич принес писателю готовый сербский текст. Это было «в конце мая», пишет Куячич, но тут он ошибается, потому что 14 мая Толстой уже уехал из Москвы.[70] Толстой просмотрел рукопись, некоторые места особенно внимательно. Куячич записывает впечатления писателя: «Я почти все понимаю. Сербский язык очень близок нашему. Какой красивый оборот слов. Ваш язык столь мягок и плавен, в полном смысле слова музыкален, как итальянский... Должен сознаться, что я боялся... Вы еще молодой человек, а перевод отнюдь не легкое занятие. Мало того, что надо знать оба языка, которые при переводе вступают в единоборство, надо еще уметь писать...»[71] Весьма меткое высказывание Толстого о переводе, которым он сам немало занимался. Не менее интересны и наблюдения Толстого над сербским языком, действительно самым музыкальным из всех славянских языков.

Толстой обратился к вошедшей Татьяне Львовне: «„Вот Иван Стоянович уже перевел книжку. Посмотри-ка, Таня, как это аккуратно написано. Я понимаю почти все..." Татьяна захотела посмотреть, поймет ли она по-сербски. Смеясь, начала читать вслух, но с русским ударением и акцентом, так что самой стало смешно...»[72]

Прощальные слова Толстого Куячич вновь записывает по-русски: «Не скажу вам, дорогой Иван Стоянович, прощайте, а

---

[68] Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1965, с. 408.

[69] ЛАП, фонд Д. Маковицкого. 511.

[70] Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910. М., 1960, с. 321.

[71] Кујачић Ј. Ст. Указ. ст. — В кн.: Толстој Л. Шта је умјетност. Београд, 1936, с. XII.

[72] Там же.

до свидания! Желаю вам всех благ... всего хорошего... и полнейшего успеха в вашей будущей жизни... До свидания, дорогой черногорец!»[73]

Воспоминания, написанные Куячичем через много лет с глубочайшим почтением и любовью к великому русскому реалисту, свидетельствуют о том, что свидания с Толстым оставили неизгладимый след в душе черногорского студента.

Упомянем еще об одном сербском посетителе Толстого — М. Бойовиче, сотруднике журнала «Искры», который появился в Хамовниках в день, когда специальным постановлением синода было объявлено об отлучении Толстого от церкви.[74] Об этом неслыханном шаге российских церковников, в котором все усмотрели личную месть обер-прокурора синода Победоносцева за нелицеприятное изображение его в романе «Воскресение», В. И. Ленин писал: «Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе...»[75]

М. Бойович пришел к Толстому 24 февраля 1901 г., когда в Москве «на площадях и улицах стояли и бродили тысячные толпы народа... — писала Софья Андреевна Толстая своей сестре. — В этот день и в следующие дни мы получили столько сочувствия и депутациями, и письмами, адресами, корзинами цветов и пр. и пр...»[76] Спустя семь лет в статье по поводу восьмидесятилетия Толстого, опубликованной в белградском журнале «Дело», сербский журналист описал свою встречу с Толстым. Был чудный, солнечный день. Толстого не оказалось дома. Софья Андреевна в гостиной читала что-то группе молодых людей (позднее Бойович узнал, что она зачитывала свой ответ синоду). Она пригласила Бойовича пройти в кабинет. Вскоре появился и сам Толстой. «С молодой поспешностью он распоясался, скинул тулуп и поздоровался со мной.

— Вы наверняка пришли ко мне в связи с этим поступком святого синода?

— Абсолютно точно, Лев Николаевич.

— Видите ли, они решили, что меня держать в их стаде опасно... Таково их мнение обо мне, а свое о них я уже давно высказал. «Знаете, я считал, что „в верхах" в Петербурге сидят умные люди, но после того, что произошло сегодня, я убедился, что там одни дураки.

Лев Николаевич сделал паузу, затем продолжал:

— Я сейчас с Лубянской площади, был у Политехнического

---

[73] Там же, с. XIII.

[74] Это посещение также не отмечено Н. Н. Гусевым (Гусев Н. Н. Указ. соч).

[75] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 22.

[76] Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. Т. IV. М., 1923, с. 22.

института и, как простой мужик, которого никто не узнает, смотрел, что делает толпа и что с ней делают казаки. Я слушал разговоры, в них было много разумного, люди на моей стороне. Так вот, народ за меня, а глас народа — глас божий, и я верую в него...» [77]

В дневнике С. А. Толстой среди перечисления событий того дня записано: «Л. Н. шел с Дунаевым по Лубянской площади, где была толпа в несколько тысяч человек. Кто-то, увидав Л. Н., сказал: „Вот он дьявол в образе человека". Многие оглянулись, узнали Л. Н., и начались крики: „Ура, Л. Н., здравствуйте, Л. Н.! Привет великому человеку! Ура!"».[78]

«Что касается меня лично, то я совершенно спокоен, — сказал Толстой Бойовичу. — Боюсь только, как бы не возникли беспорядки, мне было бы это очень больно. Я постараюсь сделать все, чтобы до этого не дошло. А отлучение синода меня только смешит, смешит своей глупостью».[79]

Выйдя от Толстого, Бойович увидел перед его домом большую толпу народа. «Позади нее виднелись фигуры всадников. Они теснили толпу с явным намерением разогнать ее...»[80]

В историю русско-сербских связей навсегда вошло имя А. М. Петрович (1890—1914), обратившейся к Толстому со страстным призывом выступить в защиту аннексированных Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины как раз в тот момент, когда деятели югославянских земель все больше утверждались в мысли о необходимости объединения. Письма Петрович стали известны благодаря вызванной ими статье Толстого «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии». Какова была дальнейшая судьба этой незаурядной деятельницы сербского народно-освободительного движения?

После выхода на сербском языке статьи Толстого Петрович послала Маковицкому открытку, в которой сообщала об откликах на статью в сербской печати и выражала готовность в ответ на его просьбу собрать соответствующие номера газет («...жаль, что вы не сообщили сразу о том, что они вас интересуют, теперь уже трудно их достать»).[81] «Передайте мой горячий сербский привет Льву Николаевичу, — писала она в заключение, — пусть он всегда дружески вспоминает о далекой Сербии и сербском народе».[82]

---

77 Бојовић М. Јубилеј грофа Лава Толстоја. — Дело, год. 13, 1908, књ. 48, с. 255. Хранится в Ясной Поляне.

78 Толстая С. А. Дневники. Т. II. М., 1978, с. 15.

79 Бојовић М. Указ. ст., с. 256.

80 Там же.

81 Открытка А. М. Петрович к Д. Маковицкому от 13 фев. 1909 г. (ЛАП, фонд Д. Маковицкого. 311).

82 Там же.

В дальнейшем переписка шла именно с Маковицким; так было в подавляющем большинстве случаев, поскольку славянские корреспонденты не решались обременять великого писателя, а Толстой, в свою очередь, охотно полагался на Маковицкого как на знатока славянских языков и положения дел у славянских народов.

В 1910 г. А. Петрович шесть месяцев провела в Праге, где жила ее сестра, и настолько овладела чешской речью, что часть письма, посланного Маковицкому в начале 1911 г., смогла написать на чешском (вперемежку со словацким) языке. Из этого письма явствует, что она поддерживала связь с Маковицким, относясь к нему с величайшим уважением как к близкому другу и поверенному в делах Толстого. Узнав от Маковицкого о кончине его отца, Анджа выразила ему искреннее сочувствие и поделилась беспокойством за жизнь своего отца Миты Петровича, который тогда тяжело болел. (Петрович умер в том же году.) «Мы бессильны перед природой, — писала она, — нам остается только молча нести бремя жизни и думать о том, что никогда не умирает, что всегда живет в нас — соединяя двойственный мир души и тела».[83]

Когда в Сербию пришла весть о кончине великого писателя, А. Петрович выразила соболезнование семье Толстых «от имени тысяч балканских сербов, которые со смертью великого патрона человечества потеряли своего друга и защитника, какого не было у них за всю их историю» и который «своим творчеством и своей жизнью по праву будет служить примером для всех — богатых и бедных, старых и молодых».[84]

Почти с той же страстностью, с какой А. Петрович в 1908 г. обратилась к Толстому, она просила Маковицкого рассказать «объективно и беспристрастно» о последних днях жизни великого человека — в первые месяцы после астаповской трагедии по всему миру ширились самые невероятные слухи о разладе в семье Толстых. «Прошу вас исполнить желание многих и многих во всем славянстве», — писала Петрович спутнику Толстого в его последнем путешествии.[85]

Анджа ненадолго пережила своего отца. Она умерла двадцати четырех лет «после непродолжительной и тяжелой болезни», как сообщалось в траурном извещении о ее смерти, сохранившемся в бумагах Маковицкого.[86]

---

[83] Письмо А. М. Петрович к Д. Маковицкому от 1 фев. 1911 г. (ЛАП, фонд Д. Маковицкого).

[84] МСМ, фонд Д. Маковицкого.

[85] Письмо А. М. Петрович к Д. Маковицкому от 1 фев. 1911 г. (ЛАП, фонд Д. Маковицкого).

[86] ОР ГМТ, фонд Д. Маковицкого.

* *
*

История сербов и хорватов сложилась так, что эти исключительно близкие между собой народы не раз оказывались в различных государствах. Близость сербского и хорватского языков, отличающихся друг от друга главным образом используемым алфавитом: славянским у сербов и латинским у хорватов, тесное переплетение судеб культуры определили схожесть в восприятии русской литературы хорватским и сербским обществом. На развитие хорватской литературы в XIX в. наложило отпечаток то обстоятельство, что она развивалась в условиях Австрийской монархии. Виднейшие писатели победившего в 80-х годах реализма подчеркивали значение русской литературы и ставили ее в пример.

После того как в 1883 г. был опубликован первый перевод из Толстого, интерес к писателю в Хорватии не иссякал.[87] На хорватский язык произведения Толстого переводили крупные литераторы — М. Шрепель (1862—1905), А. Харамбашич (1861—1911), А. Андрич (1867—1942), И. Великанович (1869—1940) и др. Много переводов с русского печатал загребский журнал «Виенац» («Венок»), который напечатал ряд рассказов Толстого и статей о нем.[88] Первая крупная работа о Толстом в Хорватии вышла в 1894 г.: критик М. Шрепель, опираясь на русские статьи о писателе, на работу о нем немецкого слависта Лёвенфельда, создал яркий портрет Толстого.[89]

Не раз обращался к произведениям Толстого М. Цихлар Нехаев (1880—1931), отличный знаток европейских литератур. «Россия и славянство должны гордиться тем, что породили такого гения на славу себе и всему человечеству», — писалось в юбилейной статье по случаю восьмидесятилетия Толстого в газете «Народне новине»[90] («Национальная газета»).

Однако толстовская проповедь непротивления злу насилием имела в Хорватии еще меньшее число сторонников, чем в Сербии. Писатель и политический деятель А. Тресич Павчич выразил отношение к позиции Толстого демократических деятелей национального движения следующими словами: «Пусть приедет на нашу несчастную родину великий Толстой, пусть увидит, вправе ли мы, верные сыны бывшей хорватской отчизны, видя, что с ней происходит, ждать, скрестив руки на груди, когда любовь ее спасет; пусть он увидит, смеем ли мы во имя

---

[87] Бадалич Й. Л. Н. Толстой в Хорватии. — В кн.: Бадалич Й. Русские писатели в Югославии. М., 1966, с. 227—281.

[88] Ровнякова Л. И. Журнал «Виенац» (1869—1903) и распространение русской литературы в Хорватии. — В кн.: Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975, с. 157—189.

[89] Šrepel M. Ruski pripovjedači. Zagreb, 1894, s. 249—314.

[90] Цит. по: Бадалич Й. Русские писатели в Югославии.., с. 241.

возвышенной космополитической любви дать погибнуть нескольким миллионам хорватов».[91]

Искреннее желание понять, на чем основывал Толстой свою пассивную философию, проявила М. Богданович, задаваясь в уже цитированном нами письме к Маковицкому (см. ч. I, гл. 4) вопросом, не оставил ли писатель каких-либо «дополнительных» разъяснений? Много лет спустя М. Богданович издала книгу о Толстом, которую современный исследователь назвал «исчерпывающей», «по глубине и охвату занимающей особое место не только в хорватской литературе о Толстом».[92] Монография Богданович, написанная с великим пиететом к писателю, показывает, что критик так и не смогла смириться с противоречивой концепцией Толстого.[93]

М. Богданович в 1910 г. приехала в Россию и побывала в Ясной Поляне вместе со своим соотечественником М. Грбой. Их привез к Толстому тульский корреспондент газеты «Русское слово». Маковицкий в своих записках обрисовал ее облик с большой симпатией: «Сегодня были (14 июля. — *И. П.*)...сербы — доктор философии Милица Богдановичева, учительница из Загреба, с ее другом Милованом Грбой, гимназическим учителем. Богдановичева очень интеллигентная, хорошо умеющая выражать свои мысли, приветливая девица, с глубоким почитанием и любовью, благодарностью к Л. Н., русскому народу... Л. Н. говорил с ними внимательно и довольно долго».[94] Маковицкий назвал их «сербами», скорее всего машинально.

Одним из ярких проявлений любви к русскому писателю было сооружение ему памятника на хорватском острове Брач в местечке Сельцы на Адриатике в 1913 г., т. е. тогда, когда в России памятника Толстому еще не было. В 1911 г. русофилы местечка, а их было немало, заложили парк и присвоили ему имя Толстого. Преодолевая сильное сопротивление властей, усматривавших в закладке памятника русскому писателю антиавстрийскую демонстрацию, общественность местечка обратилась в общинное управление со следующим письмом:

«Уважаемому Общинному управлению в Сельцах для Славного Совета

Так как нижеподписавшимся стало известно, что по какой-то договоренности административных органов в новосозданном и только что открытом Парке Толстого вместо предполагавшегося бюста славянского титана, чьим именем назван парк, положено

[91] Цит. по: Flaker A. Lav Tolstoj i aneksija BH. — Republjika, god. XVI, 1960, br. 11—12.

[92] Бадалич Й. Русские писатели в Югославии.., с. 242.

[93] Богдановић М. Лав Толстоj. Загреб, 1927.

[94] Литературное наследство, т. 90, кн. IV, с. 300.

установить бюст славянского мецената Штроссмайера с одновременным переименованием парка, то нижеподписавшиеся от своего имени и от имени своих единомышленников обращаются этим письмом к Славному Совету с нижайшей просьбой: воспрепятствовать изложенному выше намерению и сохранить в силе высказанное ранее предложение, для которого все подготовлено, и в ближайшее время водрузить на постамент бюст Толстого, который давно готов. Мы просим по возможности сделать это в первый день наступающего Нового года!

Причины, подвигшие нас на этот шаг, двоякого характера: идеологического и материального. Сейчас мы не будем их подробно излагать, отложив это до дня открытия памятника, когда они будут публично и детально освещены; в данном случае мы только подчеркнем, что и Штроссмайер, и Толстой — наши духовные богатыри, которым дивится славянский и весь просвещенный мир, но лишь с той разницей, что первый уже давно завоевал широкую популярность и его имя нынче в той или иной связи упоминается в каждом городе и каждом населенном пункте славянского мира, а второй великан, граф Лев Николаевич Толстой, гений которого, по свидетельству всего культурного мира, содержит в себе все, что дало и что могло дать славянство образованному человечеству, тем не менее обрел популярность прежде всего среди иноплеменников, а уж только потом среди славян, что для нас весьма прискорбно! Славный Совет, таким образом, исполнил бы великий патриотический и культурный долг, которым обрадовал бы всех наших многочисленных славянских братьев, если б одним из первых отдал дань уважения памяти этого бессмертного колосса, имя которого с почтением произносят народы всего света и чьи бессмертные шедевры составляют сокровищницу человечества.

С материальной точки зрения мы только заметим следующее: к чему нашему небольшому по численности населения городку тратить несколько сотен крон для приобретения нового бюста, когда мы почти задаром обладаем скульптурным портретом Толстого? Мы хорошо осведомлены, что наше общинное хозяйство имеет много более неотложных нужд, для покрытия расходов на которые можно было бы использовать средства, намечаемые для нового памятника.

Мы льстим себя надеждой, что предложение, о

котором здесь говорилось, найдет в вашем лице, многоуважаемые господа, ту решительную поддержку, которой оно заслуживает. Об этом мы просим вас, взывая к вашим славянским чувствам, вашей славянской гордости, вашей дальновидности и отзывчивости. Уверенные в том, что вашим мужественным решением дело об установлении памятника Толстому будет доведено до конца в кратчайший срок, мы, с нашей стороны, обещаем вам, господа, всяческую моральную поддержку, восклицая: „Честь и слава бессмертной памяти графа Льва Николаевича Толстого!!!".

Сельцы 27.XII.1913 г.
Юрай Штамбук, юрист,
В. М. Врсалович, юрист».[95]

Открытие памятника в Сельцах явилось проявлением любви и благодарности к художнику, чьи произведения поднимали высокие нравственные идеалы, признанием облагораживающей роли русской литературы, ее мирового значения. Памятник Толстому на острове Брач стал олицетворением духовного единства разных славянских народов: в борьбе за его воздвижение принял активное участие выдающийся словацкий писатель М. Кукучин (настоящая фамилия М. Бенцур), врач, много работавший в Хорватии и исполнявший как раз в эти годы обязанности общинного врача в Сельцах. Бюст Толстого, который был водружен на высокую стелу, изваял в местной каменоломне чешский скульптор Я. Барда. Вдохновенно сказал о памятнике Толстому хорватский ученый И. Бадалич, первым написавший о его сооружении: «Патриархально-величественная фигура яснополянского мудреца утвердилась на нашей западной границе, на крайней точке, до которой дошло славянство с далекого Востока на Запад. И так же, как Гргур Нинский Мештровича поднялся на самой западной границе нашей суши, оберегая от посягательств славянскую речь, так еще дальше на западе, в хорватском местечке Сельцы, на Браче, одном из самых больших островов югославского побережья Адриатики, встал Л. Н. Толстой, изваянный чешским скульптором Бардой, как величайший символ творческого славянского гения».[96]

---

[95] Цит. по: Бадалич Й. Русские писатели в Югославии.., с. 269—270.
[96] Там же, с. 272.

8 Заказ № 287

Глава 4

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО У ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ

Когда молодой ученый А. Н. Пыпин впервые приехал в 1858 г. в Прагу, он был поражен скудостью и случайностью познаний чехов о России и русской культуре. «Нет сомнения, что к нам питают большую симпатию, любят нас, — сообщал он после своего двухмесячного пребывания в Праге, — но знают нас очень мало. Русская литература представляется почти одной „Русской беседой", знают Тургенева, Гоголя, немножко Лермонтова, отчасти Пушкина и только; о новом понятия не имеют... вместо порядочных людей переводят Булгарина и подобную сволочь. Я сколько было возможности указал им хорошие вещи, для некоторых просто составил списки того, что следует переводить...»[1] Пыпин взялся за перо и написал дельные статьи о русской литературе для «Часописа ческего музея». В отличие от славянофила К. Аксакова, считавшего, что современная русская литература не представляет интереса,[2] Пыпин, один из редакторов «Современника», подчеркивал большие успехи русской литературы последнего времени. Его статьи сыграли важную роль в ознакомлении чешской общественности с русской литературой и активизации переводов с русского.

Начиная с 1858 г., когда на чешском языке вышла повесть «Альберт», Толстого в Чехии переводили довольно регулярно. Уже в начале 80-х годов в Праге был напечатан роман Толстого «Анна Каренина»[3] — перевод, который так же, как и чешский перевод «Войны и мира» (1873), на несколько лет опередил другие зарубежные издания романов Толстого.[4]

С 1887 г. приступает к изданию собраний сочинений Толстого солидное пражское издательство Ф. Шимачека. В 1888 г. крупный пражский книгоиздатель Я. Отто, учитывая возросший спрос на русские книги, начинает издавать «Русскую библиотеку», которая открывалась новым чешским «Собранием сочинений Толстого».[5]

В эти годы в чешской литературе наступает тот сдвиг, о котором мечтал поэт Я. Неруда, убеждавший своих соотечественников выйти за пределы узкопатриотических тем и тради-

---

[1] Письмо А. Н. Пыпина к В. И. Ламанскому от 29 (17) янв. 1859 г. (В кн.: Документы к истории славяноведения в России. М., 1948, с. 24—25).

[2] Русская беседа, 1857, кн. I, «Обозрение», с. 38.

[3] Tolstoj L. N. Anna Karenina. — České noviny, 1881, roč. XII, č. 157—308; Tolstoj L. N. Anna Karenina. Praha, 1881.

[4] Вспомним, что на французском языке роман «Война и мир» появился в 1879 г., «Анна Каренина», так же, как и на немецком, — в 1885 г.

[5] Подробную хронологию переводов Толстого на чешский язык см.: Dolanský J. Mistři ruského realismu u nás. Praha, 1960.

ций, меньше умиляться по поводу всего чешского, за что консервативная критика во главе с Я. Малым обвиняла его в космополитизме. Пришло время более интенсивного приобщения чешского общества к европейской литературе. Наряду с русским романом в Чехию проникают произведения французского натурализма, становится известным творчество Э. Золя. Борьба за новую ориентацию чешской литературы, за новые формы и идеи выливалась в дискуссии о натурализме и реализме, которые велись с начала 80-х годов. Передовая чешская критика выступает против произведений поверхностных, идеализирующих национальную жизнь; она стремится к разграничению реализма и натурализма, сопоставляет французский реализм с русским и выявляет их принципиальное различие.

Первая попытка создания эстетики чешского реализма принадлежала О. Гостинскому. В работе «О художественном реализме» (1890) он высказал мысль о том, что натурализм есть одно из ответвлений реализма, опирающееся в объяснении человеческой натуры на естественные науки. Таким образом, Гостинский различал две разновидности реализма — натуралистическую и гуманистическую, которые, по его мнению, соответственно представлены двумя типами творчества — творчеством Золя и Толстого.

Среди тех, кто в 80-х годах обратился к произведениям Льва Толстого, был профессор Пражского университета Т. Г. Масарик. «На своих чтениях и в семинарии, — писал филолог И. Поливка Ламанскому, — он постоянно указывает на русскую литературу, главным образом на Льва Толстого и Достоевского».[6] Масарику же принадлежала первая в Чехии статья о Толстом, напечатанная в 1885 г.[7] Автор касался в ней прежде всего философских воззрений Толстого, изложенных в трактате «В чем моя вера?».

Профессор Пражского университета Я. Голл в журнале «Люмир» тоже выступает с разбором философских воззрений Толстого.[8]

Ряд работ о Толстом переводится с русского языка. Большое впечатление в Чехии произвели статьи о русской литературе француза Э. М. де Вогюэ, которые он печатал сначала в журналах, а затем, в 1886 г., издал отдельной книгой.[9] В ней он ставил Толстого выше всех современных европейских писателей. Авторы многих чешских статей о Толстом ссылались на книгу Вогюэ как на авторитетное исследование.

---

[6] Письмо И. Поливки к В. И. Ламанскому от 1 (13) фев. 1891 г. (В кн.: Документы к истории славяноведения в России. М., 1948, с. 148).

[7] Masaryk Th. G. Ma Religion. Paris, 1885. — Atheneum, roč. II. 1885, březen.

[8] Goll J. Lev Tolstoj a jeho náboženství. — Lumír, 1866.

[9] Vogüé E. M. de. Le roman Russ. Paris, 1886; 1888.

Чешские издательства соперничали между собой, стараясь превзойти друг друга в оперативности, а также в добротности и красочности оформления толстовских книг. Пражский издатель Йозеф Р. Вилимек писал Толстому по-русски:

«Прага, 2 января 1899 г.

Словущий государь

Прошу извинить, что обращаюсь к Вам с просьбой. Из газет я получил известие о новом сочинении Вашем «Воскресение», которое бы с удовольствием печатал на языке чешском. Вот почему я, словущий государь, прошу от Вас разрешения на перевод и издание этого романа.

Уверяю Вас, словущий государь, что народ чешский в восторге от сочинений Ваших, большинство из которых переведено на язык наш, и всякое сочинение внимательно следует (т. е. следит за выходом каждого сочинения. — *И. П.*) публика наша и наши гости. Надеюсь, что нравственный клад, который, вероятно, заключен и в новом сочинении, Вы не откажете сделать доступным и для братского народа чешского.

Заведение мое принадлежит к разряду первых чешских книгоиздательств, и я имею возможность подготовить сочинение Ваше с большим старанием.

В случае получения Вашего разрешения я желал бы издать перевод одновременно с подлинником. Если Вы, словущий государь, найдете возможным мое намерение одобрить, я просил бы типографию, печатающую Ваше сочинение, выслать мне щетковые отпечатки отдельных листов, чтобы чешское издание равномерно выходило с русским.

Прошу, словущий государь, не отказать и, благодаря Вас от имени всего чешского народа, прошу скорого ответа. Примите, словущий государь, уверения в моем искреннем уважении.

Йозеф Р. Вилимек».[10]

Произведения Толстого поражали чешских издателей не только своей правдивостью, жизненной силой, но и своеобразием. Русские судьбы, русские характеры, особая, с точки зрения европейцев, логика поведения — за всем этим стояло могущество духа, нравственная цельность русского человека, и это русское начало отлично чувствовали и высоко ценили в Чехии. Чешская Академия наук избирает Толстого своим членом. Из

---

[10] ОР ГМТ, Т. С. 244.

списков кандидатов имя гениального русского писателя вычеркивает сам эрцгерцог Фердинанд — патрон Академии...

Отношение к Толстому в Чехии, как и в остальных славянских странах, было неодинаково. «Толстой — великий поэт и художник-психолог, создатель крупнейшего романа-эпопеи XIX в. «Войны и мира», — достиг... творческой силы и величия, какие лишь изредка даруются простым смертным», — писал один из самых авторитетных чешских критиков Ф. К. Шальда в статье, посвященной 80-летию Толстого.[11] «Гениальный художник в последнюю пору своей деятельности вступил на чуждое ему поприще, низойдя до уровня зауряднейшего, но самонадеянного дилетанта от богословия и путаного эклектика в философии»,—возмущался русофил А. Врзал.[12] Единодушия не было даже в оценке одних и тех же произведений. Особенно долго велись споры вокруг «Крейцеровой сонаты», которой «интересовался весь образованный мир» и которая в Чехии многих «задела за живое», как писал В. Мрштик.[13] В Праге «Крейцерову сонату» Толстого опубликовал «Часопис покрокового студентства» («Журнал прогрессивного студенчества») (1890), который редактировал А. Гайн, активный деятель прогрессивного молодежного движения «Омладина». Редакция журнала приступила к изданию серии «Образовательная библиотека», стремясь представить в ней лучших авторов тогдашней европейской литературы: Флобера, Бьёрнсона, Достоевского, Золя, Мопассана, Гамсуна, Бебеля и др. Полиция весьма косо смотрела на издательскую деятельность студентов. Их самым смелым шагом было издание первой книги «Библиотеки» — «Крейцеровой сонаты» Толстого.

В 1896 г. цензура снимает с этнографической выставки в Праге витрину с портретами авторов, чьи произведения вышли в «Образовательной библиотеке», в том числе и портрет Толстого.

«Ваш роман „Крейцерова соната", — на ломаном русском языке писал Толстому от имени чешской молодежи переводчик А. Гайн, — действовал на нас таким глубоким впечатлением, мы согласны с ним в так многом, что мы решили выдать его по-чешски».[14]

---

[11] Šalda F. X. Kritické projevy. Praha, 1953, s. 227.

[12] Stín A. G. Historie literatury ruské XIX. století. Velké Meziříčí, 1898, s. 333 (Стин — псевдоним А. Врзала).

[13] Mrštík V. Studentstvo a literatura. — Národní listy, 1891. Цит. по: Mrštík V. Moje sny. Praha, 1902, s. 635.

[14] Письмо А. Гайна к Л. Н. Толстому от 7 мая 1890 г. (ОР ГМТ, Кр. сон. № 17). Перевод был сделан с русского берлинского издания, поскольку в России на «Крейцерову сонату» в 1890 г. было наложено цензурное запрещение и лишь в 1891 г. Александр III разрешил ее напечатать в Собрании сочинений Толстого. В Берлине же в 1890 г. вышло сразу восемь изданий «Крейцеровой сонаты» — два на русском и шесть на немецком языке.

23 апреля 1890 г. видный поэт, революционный демократ Й. В. Фрич записывает у себя в дневнике: «Читал „Крейцерову сонату" Толстого и от ярости несколько раз швырял ее на пол».[15] «Неисправимый романтик» Фрич, который «и в старости хотел видеть женщину воплощением всего поэтического»,[16] прочитав «Крейцерову сонату», садится за статью. Его статья вышла 30 мая 1890 г. в газете «Народни листы» как рецензия на первый выпуск «Образовательной библиотеки». Фрич резко осудил редакцию за издание книги Толстого. Отношение последнего к любви, к семье казалось Фричу кощунственным. Подобные книги — источник «болезненных настроений» среди молодежи, утверждал он. Своим осуждением «Крейцеровой сонаты» Фрич, по воспоминаниям Шальды, «нажил себе врагов из числа молодых людей, прежде относившихся к нему с симпатией».[17] Разгорелась полемика. 1 сентября в журнале «Литерарни листы» выступил со статьей Г. Г. Шауэр, защищавший право автора «Крейцеровой сонаты» на вторжение в интимную сферу и отметивший в повести «абсолютное соответствие развития идеи движению сюжета».[18] В поддержку студенческого начинания горячо выступил и В. Мрштик.

Тем временем весь тираж «Крейцеровой сонаты» был конфискован пражскими властями, хотя в любом книжном магазине в Праге можно было купить не одно берлинское издание на русском и немецком языках. В том же году в переводе А. Гайна приложением к «Часопису покрокового студентства» вышло «Послесловие к „Крейцеровой сонате"», а в 1891 г. студенты выпускают книгу «Лев Толстой и Элиза Бернс. Об отношениях между полами». Но цензурный запрет с «Крейцеровой сонаты» был снят лишь в конце 900-х годов.

Много для объяснения творчества Толстого в Чехии сделала литературная молодежь конца прошлого века, в частности такие крупные представители чешской критики, как В. Мрштик и Ф. К. Шальда. К ним примыкали рано умерший Г. Г. Шауэр и Я. Гербен.

Наибольшей приверженностью к русскому искусству отличался В. Мрштик, вошедший в историю чешской литературной критики прежде всего как один из блестящих интерпретаторов русского реализма.[19] Особый интерес вызвала у Мрштика, почитателя французских натуралистов, пьеса Л. Н. Толстого

---

[15] F r i č J. V. Paměti. III. Praha, 1963, s. 441.

[16] Š a l d a F. X. Op. cit., s. 286.

[17] Ibid., s. 288.

[18] S c h a u e r H. G. Kreutzerova sonáta. — Literární listy, roč. XI, 1890, č. 17—18, s. 286.

[19] Чехословацкий исследователь Р. Паролек посвятил связям В. Мрштика с русским реализмом специальное исследование (P a r o l e k R. V. Mrštík a ruská literatura. Praha, 1964).

«Власть тьмы», как ему казалось, приближающаяся, по методу, к произведениям Золя.

Познакомившись с «Властью тьмы»,[20] Мрштик тут же принимается за ее перевод. Пьеса в его переводе печаталась на протяжении всего 1887 г. в «Ческой талии». «Грандиозная драма Толстого „Власть тьмы", — писал Мрштик, — самое великое и глубокое произведение драматургии XIX в.».[21] В статье «Граф Лев Толстой и его „Власть тьмы"»[22] критик, горячо рекомендуя пьесу читателям и театрам, сообщал о восторженном отзыве Золя о пьесе Толстого после ее триумфа в Свободном театре А. Антуана.[23] В ряде других статей по поводу пьесы В. Мрштик, отмечая, наряду со следами натурализма, верность Толстого лучшим традициям русской реалистической драматургии, подчеркивал «беспощадную правду»[24] «Власти тьмы» и утверждал, что Толстой возвестил в ней наступление новой эры в драматургии.

Другие критики были сдержаннее. «Беспощадная правда» отдельных сцен (например, убийство ребенка) как раз больше всего и смущала чешскую театральную цензуру и некоторых видных литературных критиков. А. Врзал в своей «Истории руской литературы XIX века» (1898) с возмущением замечал: «Подробности, с которыми автор выписывает тягостную сцену сию, противоречат самому понятию художественности. Циничные подробности, связанные с убийством ребенка, противоречат всем эстетическим традициям и причиняют зрителю напрасные муки».[25] Еще за десять лет до этого Мрштик, как бы предвосхищая упрек Врзала, справедливо указывал: «...в силу того, что правда здесь полностью соблюдена, оснований сетовать — дескать, в этой сцене автор преступил границы искусства, дескать, заходить так далеко все же не следовало — нет никаких. Можно идти и еще дальше, только автор должен завоевать право на такое искусство».[26]

«История, в которой Толстой увидел материал для гениального своего произведения, — утверждал В. Мрштик, — могла произойти в любом уголке нашей провинции: такой бабник, как ветреный Никита, найдется в любой деревне».[27] «То, что показано здесь Толстым, — парирует А. Врзал, — нетипично и

---

[20] Р. Паролек считает, что Мрштик, возможно, располагал одним из рукописных вариантов пьесы (Parolek R. Op. cit., s. 46).

[21] Mrštík V. Ze tři nejšťastnějších. — Ruch, 1888, s. 288.

[22] Mrštík V. Hrabě Lev Tolstoj a jeho «Vláda tmy». — Česká Thalie, 1888.

[23] Пражский Национальный театр осуществил постановку пьесы Толстого лишь осенью 1900 г.

[24] Mrštík V. O naturalismu v literatuře. — Hlas národa, roč. XII, 1888.

[25] Stín A. G. Historie literatury ruské XIX. století.., s. 897.

[26] Mrštík V. Hrabě Lev Tolstoj a jeho «Vláda tmy». — Česká Thalie, 1888, s. 574.

[27] Ibid., s. 574.

нехарактерно для жизни деревни, где подобные драмы являются все же исключением».[28]

Это разительное расхождение в оценках — следствие тех споров, которые велись тогда в чешской критике вокруг реалистических пьес отечественной драматургии, складывавшейся в значительной мере под влиянием русского реализма — вокруг «Хозяйского рубища» и «Ее падчерицы» Г. Прейссовой, «Мариши» братьев А. и В. Мрштиков, пьес Л. Строупежницкого, А. Ирасека и других драматургов, прокладывавших путь реалистической драме «из народного быта» — драме, содержавшей зачастую не менее «беспощадные» сцены, чем «Власть тьмы» Толстого.

Не случайно поэтому Г. Прейссову, так же как и братьев Мрштиков, упрекали в подражании Толстому. Защищаясь от этих упреков, Прейссова писала: «Я не столь нескромна, чтобы ученичество у великого Толстого считать компрометирующим... Но „Власть тьмы", покарай меня бог, я и не читала и не видела. Материал для своей драмы (имеется в виду пьеса „Ее падчерица", написанная в 1890 г. — *И. П.*) я взяла из жизни, приподняв его, как того требует долг повествователя. Моя пьеса показывает самое укоренившееся и наиболее распространенное, что я нашла в народе, что разъедает его душу и тело. Она не так приятна для зрителя, как, например, „Хозяйское рубище", но глубже, драматичнее. Разумеется, писала я ее не для детей и не для тех, кто ходит в театр ради одного развлечения и не задумывается над жизнью...».[29]

Гораздо единодушнее оказалась чешская критика в оценке романа Толстого «Анна Каренина». Это произведение оставило в чешской культуре глубокий след. Даже символист О. Бржезина, творческие принципы которого были далеки от толстовских, и не раз высказывавший свое неприятие взглядов русского моралиста,[30] находил, что «Анна Каренина» — «книга особенная, многозначительная, сильная, глубокая, это великая драма человеческой жизни, от нее пышет одурманивающим жаром гения».[31] В историю чешского театра вошло несколько инсценировок романа. Композитор Л. Яначек, не раз вдохновлявшийся русскими сюжетами, в 1907 г. начал писать оперу по роману «Анна Каренина», оставшуюся незавершенной.

Среди чешских работ, написанных о романе, следует отме-

---

[28] Stin A. G. Op. cit., s. 897.

[29] Письмо Г. Прейссовой к Мрштикам (Československá rusistika, 1960, č. 4, s. 239).

[30] См., например, письмо О. Бржезины к А. Паммровой от 10 мая 1893 г. (Václavek B. Český listář. Praha, 1949, s. 403).

[31] Цит. по: Pfaff T., Závodský A. Tradice česko-ruských vztahů v dějinách. Praha, 1956, s. 226.

тить статью Г. Г. Шауэра,[32] а также пространную и не лишенную остроумия «литературную causerie» А. Шульцовой (критика, выступавшего в журналах «Кветы», «Злата Прага»). Роман Толстого на время отвлек Шульцову от западной литературы, предмета ее постоянных занятий. Цель своего исследования, которое под названием «Госпожа Бовари и Анна Каренина» печаталось в 1903 г. в нескольких номерах журнала «Кветы»,[33] Шульцова видела в «сравнении героини выдающегося романа Толстого... с госпожой Бовари у Флобера».[34] Часть causerie Шульцова, по примеру драматурга Х. Д. Граббе, заставившего встретиться двух героев мировой литературы в своей пьесе «Дон-Жуан и Фауст», строит в виде вымышленной переписки между Анной Карениной и Эммой Бовари. По воле критика корреспондентки делятся друг с другом своими мыслями и переживаниями, и в их письмах отчетливо проявляются те черты, которые, несмотря на внешнюю схожесть судеб, отличают одну от другой. Анна встает из этих строк как человек цельный, самоотверженный, вступающий в борьбу с условностями, царящими в обществе. Она оказывается на голову выше Эммы. Таков вывод Шульцовой. Критик подчеркивает глубокую связь Толстого со своим народом, видит в нем гениального русского художника-новатора. «Толстой порвал путы, связывавшие его с прошлым, порвал узы чужеземных влияний, — утверждает она вслед за Вогюэ, — и стал у себя на родине тончайшим интерпретатором всех интеллектуальных движений, воплотителем всех отечественных чувств и мыслей, которые он взором поэта-прорицателя зачастую различал в едва заметных всходах. В своих творениях он придал им законченный вид, форму и осознанное выражение. В его произведениях живет душа новой России со всеми ее мечтами и идеалами, со всеми ее проблемами и загадками, с ее страстным стремлением найти собственный путь, который вывел бы ее из хаоса нравственных, социальных и религиозных вопросов...».[35] Заканчивая статью, Шульцова восклицает: «„Анна Каренина" — подлинная эпопея современной литературы, один из редчайших даров, полученных человечеством из рук гениев! Но не только „Анна Каренина", все остальные творения Толстого — настоящий духовный хлеб, которым великий мыслитель из Ясной Поляны насыщает тысячи и тысячи алчущих!».[36]

90-е годы явились своего рода рубежом в восприятии чехами Толстого: образ писателя окончательно раздвоился в сознании читателя на Толстого-художника и Толстого-философа,

---

[32] Schauer H. G. Díla Lva Tolstého. Anna Karenina. — Literární listy, 1891.
[33] Schulcová A. Paní Bovaryová a Anna Karenina. — Květy, 1903.
[34] Ibid., s. 353.
[35] Ibid., s. 343.
[36] Ibid., s. 357.

между которыми, как правило, не усматривалось никакой связи. «Не противься злу — нет, в этом я за Толстым не иду, — решительно заявляет сражавшийся за Толстого-художника В. Мрштик, — Толстой ошибается. . .».[37]

Чтобы лучше понять Толстого как художника и идеолога, его стремились расчленить, пытались втиснуть его, необъятного и противоречивого, в привычные рамки, в понятные схемы. Представление о Толстом искажалось и запутывалось, возникали легенды.

Вызовом, брошенным создателям этих легенд, явилась статья молодого ученого З. Неедлы, написанная по личным впечатлениям. В 1900 г. Неедлы впервые посетил Толстого в Ясной Поляне, этом «Новом Иерусалиме», как он ее назвал. Посещение могилы Достоевского и разговор с творцом «Войны и мира» были его «самыми сильными впечатлениями от России».[38] Еще перед поездкой в «Новый Иерусалим» рациональная натура молодого ученого заранее восставала против канонизации Толстого. По дороге он расспрашивал о Толстом мужиков и убедился, что простой народ далек от идей непротивления злу.

На основании личных наблюдений и разговора с писателем Неедлы пришел к выводу, что Толстой сам — «не толстовец», что не в непротивленчестве, о котором так много говорят, заключаются заслуги писателя-реалиста.

Как и других зарубежных славян, его несколько задело прохладное отношение Толстого к национально-освободительной борьбе славянских народов, в том числе и чехов. Неедлы объяснил эту индифферентность тем, что великий писатель, как показалось гостю, оторван от конкретных проблем политики и культуры, живет в кругу собственных идей — они словно бы уже не удовлетворяют его самого, но он силится в них уверовать. В полемическом запале Неедлы восклицает: «Толстой как художник мертв!»[39] Разумеется, это было не так. В конце 90-х — начале 900-х годов русским писателем были созданы такие шедевры, как «Хаджи Мурат», «Воскресение», «Живой труп», «После бала», «Ходынка» и другие произведения. Несмотря на преклонный возраст и ухудшающееся здоровье, писатель интенсивно работал. Его авторитет в мире продолжал расти.

Статья Неедлы вызвала в Чехии резкую ответную реакцию.[40] Тем не менее его статья оказалась отрезвляющей для тех, кто видел в Толстом новоявленного пророка. И если в ней

---

[37] Письмо В. Мрштика к Браунеровой от 5 авг. 1897 г. (Parolek R. Op. cit., s. 44).

[38] Nejedlý Z. V Jasné Poljaně. — In: Nejedlý Z. Boje o nové Rusko. Praha, 1950, s. 23.

[39] Ibid., s. 25.

[40] Dolanský J. Op. cit.

и были передержки и необоснованные упреки в адрес Толстого, то объяснялись они той тенденциозной односторонностью, с какой подходили к Толстому некоторые круги, стремясь использовать в своих целях слабые стороны мировоззрения авторитетного русского писателя.

Выступления чешских газет и журналов в 1910 г. в связи с кончиной писателя интересны тем, что столкнувшиеся в них взгляды на Толстого отчетливо выявили различие политических и социальных симпатий отдельных группировок. Наиболее верную, объективную оценку Толстого высказала чешская социал-демократическая печать.[41]

Внимание к Толстому не ослабевало и позднее. Для тех, кто приобщался к духовной жизни на рубеже XIX—XX вв., мир без Толстого уже не существовал. Об этом хорошо сказал французский литератор В. Познер: «Не могу себе представить писателя, который не был бы в какой-то мере под влиянием Толстого. Собственно говоря, речь идет даже не о влиянии. Как невозможно считать физику после Ньютона такой же, какой она была до него (то же самое относится и к физике до и после Эйнштейна), — так же нельзя изучать природу человека, что является главным предметом литературы, не принимая во внимание Толстого».[42]

Значительную дань русскому писателю отдали в своем творчестве А. Ирасек, А. Сташек, Й. Голечек, Я. Лайхтер, В. Дык. Толстому посвятили свои стихи А. Сова, Я. Врхлицкий, А. Гейдук, Ф. Таборский, Ф. Шрамек, А. Клаштерский, Й. С. Махар и другие чешские поэты. Первой статьей по русской литературе, которую написал совсем молодой К. Чапек, была статья о Толстом в связи с его восьмидесятилетием.[43]

Все чешские писатели, вступавшие на литературное поприще в начале века, проходили школу Толстого. Но уроки русского писателя сказались значительно позднее. Увлечение Толстым носило разносторонний характер. Крупный чешский поэт, критик, общественный деятель С. К. Нейман, тогда увлекавшийся анархизмом, печатает в своем издании начала века «Библиотечка анархиста» брошюру об анархизме Л. Н. Толстого, сам переводя ее с немецкого за подписью «Брутус» — псевдоним, которым пользовался С. К. Нейман с 1901 по 1904 г.[44] Кстати, Толстого находили близким к анархизму и в Болгарии[45] и во многих других странах Европы.

---

[41] См. обзоры: Herman K. K ohlasu Tolstého úmrtí v českém tisku. — Československá rusistika, 1960, č. 4, s. 242; Herman K. Neznámý český hlas o Tolstém z konce století. — Slovanský přehled, 1960, č. 4.

[42] Литературное наследство, т. 75. Л. Н. Толстой и зарубежный мир. Кн. I—II. М., 1965, кн. I, с. 48.

[43] Čapek K., Čapek J. Veliký stařec. — Snaha, 1908, č. 15.

[44] T. F. C. L. Tolstoj a anarchismus. Praha, 1903.

[45] Элцбахер П. Анархизмътъ на Толстоя. — Възраждане, 1907, кн. 2, с. 95—105; кн. 3, с. 171—175 (есть в Ясной Поляне).

Так же, как из югославянских земель, из Чехии приезжало к Толстому немало общественных и культурных деятелей. Многие оставили воспоминания о встречах с Толстым. Среди них— политики Т. Г. Масарик, К. Крамарж, ученый З. Нееды, педагог К. Велеминский.

Карел Велеминский (1880—1937) был прилежным переводчиком произведений Толстого, почитателем и распространителем его педагогических идей, долго переписывавшийся с Маковицким. Иван Ольбрахт, учившийся с Велеминским в университете в Берлине, так отзывался о нем в письме к отцу: «Его занимает только одно — наука... Ночи напролет он штудирует, а кроме того, часто пишет статьи в журналы „Час" („Эпоха") и „Нова доба" („Новое время").[46] Усердно занимается также переводами с русского. Недавно перевел новейший труд Толстого „Рабство нашего времени", но случилась беда — книгу в Австрии конфисковали».[47]

Прилежание Велеминского было беспримерным. Он перевел огромное количество произведений Толстого, в том числе для издания на чешском языке «Круга чтения» (1906). Переводы, сделанные Велеминским, А. Шкарван, знаток многих языков, назвал «превосходными».[48]

После смерти Толстого Велеминский издал обширный труд о системе педагогических взглядов писателя, материалы для которого собирал в свой второй приезд в Россию в 1910 г. Книга вышла в Праге в 1912 г. Маковицкий горячо рекомендовал И. И. Горбунову-Посадову перевести ее и опубликовать хотя бы в отрывках в журнале «Свободное воспитание».

Брошюра К. Велеминского «У Толстого», вышедшая в Праге в 1908 г., рассказывает о его первом приезде в Россию и посещении Толстого в августе 1907 г.[49] Тогда Велеминский неделю гостил в Ясенках у Чертковых, проводя дни в Ясной Поляне.

В книге Велеминского, посвященной его давнему другу Д.Маковицкому, обращается внимание прежде всего на высказывания Толстого о чехах, их истории и культуре. Мы знакомимся с высокой оценкой Общины чешских братьев, которая, по мнению Толстого, «нравственно была выше всех остальных реформатских сект», он «жалел, что они растворились в протестантизме, который не идет с ними ни в какое сравнение».[50]

Толстой выразил желание, чтобы Велеминский перевел на чешский язык только что законченную писателем статью «Не убий никого», на что тот охотно согласился. Этико-религиозные

---

[46] Пражские журналы масариковского направления.

[47] Письмо И. Ольбрахта к А. Сташеку от 15 июня 1898 г. (Olbracht I. Z rodinné korespondence. Praha, 1966, s. 32).

[48] Открытка А. Шкарвана к Д. Маковицкому от 26 фев. 1906 г. (ОР ГМТ, фонд Д. Маковицкого).

[49] Velemínský K. U Tolstého. Praha, 1908.

[50] Ibid., s. 9.

взгляды Толстого Велеминский назвал «философией абсолютной доброты», а «Круг чтения», в котором писатель «яснее всего выразил то, что лежит у него на сердце», — вершиной его творчества. «Я пообещал ему прислать кое-какие сказки Немцовой для „Детского круга чтения". Он заметил, что имя Немцовой ему знакомо по русскому переводу „Бабушки".

Только в Ясной Поляне я осознал до конца истинное величие Толстого, и это самый большой результат моей поездки в Россию».[51]

Велеминский неоднократно беседовал с Л. Н. Толстым, С. А. Толстой, Д. П. Маковицким об истории создания некоторых крупных произведений Толстого, о его жизни, вкусах и привычках. В отличие от X. Досева Велеминский общался с женой писателя без предубеждений и создал в своих воспоминаниях один из прекраснейших ее словесных портретов.

Обширная переписка Велеминского с Маковицким проливает свет на многие обстоятельства переводов и печатания произведений Толстого в Чехии, помогает, так же как и воспоминания, уточнить некоторые моменты из жизни и взглядов писателя, круг его интересов.

К. Велеминский на всю жизнь остался верен тем чувствам почтения к великому художнику и восхищения им, которые он испытал в юности, способствовал переводу и изданию произведений Толстого в Чехии.

* *
*

Словацкая литература в конце XIX — начале XX в. переживала период бурного развития. Еще сравнительно недавно велись споры о том, каким должен быть словацкий литературный язык. В 40-х годах XIX в. издававшийся М. Гурбаном альманах «Нитра» первоначально выходил не на словацком, а на чешском языке, а уже в творчестве революционных романтиков Я. Краля и А. Сладковича словацкий литературный язык утвердился окончательно. Его развивали далее в своих произведениях реалисты — Светозар Гурбан Ваянский (1847—1916), с его идеализированными представлениями о Словакии, словацком народе и миротворческой, спасительной роли России в судьбе славян, и писатели, склонные к более критическому восприятию действительности. В 80—90-х годах в литературу входят Мартин Кукучин (Матей Бенцур, 1860—1928), Йозеф Грегор Тайовский (1874—1940), Ладислав Надаши-Еге (1866—1940), Янко Есенский (1874—1945), Божена Сланчикова-Тимрава (1867—1951) и многие другие писатели-реалисты.

Знакомство с русской литературой, переводы из Гоголя, Тургенева и других выдающихся русских реалистов, как и в других славянских литературах, явились существенным мо-

---

[51] Ibid., s. 10.

ментом в процессе становления реализма в Словакии. Первый перевод из Толстого появился там в 1876 г. в журнале «Орол» (рассказ «Набег»).[52] Через шесть лет вышли еще два перевода: «Чем люди живы» и «Метель».[53] Систематически Толстого начали переводить с конца 80-х годов.[54]

Первым, кто начал в Словакии писать о Толстом, был уже упомянутый С. Гурбан-Ваянский. Ближе ему по писательской манере был Тургенев, творчество которого больше соответствовало и представлению Ваянского о том, какова должна быть отечественная литература. В своих статьях, регулярно помещаемых в крупнейшем словацком журнале «Словенске погляды» и в газете «Народне новины», Ваянский, отдавая предпочтение Тургеневу, воздавал должное таланту Толстого, хотя многое в его творчестве принять так и не смог.[55] Критическое отношение Ваянского к Толстому обострилось на рубеже XIX—XX вв., когда выступления русского писателя стали особенно задевать русофильские чувства словацкого приверженца самодержавия. В 1881 г. Ваянский впервые приехал в Россию, где после этого он побывал еще семь раз. Впечатления первой поездки легли в основу воспоминаний Ваянского, которые критика называет «одним из лучших произведений о России в словацкой литературе прошлого столетия».[56]

В статье «Граф Л. Н. Толстой как художник и мудрец», напечатанной в русском журнале «Славянское обозрение», в котором Ваянский активно сотрудничал, он вспоминал о своей встрече в Москве осенью 1881 г. с В. И. Ламанским, близким другом его отца Мирослава Гурбана. Русский славист, пишет автор статьи, обратил его внимание «на такую вершину, как Толстой! „Великий художник"! — сказал он мне. Но мне не верилось! Можно ли быть великим после Тургенева, после Гончарова (я тогда как раз познакомился с романом „Обломов"), рядом с Достоевским (я тогда прочел как раз „Преступление и наказание") и при том в наши небогатые времена!»[57]

В 1883 г. в Мартине, где стараниями критика Й. Шкультеты

---

[52] Tolstoj L. N. Výprava do hôr / Prel. A. Truchlý. — Orol, 7, 1876, č. 2, s. 55—58; č. 3, s. 86—88; č. 5, s. 144—146; č. 5, s. 144—146; č. 7, s. 199—203; č. 10, s. 278—281.

[53] Tolstoj L. N. Čím lúdia žijú / Prel. Ivanov. — Národnie noviny, 14, 1883, č. 109, s. 2—3; č. 110, s. 1—3; č. 111, s. 2—3; č. 112, s. 2—3; Tolstoj L. N. Metel'. Poviedka / Prel. J. Škultéty. T. Sv. Martin, 1883, 44 s.

[54] Halaša P. Lev Nikolajevič Tolstoj: Personálna bibliografia. Martin, 1976.

[55] Ďurišin D. K náhl'adom S. Hurbana Vajanského na dielo a činnost' L. N. Tolstého. — In: Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku. Bratislava, 1960; Červeňák J. Sv. Hurban Vajanský a Lev Tolstoj. — Slavica slovaca, roč. 2, 1967, č. 2.

[56] Петрус П. Поездки Светозара Гурбана Ваянского в Россию. — В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения в конце XIX — начале XX века. М., 1968, с. 210.

[57] Цит. по: там же, с. 209.

и С. Гурбана-Ваянского издавались «Словенске погляды» («Словацкое обозрение»), побывал русский славист Т. Д. Флоринский, который в том же году прислал Ваянскому повесть Толстого «Метель». Вскоре Ваянский с радостью сообщал, что ее перевел Шкультеты. Однако присланный тогда же роман Толстого «Война и мир» на Ваянского должного впечатления не произвел. Он осторожно пишет об этом: «Прочел я 1-й том „Войны и мира". Мне кажется, что в нем поэзию заслонили исторические выкладки. Столь обширный предмет! Но судить пока рано!»[58] В письме от 23 марта 1884 г. Ваянский сообщает Флоринскому (письмо написано по-русски): «Толстого прочел: „Войну и мир" и „Анну Каренину". Большой художник!.. Зашто Л. Толст[ой] так враждебно относится к славянофилам в Анне Карениной?»[59] Через несколько строк причина, вернее одна из причин этой сдержанности, раскрывается: Ваянский понял расхождение Толстого со славянофилами во взглядах на освобождение славян. Но обижается Ваянский не за сербов, болгар, черногорцев, а за славянофилов, с которыми он полностью солидаризировался, связывая с царской Россией надежды на освобождение славянских народов. Тем не менее, посылая чешскому литературоведу Я. Влчеку свой роман «Сухие побеги», Ваянский сослался на Толстого как на пример «простоты» творчества и подчеркнул, что сам он пытался этому научиться у русского писателя. «Сначала на меня больше влиял Тургенев, — пишет Ваянский, — но тот уже выглядит театральным по сравнению со старым Львом. Впрочем, Толстому я не подражаю! — тут же спешит он добавить. — Не бойся. Все это увиденное и пережитое мною самим, и поступки и персонажи».[60] Между тем в ряде произведений Ваянского влияние Толстого довольно ощутимо. Мотивы толстовской «Метели» звучат в повести Ваянского «Бабье лето», портрет и характер Каренина угадывается в облике героя Ваянского Черношинского, персонифицированный дуб из романа «Война и мир» перекочевал в рассказ Ваянского «Весенний мороз».

В 80-х годах много переводит Толстого соратник Ваянского по издательским делам Йозеф Шкультеты (1853—1948), выдающийся словацкий журналист, издатель, ведущий литературный критик реалистического направления, тоже приверженец русской литературы, редактор выходивших в Мартине «Народных новин» (1881—1921) и «Словенских поглядов» (1890—1916). Шкультеты был более объективен, чем Ваянский, и шире смотрел на литературу. Редактируемый Шкультеты журнал «Словенске погляды» знакомил словацких читателей с произведени-

[58] Письмо к Т. Д. Флоринскому от 11 дек. 1883 г. (Korešpondencia Svetozára Hurbana Vajanského. Bratislava, 1967, s. 261).

[59] Ibid., s. 261.

[60] Письмо Й. Гурбана Ваянского к Я. Влчеку от 17 мая 1884 г. (Ibid., s. 268).

ями Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова, Г. Успенского, Мамина-Сибиряка, Короленко и др. За период редакторства Шкультеты в журнале было опубликовано 155 произведений шестидесяти русских писателей. «Для нас славянство — не пустое понятие, — говорил Шкультеты, — не территория на карте, а надежда и вера. Мы верим, и это прежде всего относится к великому русскому народу, что в моменты, когда судьбы мира решают великие народы, он уже самим своим существованием является опорой для всех нас. Но мы также знаем и заявляем, что погибнем, если сами будем бездействовать».[61]

Й. Шкультеты и его жене Богдане принадлежат переводы на словацкий язык произведений Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, Лескова, Тургенева, Крылова, Короленко, Гаршина, Немировича-Данченко, Чирикова и многих других. Для одного только журнала «Словенске погляды» с 1891 по 1921 г. Б. Шкультеты перевела 90 произведений русских писателей. Она была одной из первых переводчиков романа «Война и мир». Й. Шкультеты информировал словацких читателей о русской литературе, печатал разборы отдельных произведений.[62] Не соглашаясь во многом с оценками Толстого Ваянским, он был далек и от того безоговорочного приятия Толстого-непротивленца, какое было свойственно сотрудничавшему со Шкультеты Д. Маковицкому. По поводу «Плодов просвещения», например, Шкультеты писал: «Невозместимая утрата не только для русской, но и мировой литературы — то, что Л. Н. Толстой отвернулся от так называемого прогресса нашего века, а вместе с прогрессом и от его носителя—интеллигенции. В ее жизни он видит одну только ложь, фальшь и необдуманность... Много правды есть в таком отрицании нашего прогресса, но эта правда неполна. Благодаря подобной тенденции произведения Толстого последнего времени утрачивают свое художественное, вечное значение... Учить, порицать своих современников — поистине высокая задача, однако наивысшей целью того, кому дан священный огонь, что пылает в груди Толстого, является служение искусству».[63]

Младшие современники Й. Шкультеты, которые вступали в литературную и общественную жизнь на пятнадцать-двадцать лет позже, проходили уже несколько иную школу. Высшее образование они зачастую получали в Праге, идея чешско-словацкого единения все сильнее сплачивала чехов и словаков. Про-

---

[61] Цит. по: Matuška A. Profily a portréty. Bratislava, 1956, s. 464—465.

[62] Lesňáková O. Jozef Škultéty a ruská literatúra. — In: Josef Škultéty (1853—1948). Martin, 1970; Леснякова С. Русская литература в «Словенских поглядах» (1890—1918). — В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения, с. 190—206.

[63] Slovenské pohľady, 1890, s. 109—111. Цит. по: Леснякова С. Указ. ст. — В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения, с. 198.

светительским центром словацкого студенчества в Праге стал возникший в 1882 г. кружок «Детван». Его составляли около двух десятков словацких студентов, изучавших право, философию, медицину в только что разделившемся на чешский и немецкий Пражском университете. Члены кружка выступали на его заседаниях с лекциями и сообщениями, увлекались изучением крупнейших представителей литератур других народов, среди которых на первом месте была русская. М. Кукучин прочитал целый цикл лекций о мировоззрении и творчестве Л. Н. Толстого. Лекция Кукучина, прочитанная 18 апреля 1886 г., была целиком посвящена разбору «Войны и мира».[64]

Уже в эти пражские годы вырабатывалось отношение к Толстому отдельных членов группы. Дискутировали о разных типах реализма, воплощенных в произведениях Толстого и Золя. Творчество Толстого зачастую обозначали термином «толстоизм», творчество Золя — «пессимистический реализм».[65] Среди членов «Детвана» были и будущие литератор-реалист Л. Надаши-Еге и публицист и политик В. Шробар (так называемые «гласисты», издатели журнала «Глас»), и будущие толстовцы — А. Шкарван и Д. Маковицкий.

Д. Маковицкий (1866—1921) обучался медицине в Праге, Берлине, Москве (один семестр) и, получив в 1891 г. диплом Пражского университета, свыше двух лет совершенствовался по своей специальности в Инсбруке. В 1894 г. он начал работать врачом в словацком городе Жилина, самоотверженно, по свидетельству многих, помогая семьям бедняков, безотказно откликаясь на просьбы посетить больных в отдаленных районах округа. В сентябре 1894 г. в Ясной Поляне состоялось его личное знакомство с Толстым, который привлекал его со времен учебы в Праге. Занимаясь врачебной практикой, Маковицкий одновременно начал переводить этико-религиозные произведения писателя, но встретился с затруднениями в деле их печатания, поскольку именно эта часть творчества писателя не пользовалась в Словакии популярностью. Тогда Маковицкий, «солидный, преуспевающий жилинский врач»,[66] стал издавать их на собственные средства.

Не только Шкультеты и Ваянский, но и гласисты печатали эти произведения неохотно. Ценя Толстого как художника, они далеко не все принимали из его морализаторских поучений. В программном заявлении В. Шробара, которым открывался первый номер журнала «Глас», говорилось о стремлении его сотрудников к нравственному обновлению словаков, к «расшире-

---

[64] Mráz A. Z ruskej literatúry a jej ohlasov u Slovákov. Bratislava, 1955, s. 111.

[65] Čepan O. Doktríny a dielo. — In: Jégé v kritike a spomienkach. Bratislava, 1959.

[66] Škultéty J. Dr. Dušan Makovický. — In: Škultéty J. Vôňa domoviny. Bratislava, 1973, s. 313.

нию и углублению» просветительской деятельности, но решительно отметался тезис о «непротивлении злу насилием».[67] В то же время они высоко ценили народные рассказы Толстого, их просветительский пафос. Гласисты приветствовали обе серии изданий Маковицкого («Поучительное чтение» (1896—1898) — 18 книжек и «Поучительную библиотеку» (1889—1901) — 5 книг) как «народную, дешевую, легко читаемую энциклопедию, целью которой являются поиски в обширной продукции человеческого духа зернышек вечной правды».[68]

Народные рассказы Толстого произвели большое впечатление на крупного словацкого реалиста начала века, переводчика многих произведений русских писателей Й. Грегора Тайовского, который увидел в них образец литературы для простого народа.[69] Некоторая идеализация нравов патриархальной деревни, проявлявшаяся в творчестве другого значительного писателя начала XX в. М. Кукучина, возникла не без влияния народных рассказов Толстого. Для словацкого реализма, который «формировался почти на полвека позже, чем в других европейских литературах»,[70] на первых порах главенствующее значение имела именно эта часть толстовского наследия.

Начало века с его бурными перипетиями национальной и социальной борьбы в славянских странах требовало публицистического отклика. Среди писателей, творчество которых соответствовало историческому моменту, был и Толстой. Однако критическое начало, свойственное многим произведениям позднего Толстого, не устраивало реалистов «старого толка» в лице Ваянского и настораживало такого демократического критика, как Й. Шкультеты, который даже «воздержался» от напечатания в своем журнале романа «Воскресение», предложенного ему Маковицким в переводе А. Шкарвана. Творчество Толстого было столь разнообразно, в его произведениях поднималось столько великих вопросов, что среди его почитателей были представители разных взглядов на современность, на литературу, на жизнь. Различные группировки словацкой интеллигенции рубежа веков поклонялись каждая «своему» Толстому и отрицали того Толстого, который устраивал их литературных или идейных соперников. (То же наблюдалось и в русской критике начала века).

«Гласисты», не отвергая Толстого-критика, выступали против словацких последователей Толстого — противника насилия в

---

[67] Šrobar V. Naše snahy. — Hlas, I, 1898/1899, č. I, s. 1.

[68] -r (псевдоним Я. В. Шробара. — *И. П.*) — Hlas, III, 1900/1901, č. 1, s. 29—30; Цит. по: Lesňáková S. L'udovýchovné povídky Tolstého a jeho slovenských súčasníkov. — Slavica slovaca, roč. 14, 1979, č. 2.

[69] Lesňáková S. Cesty k realizmu. Bratislava, 1971.

[70] Lesňáková S. Lev Nikolajevič Tolstoj a slovenská realistická literatura. — In: Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu. Praha, 1978, s. 145.

борьбе за социальный и национальный прогресс. Поэтому деятельность двух наиболее активных словацких толстовцев — Маковицкого и Шкарвана ими осуждалась, хотя «гласисты» не отрицали объективной пользы, приносимой их переводами произведений Толстого на словацкий язык.

Альберт Шкарван (1869—1926), тоже врач по профессии, не был столь последовательным толстовцем, как Маковицкий. Широкую огласку получил отказ Шкарвана исполнять обязанности военного врача. Его записки, содержащие объяснения моральных причин этого поступка, — «Мой отказ от военной службы», с одобрения Толстого, сразу заинтересовавшегося Шкарваном, выпустил на русском языке в своем лондонском издательстве Чертков.[71] Отбыв тюремное заключение, Шкарван поселился в Швейцарии, где жил в кругу русских пропагандистов Толстого. Около 1900 г. он перерабатывает свои записки для издания на словацком языке в Америке (вышли там в 1904 г.), отмежевываясь от многого в толстовстве, которое предстало перед ним за границей оборотной стороной. Записки Шкарвана чешский критик Ф. К. Шальда, ознакомившись с ними по их выходе в Праге в 1926 г., причислил к числу лучших десяти книг чехословацкой литературы.[72]

Обычно, говоря о деятельности и взглядах Д. Маковицкого и А. Шкарвана, словацкие ученые не делают различия между ними. Однако при более внимательном рассмотрении их трудов, их переписки следует прийти к выводу, что, хотя оба они были преданы Толстому и служили ему в меру сил, между ними были при полном дружеском согласии существенные расхождения, касавшиеся главным образом взглядов на жизнь, на литературу, на словацкий народ и стоявшие перед ним задачи. Шкарван был литературно одаренным человеком и гораздо более широких литературных вкусов, чем Маковицкий. Например, он перевел на словацкий язык «Песню о Соколе» М. Горького, который Маковицкому никогда не был интересен. Этот перевод, сделанный Шкарваном со второй, политически более острой редакции «Песни», вышел в 1901—1902 гг. и долгие годы оставался единственным словацким переводом этого произведения.[73]

---

[71] О Шкарване см.: Богатырев П. Г. Глазами словацкого друга. — В кн.: Литературное наследство, т. 75, кн. II, с. 121—132.

[72] Šalda F. X. In memoriam Alberta Škarvana. — Rozpravy Aventina, 1926, č. 8.

[73] За год до него появился первый перевод из Горького на словацкий язык (рассказ «О черте»). Он был опубликован будапештской газетой «Словенске новине». До 1945 г. вышло всего два книжных издания Горького на словацком языке — «Песня о Соколе» в переводе А. Шкарвана и «Макар Чудра» в переводе Я. Есенского (1921). См.: Бэлза С. И. Творчество Горького и словацкая литература. — В кн.: Горький и современность. М., 1970; Леснякова С. Горький в Словакии. — В кн.: Чехословацко-советские литературные связи. М., 1964.

Кроме сочинений Толстого, которые Шкарван, отличный знаток языков, переводил не только на словацкий, но и на немецкий, венгерский, голландский, итальянский языки, он сделал достоянием словацкого читателя ряд произведений Гаршина, Нажнвина, Чехова. Не будучи правоверным толстовцем, Шкарван не раз критически отзывался о последователях толстовской философии. «...Они были искусственными плодами, а не прирожденными и естественными героями духа, каким был он сам (Толстой. — *И. П.*) и какими он мечтал их видеть».[74] С другой стороны, не разделяя радикально-демократических взглядов, не будучи близок к революционным кругам, Шкарван готов был обвинять самого Толстого в пристрастии к революционерам и считал писателя одним из виновников революционных событий 1905 г. Эта позиция сближает Шкарвана с С. Гурбаном Ваянским.

Отношение Шкарвана к словацкому народу основывалось на идеалистических представлениях о нравственном облике словаков, что отразилось в написанной им брошюре «Словаки», которую он надеялся опубликовать в петербургском издательстве «Посредник» И. И. Горбунова-Посадова. Шкарван не видел социального расслоения словацкого народа, считал, что ему свойственно религиозное мышление и что ни либеральная, ни социал-демократическая партии не смогут принести словакам освобождение и добиться счастливой жизни для народа. Вдобавок он был противником словацко-чешского единения.[75]

И. И. Горбунов-Посадов обратился к Толстому с просьбой прочесть рукопись Шкарвана, дать о ней отзыв и написать предисловие. Толстой охотно согласился. Поначалу книга Шкарвана Толстому понравилась. Но вскоре он пришел к мнению, что автор «слишком восхваляет» словаков.[76] Через год Толстой вновь вернулся к рукописи. «Неясно, что хочет в ней сказать. Она без практических указаний, что делать словакам, — записывает Маковицкий слова Толстого. — Надо бы высказать: не подчиняться правительству. Описание души (первая глава) — хорошее, хотя написано с пристрастием, а это подрывает доверие. Эту часть и часть этнографическую — она поверхностная — надо обработать, дополнить для „Посредника". А другую часть — о том, как поступать словакам, которая писана для словаков, исключить. Лучше обдумать и написать подробнее, как практически поступать, и издать для словаков».[77] Шкарван переделывать работу не захотел, небольшие поправки, внесенные им в ру-

---

[74] Из дневниковых и мемуарных записей А. Шкарвана (Литературное наследство, т. 75, кн. 2., с. 142).

[75] K o l a f a S. Albert Škarvan o slovenské otázce v knize «Slováci». — Literárný archiv 1969. Martin, 1970.

[76] Л и т е р а т у р н о е наследство, т. 90, кн. I, с. 157 (запись от 31 янв. 1905 г.).

[77] Там же, кн. II, с. 30 (запись от 27 янв. 1906 г.).

копись, существа дела не меняли; и она осталась лежать в архиве издательства «Посредник». В 1970 г. «Словаки» были изданы по-словацки в Братиславе.

Безусловной заслугой Шкарвана перед словацкой литературой останется его перевод романа «Воскресение». Он был сделан очень оперативно, с текста, не прошедшего русскую цензуру, по экземпляру, посланному Шкарвану из Англии Чертковым. 21 ноября 1898 г. Шкарван сообщает Маковицкому: «Получил 11 глав „Воскресения", которое собираюсь переводить на мадьярский, чтобы денег достать для здешней жизни своей. Одновременно мог бы и словацкий перевод делать, сообщи, хочет ли и стоит ли это издать в „Поучне библиотеке" (т. е. стоит ли с материальной стороны). Иначе предложу перевод за деньги или Сальве или американцам».[78] В следующем письме от 11 декабря Шкарван сообщал, что пока словацкий перевод отложил, потому что делает венгерский. Через несколько дней Шкарван написал, что Сальва (активный словацкий деятель культурно-просветительского толка, издавал и редактировал журналы, книги, литературу отечественную и переводную) категорически отказался издавать не только «Воскресение», но и «вообще любые произведения Толстого», потому что «духовенство недовольно им и грозится оставить его вообще на бобах, если он и впредь будет издавать толстовщину».[79] Шкарван высказывает опасение, что Сальва, в издательстве которого выходило «Поучительное чтение» Маковицкого, откажется продолжать и его. «А ведь больше вообще никого нет, — восклицает Шкарван. — И что за странная вещь! Скандальное положение сейчас у словаков, такое скандальное, что я не знаю, с каким народом его и сравнить. Другие наперегонки издают Толстого, а у нас его и даром не хотят».[80] Шкарван преувеличивал консерватизм словацкой издательско-литературной среды. Переводов из Толстого на словацкий язык к тому времени было немало. Сальва, вероятно, отрицательно отнесся к этому роману Толстого, который не стали издавать и в Мартине. Отказался даже Шкультеты, которому Маковицкий предлагал перевод Шкарвана.

19 мая 1899 г. Шкарван, все еще в надежде на печатание, пишет Маковицкому: «Посылаю с 3 по 11-й включительно главы „Воскресения" Шкультеты, всего будет с тем, что у него уже есть, 68 страниц от руки. Думаю, что как раз достаточно для одного номера (Шкарван имел в виду журнал Шкультеты „Словенске погляды". — *И. П.*). Но, может, сколько-нибудь дошлю еще в этом месяце. В том, что он подвергает их

---

[78] Открытка Шкарвана к Маковицкому на русском языке (ОР ГМТ, фонд Д. Маковицкого).

[79] Письмо А. Шкарвана к Д. Маковицкому от 29 нояб. 1898 г. (Там же).

[80] Там же.

цензуре, виноваты не русские подписчики, которых они якобы боятся подвести (это абсурд), а давняя платная служба мартинцев („Словенске погляды" издавались в Мартине. — *И. П.*) с помощью петербургских славянофилов и Победоносцевых, Саблеров и всей грязной компании. Какое это пятно на нас!»[81] Обвинение серьезное и несправедливое.

«Затруднял» работу Шкарвана и сам Толстой. «Не знаю, что и делать с „Воскресением",—жалуется Шкарван Маковицкому, — поправок посылают такую уйму, что нет никакой возможности все их вносить и все уже переведенное переводить заново. Я было начал это делать, да никакого терпения не хватает. Может, дождемся появления полного русского текста в печати? или переводить *без поправок?* Но в первом случае может кто угодно перевести из „Нивы", а без поправок тоже стоит ли, да и жаль издавать? Не знаю, что и делать с этим. Напиши твое мнение».[82]

Толстой правил текст, поправки тут же пересылались в Англию, оттуда — Шкарвану. «Вчера пришли дополнения и новые поправки автора к „Воскресению", их много, перевод нужно заново переписывать», — в отчаянии пишет Шкарван Маковицкому 21 февраля 1899 г.[83] Не дождавшись от Шкультеты положительного ответа по поводу публикации перевода в «Словенских поглядах», Шкарван настаивает, чтобы роман издал Маковицкий: «Прошу тебя, Душан, о „Воскресении" со Шкультеты больше не говори, да и ни с кем у нас, а издавай его сам, начинай сразу же его объявлять. Не может быть, чтобы роман не окупился, ведь и чехи будут подписываться. Но если это поставит тебя в затруднительное положение, то я пошлю „Воскресение" в Америку, там его наверняка напечатают».[84]

Между Шкарваном и Маковицким не прекращалась деловая и дружеская переписка. Оба они покинули родину из-за увлечения философией Толстого. Шкарван оказался в Западной Европе, Маковицкий — в России. Письма Шкарвана к Маковицкому дают представление о его трудолюбии, работоспособности, готовности отдавать силы и время служению Толстому, переводам его произведений. Шкарван принадлежал к любимцам писателя — ведь он был одним из «отказавшихся». Толстой охотно отвечал на его письма, интересовался его судьбой.[85]

Маковицкий же с 1904 г. стал домашним врачом и душепри-

---

[81] Открытка от 19 мая 1899 г. (ОР ГМТ, фонд Д. Маковицкого).

[82] Открытка от 22 марта 1899 г. (Там же).

[83] Письмо от 11—12 июня 1899 г. (Там же). Лингвистический разбор перевода Шкарвана см.: Кондрашов В. Роман «Воскресение» на словацком языке. — В кн.: Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku. Bratislava, 1960.

[84] Там же.

[85] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90-та т. М., 1928—1958, т. 68, 69, 70, 72, 73, 76, 77, 78, 80. 81. Шкарван послужил Толстому прототипом Бориса Черемшанова в пьесе «И свет во тьме светит».

казчиком Толстого, его близким помощником. Он лечил Толстого, его домочадцев, крестьян из окрестных деревень. Зная его приверженность к идеям Толстого, ему писали со всех концов мира как самому близкому и доверенному лицу Толстого. Он объяснял, как Толстой смотрит на тот или и другой вопрос, и рассылал его книги и статьи. Он являлся связующим звеном между толстовцами разных стран, прежде всего славянских. При этом Маковицкий умел оставаться в меру беспристрастным и, что очень важно, не навязывал Толстому своих мнений, как делали многие другие. Его все любили в Ясной Поляне за тихий, кроткий нрав, прилежание, беспредельный альтруизм и называли часто не «Душан Петрович», а «Душа Петрович». Маковицкий был убежденным пацифистом, за что во время первой мировой войны был арестован царской охранкой и некоторое время находился в заточении.

Главным делом жизни Маковицкого стали подневные записи бесед с Толстым, которые он делал с согласия писателя. По своей значимости и объему они превзошли все до сих пор созданные произведения такого рода. Их издание в СССР в серии «Литературное наследство» стало эпохальным и могло быть осуществлено в результате длительной кропотливой совместной работы наших и чехословацких ученых.

После смерти Толстого Маковицкий еще долго оставался в Ясной Поляне, обрабатывая и уточняя свои записи. Незадолго до отъезда на родину в 1921 г. он женился на русской крестьянке из села Ясная Поляна. Приехав в родную Словакию, которая стала частью независимого Чехословацкого государства, не смог там адаптироваться и добровольно ушел из жизни.

В некрологе Маковицкого Й. Шкультеты, пытаясь объяснить причины поступка последователя Толстого, который в свое время выступал против самоубийства, писал: «В его душе врача началось тяжкое раздвоение. Он хотел всего себя отдать служению словацкому народу, но при этом понимал, что не живет так, как этого требует учение Толстого. Переписка с яснополянским пророком, личное знакомство с его самыми преданными учениками, год от года усердствовавшими все больше, поглощали душу и волю Маковицкого».[86] Эти слова Шкультеты всего ближе к пониманию того, что происходило в душе Маковицкого, почти два десятка лет вращавшегося в кругу приверженцев этических идей Толстого, силившегося следовать этим идеям в личной жизни, рассылавшего религиозно-нравоучительные работы Толстого по всему миру и вдруг обнаружившего, что все это рушится — и вокруг и в нем самом (его неожиданная женитьба несомненно была серьезным нарушением заповедей

---

[86] Škultéty J. Dr. Dusăn Makovický. — In: Škultéty J. Vôňa domoviny, s. 313.

Толстого). Крушение сектантства было после Октябрьской революции одним из признаков времени, поскольку революцией оказались подорваны социальные корни всех видов религии и побочных социальных течений. После революции рушились нравственно-этические построения Толстого. Первые декреты Советской власти — о мире, о земле, о власти — были в то же время социалистическим осуществлением того, за что боролся великий писатель в своих публицистических статьях, в своих гениальных художественных творениях. На родине Маковицкого, обретшей, наконец, государственную самостоятельность, вступившей в новый этап своего исторического развития, которое было в значительной мере предопределено революционными событиями в России, всеобщее настроение еще больше, чем прежде, не располагало к следованию философской доктрине Толстого в ее сектантском обличье.

То «тяжкое раздвоение», о котором писал Шкультеты, было философски обосновано самим Толстым во многих его трудах, в частности в его работах «О жизни», «Путь жизни», «Первая ступень». Была предусмотрена Толстым и возможность трагического конца: «Вся жизнь моя есть желание себе блага, — говорит себе человек пробудившийся... а во мне и во всем меня окружающем — зло, смерть, бессмыслица... Одно я, его личность, велит ему жить. А другое я, его разум, говорит: „жить нельзя". Человек чувствует, что он раздвоился. И это разделение мучительно раздирает душу его. И причиною этого раздвоения и страдания ему кажется его разум... В человеке это высшее свойство природы производит в нем такое мучительное состояние, что часто, — все чаще и чаще в последнее время, — человек разрубает Гордиев узел своей жизни, убивает себя, только бы избавиться от доведенного в наше время до последней степени напряжения мучительного внутреннего противоречия, производимого разумным сознанием» (26, 339—340). Так Толстой-психолог объясняет нам, что произошло с Маковицким, который, не выдержал «напряжения мучительного внутреннего противоречия».

Конец Маковицкого совпал с концом эры толстовства. В тот год, когда не стало яснополянского врача, в Чехословакии вышли воспоминания о Толстом М. Горького, развеивавшие мифы о яснополянском пророке, а еще через семь лет на чешский язык были переведены (изданы Ю. Фучиком) статьи В. И. Ленина о Л. Н. Толстом.

Другой путь избрал бывший приверженец и соратник Маковицкого, начинавший свою жизнь не менее страстным поклонником Толстого-непротивленца, чех И. Галек (1872—1945). Окончив в 1896 г. медицинский факультет Пражского университета, он направился в самый отсталый район Словакии Кисуце, подсказанный ему Маковицким. Увидев воочию то нищенское существование, которое влачили жители этого края, близкие к

вымиранию, он понял, что для спасения этого народа одной проповеди смирения мало. Он сблизился с гласистами, после революции стал одним из основателей «Союза друзей Советского Союза», а в 1937 г. выпустил книгу под красноречивым названием: «От Толстого к Марксу».[87] Объективно и поступок Маковицкого, какими бы сиюминутными обстоятельствами он ни был вызван, тоже означал разрыв с философией Толстого.

[87] Hálek J. Od Tolstého k Marxovi. Praha, 1937.

Глава 5

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО В ПОЛЬШЕ

Первое упоминание имени Толстого в польской печати относится к 1858 г., когда в периодическом издании «Ксенга свята» («Книга мира») был помещен обзор современной русской литературы, сделанный по материалам «Художественного листка» Б. Тимма. Среди небольших медальонов, посвященных русским писателям (Н. Некрасову, И. Тургеневу, Д. Григоровичу, Ф. Сологубу), была и заметка о Л. Толстом, заканчивавшаяся словами: «...если граф Толстой посвятит себя целиком литературе, то из-под его пера несомненно выйдет не одно превосходное произведение».[1] Переводить Толстого стали значительно позднее — лишь с 1876 г. Первые переводы произведений русского писателя появились в газетах «Дзенник варшавски» и «Варшавский дневник», которые без указания имени переводчика в одном только 1876 г. поместили три рассказа Толстого — «Рубка леса», «Севастополь в декабре месяце», «Три смерти» — и отрывок из «Войны и мира».[2] «Варшавский дневник» продолжал печатать переводы из Толстого еще два года: в 1877 г. были опубликованы «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 г.», «Семейное счастье», «Утро помещика», «Люцерн», «Казаки», в 1878 г. газета начала печатать перевод романа Толстого «Анна Каренина».[3]

За неполное двадцатилетие, прошедшее с момента появления имени Толстого в Польше и до первых переводов его произведений на польский язык, о нем упоминалось неоднократно. А после выхода «Анны Карениной» живший в Петербурге

[1] Współcześni literaci rosyjscy. — Księga Świata, R. 8, 1858, cz. 2, s. 180.
[2] Tołstoj L. Polowanie, ustęp z powieści «Wojna i pokój». — Dziennik Warszawski, 1876, nr. 55, 60.
[3] Tołstoj L. Anna Karenina. Romans... w ośmiu częściach.—Warszawski dniewnik, 1878, nr 197, 203, 208, 214, 220, 225, 234, 238, 242, 247, 253, 258, 262, 267, 272.

Е. Бораковский, высоко оценивая роман, даже пытался защитить Толстого, полемизируя с русским критиком Никитиным,[4] высказавшим отрицательные суждения о романе. В это двадцатилетие польская критика о Толстом в основном опиралась на русские источники, но польское мнение о писателе уже созревало.

Впервые оно было высказано в 1884 г. В тот год отбывавший тюремное заключение в Магдебурге известный польский писатель — прозаик, поэт, историк, литературный критик и публицист Юзеф Игнацы Крашевский (1812—1887) прочитал французский перевод романа Толстого «Война и мир», который произвел на него сильнейшее впечатление. Потрясенный прочитанным, Крашевский тут же изложил свое мнение о романе в письме, отосланном в газету «Тыгодник илюстрованы», где оно и было опубликовано. Это произведение, писал Крашевский, «достойно самого пристального внимания, оно имеет все основания попасть в число перворазрядных».[5] Польский писатель отмечал умение Толстого переплести добро и зло, нанести свет и тени, не нарушая жизненной достоверности своего романа, «который после прочтения останется в памяти навсегда».[6] Положительно отзываясь об изображении Толстым событий 1812 г., что со стороны знатока истории звучало наивысшей похвалой, Крашевский, несмотря на отмеченный им фатализм (Толстой «в катастрофе 1812 г. отводит слишком большую роль року и гораздо меньшую людям»),[7] назвал роман «богатырской эпопеей, захватывающей воображение читателя».[8]

Отзыв одного из самых популярных деятелей польской культуры не мог пройти незамеченным. Несомненно, что после его опубликования роман был прочитан многими в оригинале.

Гимназические дневники будущего великого польского писателя С. Жеромского (1864—1925), поражающие интенсивностью умственной и духовной жизни молодого человека и дающие важный материал не просто о знакомстве с русской литературой, а о глубоком эмоциональном погружении в нее гимназиста Жеромского, показывают, что творчество Л. Толстого в ту пору (1882—1885 гг.) не занимало его так, как произведения Тургенева, которыми он был увлечен и делал из них огромные выписки по-русски. Впрочем, в перечне авторов, которыми занимался гимназист в Кельцах (Карамзин, Баратынский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь и др.), скорее сквозит гимназическая программа, чем его собственный выбор, хотя дневниковые открытые искренние записи дают нам возможность судить о восприятии

---

[4] Borakowski E. Listy znad Newy. — Kłosy, 27, 1878, nr 692, s. 218—219.

[5] Kraszewski J. I. Kronika zagraniczna. — Tygodnik Ilustrowany, r. 26, 1884, nr 99, s. 331.

[6] Ibid.

[7] Ibid.

[8] Ibid.

юным Жеромским прочитанного и о его неплохом представлении о трудностях литературной жизни и общественно-политической обстановке в России. Писемского, помечает Жеромский 21 июня 1885 г., считают «ужасным демократом», его «зачислили в социалисты». «Ох, уж эта Россия! Все, что есть лучшего в ее литературе, — проклято и запрещено».[9]

На Толстого его внимание обратил С. Виткевич (1851—1915), польский прозаик, критик, долго живший в России и свободно владевший русским языком. Он прочитал «Войну и мир» в 1892 г. и всячески пропагандировал увлекший его роман. Жеромский в тот же год писал своей невесте, что Толстой учит его мудрости.[10] Толстой учил его и мастерству психологического анализа, о чем Жеромский, находясь под впечатлением от «Войны и мира», также писал невесте и что впоследствии проявилось в одном из лучших романов Жеромского «Пепел» (1904).

В начале века С. Виткевич, не без влияния толстовской проповеди, выступал против городской цивилизации, противопоставляя ей народное, т. е. крестьянское мировосприятие. «Что есть Россия? — писал он в 1904 г. — Это — правительство, революция и Толстой...»[11] Выступая против академической школы в защиту импрессионистской живописи, Виткевич написал ряд рассказов, в которых пытался показать близость импрессионизма к наивно-красочному художественному миру народа Карпат, отдельные типы которого виделись ему в обличье современных евангелистов. Составленную из рассказов о жизни карпатских горцев книгу Виткевич дополнил рассказом Толстого «Чем люди живы»[12] в собственном переводе на карпатский диалект польского языка и послал сборник в Ясную Поляну. Над переводом этого рассказа Виткевич трудился долго — с 1892 по 1907 г. и в этом сборнике поместил свои рассуждения о переводе. Непосредственно перед выходом книги Виткевич написал Толстому письмо, в котором испрашивал разрешение на издание перевода.[13] То, что в книгу собственных рассказов он вставил произведение Толстого, указывало на идейную и художественную близость обоих писателей, позволяло в рассказе Толстого увидеть некий ключ к эстетике творчества и этическим взглядам самого Виткевича.

В польской критике раздавались недоуменные голоса по поводу недостаточного внимания издателей к творчеству Толсто-

---

[9] Żeromski S. Dzienniki. T. 2. Warszawa, 1964, s. 198.
[10] Piołun-Noyszewski. Stefan Żeromski. Warszawa, 1928, s. 273.
[11] Witkiewicz St. Wallenrodyzm czy znikczemnienie? — Kultura Polski, r. I, 1917, z. 6, s. 267—288.
[12] Tołstoj L. Cem ludzie żyjom / Tłum. St. Witkiewicz. — In: Witkiewicz St. Z Tatr. Lwów, 1907, s. 25—53.
[13] ОР ГМТ, ДР, 45498.

го. Появившиеся в 80-х годах переводы публиковались в периодике и потому были мало доступны, а, кроме того, далеко не исчерпывали все богатство толстовского творчества. «Надо, чтобы господа издатели криминальных романов, которые все меньше привлекают общество, подумали, как ликвидировать этот изъян».[14]

Перевод романа «Война и мир» на польский язык был осуществлен лишь в 1894 г., т. е. спустя 10 лет после появления горячей рекомендации Ю. И. Крашевского. Перевод этот был сделан с французского текста и повторял все его погрешности и неточности,[15] к которым добавились сокращения, неточности и отступления от оригинала допущенные польским переводчиком. Даже Пьер Безухов именуется в переводе Бестужевым.[16]

Если судить по критике, то роман «Война и мир», как ни странно, не произвел в Польше особого впечатления. Он появился на польском языке слишком поздно и был погребен под лавиной переводов произведений Толстого с морализаторской тенденцией. «Хозяин и работник», «Три смерти», «В чем моя вера», «Что такое искусство?», «Христианство и патриотизм» занимали главное место в рассуждениях критики, которая писала о «доктрине Толстого»,[17] о духоборах, которых поддерживает Толстой.[18] В 90-х годах начинается активная деятельность критика, философа, приверженца католицизма и исследователя его течений на рубеже XIX—XX вв. Мариана Здзеховского (1861—1938), который в своих многочисленных статьях и публичных выступлениях обращал преимущественное внимание на религиозно-этические произведения и взгляды Толстого.

М. Здзеховский писал Толстому, приезжал к нему в Ясную Поляну и, по мнению Я. Ивашкевича, мог со знанием дела, как мало кто из поляков, разговаривать с Толстым по вопросам религии и церкви. Известны девять писем Здзеховского к Толстому и три ответных письма к нему русского писателя. Одно из них обошло всю Европу и стало первой работой Толстого, целиком посвященной национально-освободительному движению у славян (68, 165—170). На это свое письмо, где излагались отрицательные взгляды на освобождение силой, Толстой потом неоднократно ссылался в ответах на запросы из других стран (53, 51, 53; 68, 145). Письмо было помещено в качестве предисловия к брошюре М. Здзеховского «Об идеалах польского об-

---

[14] Gliński G. L. Tolstoj jako pisarz i człowiek. — Świat, r. I. 1888, t. I, s. 227.

[15] Детальный анализ перевода И. Паскевич «Войны и мира» Толстого на французский язык сделан в книге Т. Мотылевой «„Война и мир" за рубежом».

[16] Tolstoj L. Wojna i pokój: Romans historyczny. Gródek, 1894.

[17] Nowodworski M. Leon hr. Tołstoj i jego doktryna. — Pszegląd Katolicki, r. 34, 1896, nr 10—13, 18, 19.

[18] Sekta Tołstoja. — Kurier Lwowski, r. 17, 1899, nr. 194, s. 3.

щества», которая вышла в Берлине в 1896 г. Тогда же письмо Толстого было опубликовано на русском языке под названием «Письмо к поляку о патриотизме»,[19] а также на болгарском в виде приложения к переводу работы Толстого «Христианство и патриотизм». Не назвавшие себя переводчики из Лозанны озаглавили его «К польским революционерам».[20] Неоднократно писали об этой статье Толстого и в Чехии.[21] Повсюду она вызывала живой интерес и полемику.

Выходец из Белоруссии, студент философии Петербургского и Дерптского университетов, Здзеховский хорошо знал русскую литературу и историю. Будучи в 1889—1914 гг. профессором Краковского университета, Здзеховский принимал деятельное участие в организации в Кракове «Славянского клуба» и журнала «Свят словянский» («Славянский мир»), сыгравших большую роль в ознакомлении поляков с другими славянами, в первую очередь с русскими. Уже первые письма Здзеховского к Толстому говорят о преимущественном внимании их автора к морально-этической и религиозной доктрине Толстого,[22] противопоставлявшего официальной церковной догме свое понимание основ христианского вероучения. С Толстым Здзеховский соглашался не во всем. В частности, он не разделял веры Толстого в «победу в человеке чистых сил». «Эта вера, — писал он Толстому, — привела Вас к пропаганде анархизма, пусть и анархизма христианского, противоположного анархизму динамитному».[23] Здзеховский сближал религиозную доктрину Толстого с так называемым неохристианством, особенно заметно проявившимся на рубеже веков во Франции,[24] и с так называемым католическим модернизмом, о чем он писал в нескольких статьях. Одну из них, напечатанную по-русски в «Московском еженедельнике»,[25] автор настоятельно просил прочитать Толстого. Видимо, Толстой не принимал всерьез весьма субъективных концепций Здзеховского. «Отвечаю вам, что Л. Н. видел вашу статью в „Московском еженедельнике", показывал ее Черткову, удивляясь ее назва-

---

[19] Толстой Л. Н. Письмо к поляку о патриотизме. Берлин, 1896. 16 с.

[20] Толстой Л. Християнство и патриотизъм с приложение на едно писмо Толстого к полским революционерам. Варна, 1896.

[21] Velemínský K. Drobné spisy L. N. Tolstého. Praha, 1902; Charvát V. Tolstoj a Slované. — Slovanský přehled, roč. 13, 1910—1911, s. 163—164.

[22] В различных философских и социально-политических доктринах М. Здзеховский искал выражение национального характера, славянской общности. Под этим углом зрения он рассматривал политические, исторические, религиозные программы А. С. Хомякова и других русских славянофилов, а также Т. Шевченко, А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красиньского, хорвата П. Прерадовича и др.

[23] Письмо Здзеховского к Толстому от 12 авг. 1895 г. (ОР ГМТ).

[24] Zdziechowski M. Neoidealizm francuski. — In: Zdziechowski M. Szkice Literackie. Warszawa, 1900, s. 31—93.

[25] Каровский (псевдоним М. Здзеховского. — *И. П.*). Модернизм и толстоизм. — Московский еженедельник, 1908, № 2, 3, 4.

нию, но не читал ее...» — писал польскому ученому Д. Маковицкий 8 декабря 1908 г. В следующем письме Д. Маковицкий сообщал: «Отыскал „Московский еженедельник" с вашей статьей и снова предложил ее Л. Н-чу. Он ответил мне: должны неприятное ему сообщить — нет никакой возможности все читать».[26]

Субъективизм Здзеховского особенно наглядно проявился в статье «Товянизм гр. Льва Толстого»,[27] где он сопоставлял этические и религиозные взгляды Толстого с постулатами польского мистика А. Товяньского (1798—1878), находя в них много «общего». Сделать это ему удалось лишь ценой больших натяжек и искажений. Между взглядами бывшего судьи из Вильно, поклонника Наполеона, идеалиста, толковавшего о мире невидимом, облегающем мир видимый, мессианиста и мистика, в 1842 г. изгнанного из Франции за проповедь своих болезненных теорий, и этико-философскими установками великого реалиста, чуждого мистицизма, в эпопее «Война и мир» развенчавшего культ Наполеона, ничего общего, разумеется, не было. Писатель знал о мессианистских настроениях части поляков. Известно ему было и имя Товяньского, о теориях которого он высказывался вполне определенно, ответив на вопрос «Есть что у Товяньского серьезное?» категорическим «Нет!».[28]

Так же относился к польскому мессианизму А. Герцен. «Мессианизм, — писал он, — это помешательство Вронского, эта белая горячка Товяньского, вскружил голову сотням поляков...»[29] Как известно, знакомство со взглядами Герцена оказало большое влияние на мировоззрение и творчество Толстого.[30] Не исключено, что имя упомянутого Герценом Ю. Вронского (1788—1853), польского математика и философа, автора книги «Мессианизм», проповедовавшей идею об искупительно-мученическом предназначении славянства в истории человечества, Толстой заимствовал для героя романа «Анна Каренина». Как бы в осуществление теоретических предначертаний исторического Вронского Вронский литературный, скрепя сердце, фатально, движимый отнюдь не высокими материями, а побуждениями сугубо личными, отправляется на балканский театр военных действий спасать «братьев славян». Толстой своему герою не симпатизирует. О Ю. Вронском Толстой мог слышать лично от Герцена,

---

[26] Письма Д. Маковицкого к М. Здзеховскому (ЛАП).

[27] Zdziechowski M. Towianizm hr. Lwa Tołstoja. — «Kraj», dodatek «Pszegląd Literacki», 1886, nr. 52.

[28] Литературное наследство, т. 90. У Л. Н. Толстого: Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. I—V. М., 1979—1981, кн. IV, с. 23.

[29] Герцен А. Былое и думы. Ч. 1—5. М., 1969, с. 569.

[30] Розанова С. Толстой и Герцен. М., 1972. — Кстати, в этой серьезной работе повторено ошибочное утверждение Н. Орловской, будто первые переводы из Толстого появились в Англии.

когда во время своей второй поездки в Европу он в течение двух недель общался с автором «Былого и дум».

Высказанная нами гипотеза представляется более достоверной, чем предположение, что фамилия Вронский восходит к фамилии Вревского, знакомца Толстого.[31] Нельзя согласиться и с утвердившейся в Югославии версией, согласно которой под именем Вронского писатель вывел полковника русской армии Н. Н. Раевского, погибшего в Сербии в 1877 г. в одном из сражений с турками. Церковь, построенную родственниками на месте гибели офицера, и поныне именуют церковью Вронского.[32] Нам понятны и дороги чувства симпатии и благодарности, которые испытывают южные славяне к своим освободителям, но легенда о Раевском как прототипе Вронского противоречит толстовским взглядам, замыслу романиста и потому, естественно, не находит подтверждения в творческой истории «Анны Карениной».

Если клерикальная часть польской публики проявляла повышенный интерес к религиозно-этическим взглядам Толстого, то передовая польская интеллигенция ценила прежде всего художественное творчество русского писателя. Литератор, этнограф В. Серошевский (1859—1945) зачитывался Толстым-художником и сурово порицал Толстого-автора «Царства божьего внутри нас». Как и Серошевский, в оригинале знакомился с художественными произведениями Толстого прозаик А. Шиманьский (1852—1916), прославившийся своими психологическими очерками из жизни ссыльных в Сибири. Образы Шиманьского (рассказ «Гануся»), выступавшего в 90—900-х годах с лекциями о Толстом, писавшего о русском романисте, обнаруживают некоторое типологическое сходство с героями толстовского «Воскресения».

В свою очередь Толстой был знаком со многими произведениями польских писателей, выходившими в русском переводе (Э. Ожешко, Г. Сенкевича и др.). Сохранилось немало отзывов Толстого о польской литературе.[33] Высоко отзывался он, например, о романах Г. Сенкевича «Без догмата», «Семья Поланецких».

Как и в других славянских странах, большой интерес в Польше вызвала пьеса Толстого «Власть тьмы». В 1900 г. под названием «Царство мрака» она была поставлена Театром Скарбка с участием выдающихся польских актеров. Среди отзывов

---

[31] Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963, с. 307.

[32] Политика, 1972, 18 авг.; 1975, 14 сент. и другие материалы югославской печати.

[33] Многие из них взяты на заметку М. Здзеховским, Д. Маковицким. Достаточно полный обзор их сделан в книге: Białokozowicz B. Lwa Tołstoja związki z Polską. Warszawa, 1966. Связям Толстого с русской культурой уделяется внимание в работах Е. З. Цыбенко.

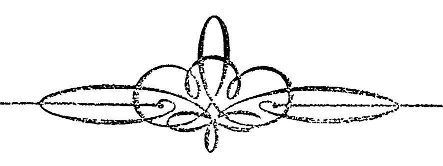
критики на пьесу Толстого выделяется статья Я. Каспровича. Психологизм пьесы настолько глубок и необычен, писал критик, что ее следует назвать «эсхиловской трагедией».[34]

Распространению запрещенных в России произведений Толстого содействовали издательства польских социалистов-эмигрантов, которым был свойствен классовый подход к писателю. Их печатный орган «Пшеглонд социал-демократичны» («Социал-демократическое обозрение») в связи с восьмидесятилетием писателя поместил статью о нем Р. Люксембург, выражавшей отношение к Толстому польской социал-демократии.

---

[34] Цит. по: Grzegorczyk P. Lew Tołstoj w Polsce. Warszawa, 1964, s. 49.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

ПОСМЕРТНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Читательское восприятие произведений Л. Н. Толстого у славян было столь горячо и непосредственно, переписка с ним представителей широких слоев столь популярна, что русский писатель превращался не только в субъективном восприятии простых читателей, но и в умах куда более искушенных деятелей культуры в писателя близкого, родственного, «своего».

Интересна трансформация, которую претерпели в представлении славянского читателя некоторые авторские замыслы и жизненные коллизии, факты биографии самого Толстого. Любопытна трактовка славянскими общественными деятелями его произведений и его личной жизни.

Кончина писателя приводит к появлению славянских версий о намерениях Толстого переселиться в славянские земли, причем в ряде случаев версии эти устойчиво держатся и по сей день, превратившись в своего рода народные легенды XX в., поддерживаемые и печатным словом. Небезынтересно проанализировать, что именно способствовало их возникновению и каковы причины их живучести.

Когда незадолго до смерти Л. Н. Толстой внезапно покинул Ясную Поляну, в печати всего мира появились сообщения о причинах ухода Толстого, догадки и предположения о его дальнейших намерениях. Поразил сам факт ухода — престарелый, больной писатель отказывается от семьи, от привычного образа жизни и обрекает себя на лишения и неудобства. Многие исследователи неоднократно возвращались к последним дням жизни Толстого, анализируя прежде всего психологические причины его поступка. Своего рода итог таким работам подвел Б. Мейлах: «Можно с определенностью сказать, что какого-либо выработанного плана у него не было: все зависело от того, как сложатся обстоятельства».[1] Однако в ряде славянских стран живут

[1] Мейлах Б. Уход и смерть Льва Толстого. М., 1960, с. 278.

представления о том, что Л.Н. Толстой намеревался переселиться именно к ним.

Константинопольский еженедельник «Вести» в ноябре 1910 г. сообщил, что Толстой отправился на поклонение к болгарскому отшельнику Ивану Рильскому.[2] В. А. Гиляровский тогда же высказал предположение, что Толстой направлялся к украинцам в казачью станицу: «Там, на воле, в жизненной простоте, в тихой пустыне, он искал, видимо, последнего покоя...»[3] О. Ф. Скороходова вспоминала о том, какое волнение охватило членов их земледельческой колонии, когда до них «долетел слух, что Лев Николаевич хотел ехать или к нам, или в Ташкент к одному его последователю Ив. Гусарову, который тогда там жил».[4] К приезду писателя готовились в нескольких домах Геленджика, Верхней Мацесте под Сочи.[5] Но вскоре утверждается возникшая еще при жизни Толстого версия о его намерении направиться на юг России в Новочеркасск, а оттуда на Кавказ или в Болгарию. Версию эту подхватили периодические издания разных стран, и, поскольку в Болгарии деятельность последователей Толстого отличалась особой активностью, никто не усомнился в ее достоверности. Болгарин П. Белов, в 1910 г. слушатель Военно-медицинской академии в Петербурге, вспоминал, что, приехав на похороны Толстого в Ясную Поляну, он воспринял само собой разумеющимся сообщение о том, что Толстой направлялся в Новочеркасск, «чтобы там получить паспорт для выезда в Болгарию».[6] Г. С. Шопов утверждал то же самое.[7]

Со временем эта гипотеза о предполагаемом пути следования Толстого приобрела в болгарской литературе характер утверждения. Так, крупный знаток жизни и творчества Толстого Г. Константинов одну из глав своей книги «Л. Н. Толстой и его влияние в Болгарии» назвал «Бегство в Болгарию».[8] Другой современный болгарский литературовед Ст. Великов написал, что якобы сам Толстой тайно сообщил Д. Маковицкому, что он «пускается в путь в Болгарию».[9] Такие утверждения можно часто встретить в современной болгарской печати.[10]

Спутником Толстого по воле последнего стал Д. Маковицкий. Он неотлучно находился при Толстом, начиная с памятной ночи 28 октября вплоть до кончины писателя под утро 7 ноября. Свидетельства Маковицкого — многолетнего яснополянского

---

[2] Вести, XXI, 1910, 25 нояб.

[3] Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1968, с. 378.

[4] ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, ед. хр. 185, с. 12.

[5] Дорохина Е. Лев Толстой и Черноморье. — Кубань, 1969, № 9, с. 113—114.

[6] Белов П. Толстой на смъртния одър. — Пламък, 1960, бр. 11, с. 66.

[7] Шопов Г. С. На гости в Ясна Поляна. София, 1929, с. 29—30.

[8] Константинов Г. Л. Н. Толстой и влиянието му в България. София, 1968, с. 32.

[9] Великов Ст. Лев Н. Толстой у нас. — Пламък, 1960, бр. 11, с. 62.

[10] См., например: Славяне. София, 1968, бр. 9, с. 37.

летописца — в данном случае чрезвычайно существенны. Его воспоминания, касающиеся тех дней, были опубликованы под названием «Уход Льва Николаевича». По дороге на станцию Щекино «Лев Николаевич предложил вопрос: куда ехать? „Куда бы подальше уехать?" Я предложил Бессарабию к московскому рабочему Гусарову, который там живет с семьей на земле, там же Александри. „Только туда долго ехать, — прибавил я, — не из-за расстояния, а из-за медленного хода поезда и сообщения". Лев Николаевич ничего не ответил». И далее Маковицкий пишет: «Я не знал, что он уезжает навсегда, я не знал о письме, какое он оставил Софье Андреевне. Я думал, что Лев Николаевич уезжает на месяц от Софьи Андреевны в такое место, куда она за ним не поедет, пока в Шамордино, где не скоро отыщут его, а оттуда — дальше».[11]

Однако через несколько дней, когда жизнь Толстого трагически оборвалась, между Д. Маковицким и Софьей Андреевной состоялся разговор, о котором сообщил присутствовавший в Астапове врач А. П. Семеновский. На вопрос С. А. Толстой, куда они направлялись, Маковицкий ответил: «В Ростов-Дон, а затем в Одессу, Константинополь, Болгарию».[12] Это не согласуется с тем, что пишет Д. Маковицкий в своих воспоминаниях; «Знай я, что он совсем уезжает, я настаивал бы на поездке в Бессарабию или за границу».[13]

Между тем сам Толстой говорит встреченному им знакомому монаху, что «приехал отдохнуть в Оптину, а не удастся, так где-нибудь в другом месте пожить».[14] В своем дневнике Толстой записывает: «Ходил утром нанимать хату в Шамордине».[15] В Шамордине, куда приехали Толстой с Маковицким, жила сестра писателя М. Н. Толстая, у которой тогда гостила дочь Е. В. Оболенская. В воспоминаниях Оболенской говорится, что в день приезда Толстой высказал желание «пожить в Шамордине; с интересом выслушал, что около Оптиной можно нанять отдельный домик, что многие так устраиваются».[16] Когда на следующий день племянница зашла к нему, Толстой «рассказал, что ходил на деревню посмотреть, нельзя ли там нанять избу, но ничего подходящего не нашел».[17] Об этом же пишет и М. Н. Толстая в письме к С. А. Толстой, написанном 22 апреля 1911 г.: «...про тебя он мне ничего не говорил, сказал только, что приехал сюда

---

[11] Маковицкий Д. П. Уход Льва Николаевича. — В кн.: Летописи. Л. Н. Толстой. Кн. 2. М., 1938, с. 454.

[12] Семеновский А. П. Воспоминания о последних днях Л. Н. Толстого. — В кн.: Толстой и о Толстом. Новые материалы. М., 1924, с. 69.

[13] Маковицкий Д. П. Указ. ст. — В кн.: Летописи.., с. 454.

[14] Там же, с. 460.

[15] Толстая С. А. Дневники. 1910. М., 1936, с. 247.

[16] Оболенская Е. В. Воспоминания. — В кн.: Летописи.., с. 315.

[17] Там же, с. 316.

надолго, думал нанять избу у мужика и тут жить».[18] Из устного же рассказа М. Н. Толстой, как его передает сын Толстого Илья Львович, следует, что Толстой уже договорился о жилье: «Я так надеялась, что он тут приживется, ему тут было бы хорошо, ведь даже дом нанял на три недели. Я никак не думала, прощаясь с ним вечером, что я его больше никогда не увижу».[19]

Между тем идея дальнего путешествия возникла именно в Шамордине. Приехав туда, Толстой поначалу «никуда не намерен был уезжать», писала М. Н. Толстая С. А. Толстой, пытаясь понять, что же заставило ее брата столь поспешно покинуть Шамордино.[20] О томе же размышляла и Е. В. Оболенская: «Но спокойное настроение продолжалось недолго. Вечером совершенно неожиданно» из Ясной Поляны приехали доверенные лица. Их приезд внес нервозность, все пришли к убеждению, «что необходимо скорее ехать, потому что каждую минуту можно ожидать Софью Андреевну. . .»[21]

Обсуждался вопрос, «куда ехать — на юг, на Кавказ, в Бессарабию (кажется, там были толстовские колонии), — вспоминает далее Е. В. Оболенская, — Толстой сказал: „Все это мне не нравится"».[22] Его ободряли, что все будет хорошо. «. . . „Все будет хорошо"! Ах, вы бабы, бабы, — с горечью возразил писатель, — что ж тут хорошего?»[23] Несколько позднее, увидев Маковицкого, сидевшего за столом с раскрытой картой, Толстой сказал: «Только ни в какую колонию, ни к каким знакомым, а просто в избу, к мужикам».[24]

Толстой соглашался на дальнее путешествие с явной неохотой. Маковицкий в своих воспоминаниях, которые обрываются на дне отъезда из Шамордина, Болгарию не упоминает. Однако из других источников известно, что обсуждался такой вариант: «. . .ехать до Новочеркасска, там остановиться у Денисенко (дочери тети Маши), попытаться взять там с помощью ее мужа, Ивана Васильевича Денисенко, заграничные паспорта и, если это удастся, ехать в Болгарию. Если же... не выдадут паспорта, то ехать на Кавказ. . .»[26] Итак, Болгария. Маковицкий впоследствии называл Болгарию в качестве последнего пристанища Толстого. Но никто из очевидцев не приводит каких-либо высказываний самого Толстого на этот счет. В тот вечер, когда

---

[18] Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 1969, с. 246.
[19] Там же, с. 248—249.
[20] Там же, с. 246—247.
[21] Оболенская Е. В. Указ. ст. — В кн.: Летописи. ., с. 316.
[22] Там же, с. 317.
[23] Толстой И. Л. Указ. соч., с. 248.
[24] Оболенская Е. В. Указ. ст. — В кн.: Летописи. ., с. 317.
[25] Письмо Е. В. Оболенской (в кн.: Толстая С. А. Дневники. 1910, с. 360).
[26] Толстой. Памятники творчества и жизни. Вып. 4. М., 1923, с. 139—140.

обсуждался предполагаемый маршрут, «он ушел со словами: „Я сейчас очень устал, спать хочу, завтра видно будет"».[27] Остается допустить, что Толстой не верил в возможность поездки в Болгарию или сомневался в ее целесообразности и потому не отверг и не подтвердил согласием навязываемый ему план. Он не мог не принимать в расчет, что любая заграница для него — это неизбежная гласность, почитатели, последователи, особенно в Болгарии. Ранним утром 31 октября, уже сидя в поезде, увозившем его из Шамордина, Толстой пишет В. Г. Черткову: «Едем на юг, вероятно, на Кавказ. Так как мне все равно, где быть, я решил избрать юг».[28] Не упомянута Болгария и в дневниковой записи Толстого, сделанной вечером 31 октября.[29]

Что касается близких Толстого, ставших участниками драматических событий лишь накануне развязки, то все они считали Болгарию возможным конечным пунктом поездки Толстого.[30]

В самой же Болгарии были твердо убеждены, что писатель направляется к болгарским толстовцам. «Весть о смерти Толстого, — писал в своих воспоминаниях К. Константинов, — была воспринята у нас особенно болезненно, поскольку мы знали, что он намеревался приехать в Болгарию и остановиться в земледельческой колонии своих учеников под Бургасом».[31]

Так это мнение и возобладало в славянской литературе о Толстом, чему, по-видимому, содействовал и Маковицкий, главный посредник между Толстым и славянами еще при жизни писателя. Й. Максимович, говоря в своих мемуарах о предполагавшейся поездке Толстого в Болгарию, ссылается на слова об этом Маковицкого, посетившего Белград после смерти Толстого.[32]

Среди множества биографических материалов о Толстом, появлявшихся в югославянской печати 10—20-х годов, особый интерес вызвало сообщение о выходе в Париже статьи Т. Л. Толстой «О смерти моего отца и об отдаленных причинах его ухода». Известный сербский писатель Б. Чосич перевел статью для журнала «Српски книжевни гласник» («Сербский литературный вестник») и во вступлении остановился на

[27] Оболенская Е. В. Указ. ст. — В кн.: Летописи.., с. 317.

[28] Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910. М., 1960, с. 827.

[29] Там же, с. 828.

[30] Толстой И. Л. Указ. соч.; Толстой С. Л. Очерки былого. М., 1967; Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1957 и др.

[31] Константинов К. Пьт през годините. София, 1966, с. 440—444.

[32] Максимовић J. Моја посета код Толстоја. — Српски књижевни гласник, 1912, бр. 4, с. 282.

мотивировках поступка Толстого. «Об уходе Толстого, — рассуждал Чосич, — о его ближайших и отдаленных причинах написано много — за и против Толстого, за и против его жены. Многие выводы неточны, хотя и основаны на известных фактах, поскольку авторы не учитывали главного: сложности внутренней жизни Толстого, его противоречий. Эта проблема обычно трактовалась психологически упрощенно, исходя из отдельно взятой той или иной особенности или черты характера Толстого. Между тем главное заключается именно в сложности, в том, что Толстому была свойственна внутренняя противоречивость; и в уходе сыграло роль причудливое сплетение многих обстоятельств и совокупность различных причин. . .».[33] Вопроса о том, куда направлялся Толстой, Чосич не касался.

В середине 30-х годов в белградской газете «Политика» промелькнуло сенсационное сообщение: «Толстой собирался переселиться в Новый Сад».[34] Напечатанная без подписи корреспонденция подтверждала известие чехословацкой газеты «Народни освобозени» («Национальное освобождение») о намерении Толстого обосноваться в Новом Саде. По свидетельству «одного новосадского адвоката», Толстой «в 1910 г. выразил желание и дал окончательное согласие на переезд в Новый Сад. К его прибытию в Новом Саде были сделаны все необходимые приготовления в доме покойного Милоша Крно. . . Все приготовления сделал Душан Маковицкий, с которым Крно состоял в родстве. Покойный Крно был женат на сестре Душана Маковицкого, дважды или трижды приезжавшего в Новый Сад, чтобы завершить последние приготовления к приему знаменитого писателя, и, когда все было готово, назначен день приезда и организовано все для встречи, в которой должны были участвовать представители Матицы сербской, словаки, культурные учреждения, пришла телеграмма с известием о смерти Толстого в пути на железнодорожной станции».[35] И далее, в подтверждение публикуемой информации, газета сообщала о запросе, полученном от тогдашнего чехословацкого посла в Москве Б. Павлу, женатого на дочери Крно. Павлу просил прислать для Музея Толстого в Москве несколько фотографий дома покойного Крно.

В этой сербской версии фигурирует Маковицкий как главный организатор переезда, но сам Маковицкий ни разу, вплоть до своей смерти в 1921 г., не обмолвился о Новом Саде. Вполне вероятно, что это было одной из многочисленных газетных

---

[33] Ћ о с и ћ Б. О смрти Толстојевој. — Српски књижевни гласник, 1928, бр. 1, с. 67.

[34] Т о л с т о ј је одиста хтео да дође у Нови Сад. — Политика, 1936, 3 янв., с. 7.

[35] Там же.

«уток», впрочем, не исключено, что Маковицкий предпринимал какие-либо шаги втайне от Толстого и его окружающих, полагая возможным, что когда-нибудь писатель все же покинет свой дом. Кому как не Маковицкому была известна атмосфера, царившая в яснополянской усадьбе в последние месяцы жизни Толстого.

Спустя три года после появления заметки в «Политике» проект переселения в Сербию нашел подкрепление в интервью, которое дала Т. Л. Сухотина-Толстая В. Глуздовскому, корреспонденту югославской газеты «Време». Дочь Толстого сообщила, что отец перед смертью намеревался уехать либо в Болгарию, либо в Сербию и что, по ее мнению, он бы скорее поселился в Сербии, где возникла близкая ему секта назаренов и где у Толстого были личные друзья. Татьяна Львовна привела слова отца: «Только среди сербов я мог бы жить в тиши и уединении».[36]

Но и этим не исчерпываются предположения о том, куда хотел уйти Толстой. В 1941 г. вышел биографический роман о Маковицком словацкого писателя П. Звана (псевдоним Э. Голечи) «Се человек». В романе воспроизведена беседа Толстого с его попутчиками в Шамордине, в ходе которой Маковицкий предлагает Толстому отправиться в Словакию, в город Ружомберок, причем, как явствует из романа, предложение это было высказано не впервые. Маковицкий, пишет П. Зван, уже давно лелеял мечту о подобном переселении. Толстой ответил отказом. «Это далеко»,[37] — сказал он.

Данный эпизод, не находящий документальных подтверждений, можно было бы отнести на счет художественного вымысла романиста, если бы не обстоятельства биографии самого П. Звана, который был воспитанником в семье П. Маковицкого, родного брата Д. Маковицкого, и факты для своего романа почерпнул главным образом из рассказов домашних и семейной переписки. В пользу достоверности приведенных в романе данных свидетельствует двоюродная сестра Д. Маковицкого Б. Шкультеты. Покидая с Толстым Ясную Поляну, утверждает она, «Душан не упустил случая и предложил воспользоваться гостеприимством своего брата в Ружомбероке... На всякий случай он написал домой, чтобы ни для кого не было неожиданностью, если они и в самом деле приедут».[38]

Однако в известных нам письмах Д. Маковицкого к его брату в Ружомберок, датированных 26 и 31 октября 1910 г., он ничего не пишет о месте, куда они направляются, и тем более не просит прибежища для Толстого, а в письмах после кончины

---

[36] Глуздовский В. Лав Толстоj намеревао je да дође у Србиjу али га пре тога стига смрт. — Време, 1939, бр. 6095.
[37] Zván P. Ajhl'a, človek! Bratislava, 1967, s. 175.
[38] Mráz A. Doslov. — In: Zván P. Ajhl'a, človek, s. 265.

Толстого либо упоминает все ту же Болгарию, либо, как вариант, называет Грецию.[39]

Словацкий исследователь Ш. Колафа, не пополняя литературу об уходе Толстого новой аргументацией, дополнил список городов, куда русский писатель якобы намеревался переселиться, назвав чешский город Круцембурк.[40]

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что интерес славянских народов к Толстому, их любовь и уважение к великому классику русской литературы способствовали возникновению «славянских версий» о переселенческих намерениях Толстого, версий, казавшихся тем более правдоподобными, чем больше времени отделяло лиц, знавших Толстого, от момента его кончины.

Легенды о «переселении» Толстого — одна из периферийных тем в комплексе вопросов «Толстой и мировая культура», но она имеет непосредственное отношение именно к славянам: ведь среди ее создателей — незаурядные славянские деятели. В этих легендах сказались представления о духовном облике русского писателя, о его симпатиях к угнетенным славянам, знакомство с его публицистикой последнего десятилетия. Возможно, что с помощью славянской печати, архивов будут вскрыты какие-либо неизвестные детали в биографии Толстого и его замыслы, которые ускользнули от внимания исследователей, возможно также, что версии об уходе Толстого останутся «апокрифической» литературой, но и сами эти «апокрифы» свидетельствуют о мировой славе Толстого, о тех глубоких духовных связях, которые характеризуют отношения русской и славянских культур.

---

[39] Элиас М. Толстой, последние дни. — Неделя, 1967, № 8, с. 5.

[40] Kolafa Š. Dušan Makovický — světlá postava slovenských kulturních dějin. — Ruský jazyk, 1967—1968, č. 6, s. 265.

Глава 2

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

В славянской критике второй половины XIX в. шел процесс накопления знаний о писателе — о его творчестве, мировоззрении, о его жизненных установках. От кратких информаций, от упоминаний в общих обзорах критика шла к более дифференцированному и более точному определению места Толстого в современном литературном процессе, пыталась наметить основные черты его метода. Размежевание в оценке некоторых произведений русского писателя и в отношении к его творчеству в

целом происходит на рубеже 80—90-х годов. В это время и позже — в 900-х годах — литературная критика произносит веское слово о Толстом: чех В. Мрштик — в статьях конца 80-х годов; в 80-х годах — Ю. И. Крашевский, позже — Б. Прус, Я. Каспрович в Польше; в 90-х годах выступает с серьезными разборами творчества Толстого сербский критик Я. М. Проданович, в 1900 г. — словенский ученый И. Приятель. По мере распространения этико-религиозных взглядов писателя в некоторых славянских странах начинают выступать в печати его последователи — как правило, не профессиональные литераторы. В 90—900-х годах на творчество Толстого откликается социал-демократическая пресса. Споры о Толстом становятся частью идеологической борьбы в этих странах. Наиболее ярко марксистская критика произведений и взглядов Толстого заявила о себе в Болгарии, где ряд статей о Толстом публикует основоположник болгарского социал-демократического движения Д. Благоев.

Критикуя Толстого, социал-демократические и буржуазно-демократические деятели в славянских странах проясняли важные вопросы отношения искусства к действительности, определяли задачи литературы начала века.

Поднимая на щит его критику буржуазного общества, они вскрывали противоречивость философско-этических построений Толстого и решительно отмежевывались от непротивленческих теорий надклассового и наднационального всепрощения, подчеркивали тот урон, который эти теории наносили национально-освободительному и социал-демократическому движению в их странах. Иными словами, это был анализ, о котором писал В. И. Ленин в статье «Толстой и пролетарская борьба»: «Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в *учении* Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед».[1]

Тот факт, что некоторые критики из славянских стран вступались за Толстого перед критикой русской, заслуживает особого внимания. В этой защите — не только стремление глубже понять побуждения писателя, не только преклонение перед его художественным мастерством, но и зачастую отражение особенностей литературной жизни в славянских странах, отчетливо проявившихся в истории переводов произведений Толстого, первых указаний на него и т. п. Мысль о том, что своеобразие в восприятии одной национальной литературой другой характеризует воспринимающую литературу, высказываемая в последние годы, полностью подтверждается при сопоставитель-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 71.

ном анализе процесса усвоения творчества Толстого славянскими литературами.

Признание толстовского гения было повсеместным, но не одновременным в разных славянских странах; усвоение же творческого метода, стиля Толстого превратилось в длительный процесс, зависевший прежде всего от самой литературной структуры, от уровня литературного развития каждого из славянских народов, процесс, который продолжается и по сей день. Системное рассмотрение взаимосвязей с русским писателем ряда славянских литератур может помочь выявлению глубинных закономерностей развития реализма в славянских странах на рубеже XIX—XX вв., его национальных особенностей. При анализе восприятия славянским миром творчества Толстого, на долгое время определившего направление литературных исканий, следует исходить из того, что каждая национальная литература являет собой «особую динамическую систему», которая развивается «в генетических, контактных, типологических связях с мировым литературным процессом»,[2] и что восприятие импульсов и влияний, исходящих из других литератур, возможно лишь в полном соответствии с «собственным ритмом развития»[3], т. е. со степенью готовности воспринять эти влияния. В этом плане заслуживает внимания тот факт, что при всем интересе, который проявляли славяне к русской литературе, «время» Толстого приходит только в 80-е годы, когда его начинают бурно переводить, т. е. спустя тридцать лет после начала его литературной деятельности.

«Сербский реализм, — утверждает современный исследователь М. Стойнич, — опирается на народное творчество как на непосредственно предшествующую традицию, и потому он уже в своих ростках аутентичен и оригинален. Но на базе одних этих традиций сербский реализм, конечно, не мог быть ни осмыслен, ни оформлен как направление. Формирование его на сербской литературной и культурной основе было обусловлено прежде всего общественно-исторической ситуацией в только что обновленном сербском государстве после двух восстаний в начале XIX в. и осмыслено благодаря идеям, перенесенным в сербскую среду из больших культурных центров восточной и западной Европы — из Вены, Парижа, Киева и Петербурга».[4]

Осмысление и развитие реализма у славян шло в начале XX в. под могучим воздействием русской литературы. «Я всегда был уверен, — писал словинец Й. Цанкар, — что единст-

---

[2] Неупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976, с. 243.

[3] Там же.

[4] Стойнич М. Сербский реализм и русская литература. — В кн.: Русско-югославские литературные связи. М., 1975, с. 8.

венное призвание художника — это критика и борьба».[5] Творчество Толстого служило прогрессивным писателям примером гражданственности. Цанкару же принадлежат слова: «...имеет смысл только такая литература, как тенденциозное творчество Гоголя, Толстого и др., которое стремится утвердить социальные, политические или философские идеи могучими средствами красоты...».[6]

Литературное влияние Толстого критики увидели далеко не сразу, иные современники решительно его отрицали. «Толстой, Достоевский и Тургенев никогда не имели глубокого влияния на сербскую литературу», — утверждал критик Д. Николаевич в 1910 г.[7] Много позднее Й. Бадалич допускал лишь слабое соприкосновение с Толстым в творчестве Л. Лазаревича и С. Ранковича, тогда как сейчас могучее влияние на них Толстого с полным основанием доказывается в статьях Ж. Бошкова, М. Бабовича и др. Й. Бадалич подчеркивает, что хорватская литература «положительно реагировала почти исключительно» на произведения Толстого с сельской тематикой, что для восприятия романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» «не было необходимой социальной почвы: хорватской демократической среде, состоящей из крестьянства, мелкой городской буржуазии (мещанство) и немногочисленной чиновничьей интеллигенции такие герои Толстого, как Нехлюдов, Вронский, были абсолютно чужды».[8] При всей убедительности этих слов нельзя не вспомнить, что такое же социальное положение было и в Чехии, и в Словакии, где тем не менее романы Толстого были оценены чрезвычайно высоко. Следовательно, ключ к восприятию Толстого следует искать с помощью системного анализа всей толщи литературной жизни на рубеже веков. «Толстой осенял нашу культурную и нравственную жизнь», — писал болгарский поэт П. Славейков.[9]

В чем заключалось это «осенение»? Известно, какое ошеломляющее впечатление производило на славянских писателей первое знакомство с творчеством Толстого. Болгарский писатель-народник Т. Влайков, прочитав Толстого, изменил отношение к некоторым своим прежним произведениям. Сербский писатель Л. Лазаревич пришел к В. Ягичу, по воспоминаниям последнего, «вдохновленный и в то же время нервозный. Никто не должен писать, произнес он, кладя на стол только что прочитанную „Анну Каренину" — он сказал все».[10] Лазаревич

---

[5] И. Цанкар. — В кн.: Русско-югославские литературные связи.., с. 295.

[6] Там же, с. 294.

[7] Недељни преглед, Београд, 1910, бр. 17.

[8] Бадалич Й. Русские писатели в Югославии. М., 1966, с. 273.

[9] Славейков П. Съчинения в два тома. Т. 2. София, 1966, с. 447.

[10] Русско-югославские литературные связи.., с. 139.

вновь обратился к литературному творчеству лишь спустя семь лет после этого. «Читаю „Войну и мир" и учусь рвать собственные произведения», — делился в письме польский писатель С. Жеромский.[11] Известно, что произведения Толстого вызвали на рубеже веков целый ряд подражаний. Так, под влиянием пьесы «Власть тьмы» были написаны пьесы В. Оркана «Вина и наказание» (1905) и С. Выспяньского «Судьи» (1907). В Хорватии «Власть тьмы» вдохновила драматургов на создание пьес с подобной тематикой: С. Туцич написал пьесу «Гнилой дом» (1898), Ф. Хрчич — «В сумерках» (1902—1903), Ф. Галович — «Мать» (1907), А. Милчинович — «Без счастья» (1912), Й. Косор — «Пожар страстей» (1912) и др.[12]

«Крейцерова соната» Толстого, напротив, вызвала бурю, в которой сильнее были слышны негодующие голоса. Тот же Л. Лазаревич писал: «Я прочел ее („Крейцерову сонату". — *И. П.*) с болью в душе — что произошло с этим человеком?»[13] Болгарский писатель-сатирик С. Михайловский резко высмеял в сатирическом стихотворении произведение Л. Толстого. Серьезный творческий отклик это произведение вызвало в Моравии, где в 1900 г. в полемику вступил писатель Й. Мергаут (1863—1907), опубликовав роман «Ангельская соната». В ней Й. Мергаут пытался противопоставить толстовской концепции неизбежной дисгармонии супружеской жизни, не исполненной высокими нравственными идеалами, свое представление о добропорядочности буржуазного брака, отвергая, таким образом, социально-обличительный пафос произведения Толстого[14] и не соглашаясь с выводами, которые «ужасали» самого автора «Крейцеровой сонаты». «...Я никак не ожидал, — писал он в „Послесловии", — что ход моих мыслей приведет меня к тому, к чему он привел меня. Я ужасался этим выводам, хотел не верить им, но не верить нельзя было» (27, 88). В противовес осуждению писательница Т. Новакова, активный деятель женского движения в Чехии, призывала вчитаться в произведение Л. Толстого и «признать, что принципы, высказанные в „Сонате" и „Послесловии" к ней, глубоки, правдивы и благородны».[15]

Творчество Толстого оказалось в гуще споров, которые велись в 80—90-х годах о реализме и натурализме. Чешский критик Я. Лир писал: «В русских романах господствует сплошной все разъедающий пессимизм и грубый натурализм. Ни один

---

[11] Письмо Жеромского к Прусу. Цит. по: Prus B. Listy. Warszawa, 1960, s. 93.

[12] Подробнее об этом см.: Бадалич Й. Указ. ст., с. 250.

[13] Цит. по: Русско-югославские литературные связи... с. 140.

[14] О влиянии Л. Толстого на творчество Й. Мергаута см.: Dostálová Z. "Kreutzerova sonáta" včera a dnes (K ohlasům v českém prostředí).— In: Rossica domucensia. XX. Olomouc, 1982, s. 79—87.

[15] Nováková T. Ze ženského hnutí. V Praze, 1912, s. 14.

ческий литератор не описывает пороки и нищету столь подробно и с таким знанием дела, как русские писатели».[16] Спустя много лет критик-социалист Р. Люксембург, повторив почти дословно Лира, укажет на высокогуманную позицию русской литературы: «Ни одна литература в мире не дает более жестоких по реализму описаний, чем грандиозная картина разгула в „Братьях Карамазовых" или „Воскресении" Толстого. Но при всем том русский художник видит в проститутке не „падшую", а человека, душа которого, страдания и внутренняя борьба требуют от него, художника, величайшего сострадания».[17]

Дискуссии, которые велись вокруг произведений русских реалистов, помогали осознавать и определить собственные позиции, превращались в поиски дальнейших перспектив и самоопределения. «Ранкович учился на творчестве Толстого, Гончарова, Щедрина, — считает сербский литературовед П. Палавестра, — он воспринял у русской реалистической школы большой, всесторонний интерес к внутреннему развитию человеческого сознания, к этому бесконечному ряду душевных движений, инстинктов, импульсов и противоречий. . .».[18] Добавим к этому, что именно Ранкович, по мнению советских литературоведов, создал «одну из самых безжалостных картин сербской деревни».[19]

Но русская литература не стояла на месте, в ней шло интенсивное стилевое развитие. Это коснулось и стиля Толстого. В начале XX в. характер его творчества меняется. В его произведениях то и дело происходит смещение от эпики к боевой публицистике. Наиболее значительные произведения последнего периода творчества Толстого — роман «Воскресение» (1899) и пьеса «Живой труп» (1900) обвиняли весь общественно-политический строй царской России. Герои Толстого активизируются: вспомним Хаджи Мурата, Катю Турчанинову («Фальшивый купон»), поляка Иосифа Мигурского («За что?»). Появляется новая форма — хроника, документальное описание. В своей публицистике Толстой (статьи «Рабство нашего времени», «Не убий», «К духовенству», «К рабочему народу», «Одумайтесь!», «Не могу молчать» и др.) прямо обращается к современникам. Мысль о необходимости коренной перестройки действительности становится ведущей идеей позднего творчества Толстого.[20] Толстой стал слышен не только в литератур-

[16] Цит. по: Kautman F. Boje o Dostojevského. Praha, 1966, s. 19.

[17] Люксембург Р. О литературе. М., 1961, с. 206.

[18] Палавестра П. [Предисл.]. — В кн.: Ранкович С. Горски цар. Београд, 1958, с. 8.

[19] Витт В. В., Ильина Г. И., Шерлаимова С. А. Реализм и его соотношение с другими течениями. — В кн.: Славянские литературы. М., 1973, с. 467.

[20] Подробнее об этом см.: Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века. М., 1975, с. 11—23.

ных кругах. На его призывы откликаются ведущие политические деятели, как правило, выражая свое несогласие с предлагаемой Толстым тактикой. В. Коларов, член болгарской рабочей социал-демократической партии в статье «Граф Толстой о нынешнем рабстве»[21] в противовес толстовским поискам «царства божия» на земле выдвинул программу научного социализма. В Сербии против пацифизма Толстого выступали критик М. Богданович и социалист Я. Проданович.

Главной проблемой начала века для славян оставалась проблема определения и освоения стиля прежнего, недавнего и нового Толстого. Возникавшие в связи с этим вопросы творчества одного писателя становились проблемой развития целой литературы, поскольку «подлинно великий стиль... выступает не только как индивидуальный, но и как стиль эпохи в индивидуальном преломлении».[22] «Величие Толстого переходит пределы всех литературных школ и направлений», — писал его современник словацкий писатель Св. Гурбан Ваянский.[23] Творчество Толстого было исключительным явлением в русской и европейской прозе, его сложность заключалась в том, что Толстой был «везде сознательно дуалистичен», что он искал форму, в которой бы выражались и «факт жизни и мысль о нем».[24] Прав исследователь, полагающий стержнем «структур стиля» Толстого «проблему объективной и субъективной мотивировки мира событий и потока сознания, соотношения логики жизни и логики мысли и чувства».[25] Славянские литераторы в конце XIX — начале XX в. в целом не были подготовлены к творческому усвоению многих сторон стиля Толстого, так же как и стилей его великих современников — Достоевского, Чехова, которые «показали огромные возможности реалистического образа в освоении жизни, ее неповторимой сложности, внутренней противоречивости и динамичности».[26]

Подтверждением этой неподготовленности служит то обстоятельство, что славяне зачастую знакомились с Толстым по французским и немецким переводам. Ю. И. Крашевский прочитал «Войну и мир» на французском языке, на французском читала Толстого и чешская писательница К. Светлая. Серб Л. Лазаревич читал «Анну Каренину» на немецком языке, а «Войну и мир» — на французском, словенец И. Цанкар в немецком переводе познакомился с «Воскресением» и трактатом

[21] Венелин (В. Коларов). Из живота и литература. — Ново време, 1901, кн. 3, с. 337—344.

[22] Кожинов В. В. Введение. — В кн.: Смена литературных стилей. М., 1974, с. 6.

[23] Ваянский Г. Граф Л. Н. Толстой как художник и мудрец. — Славянское обозрение, 1982, с. 188.

[24] Ге Н. Г. Стиль как «внутренняя логика» литературного развития. — В кн.: Смена литературных стилей, с. 353, 354.

[25] Там же, с. 363.

[26] Там же, с. 383.

«Что такое искусство?». Известность и слава пришли к Толстому у славян частично под влиянием иностранной критики. «Влияние западной критики на польскую во взгляде на Толстого, — подчеркивает польский исследователь Б. Бялокозович, — не подлежит сомнению, и этот факт необходимо учитывать при изучении польской критической литературы».[27] Это утверждение справедливо и в отношении некоторых других славянских культур.

Практика знакомства с Толстым через иностранные переводы и критику, «приход» Толстого с запада говорит о многом. Это парадоксальное на первый взгляд обстоятельство свидетельствует о разных уровнях реализма в литературах русской и других славянских. Отношение к Толстому выявляет уровень и ритм движения славянских литератур конца XIX — начала XX в. Наряду с общими чертами, присущими литературам всего региона, обнаруживается неповторимость черт, проявляющихся в особенностях межнациональных литературных контактов. Резкая критика современного мира в поздних произведениях Толстого, идея активности, «стойкого неповиновения» связали позднего Толстого с творчеством его младших современников, сыграли важную роль в развитии славянского реализма. Не было писателя, который не прошел бы школу Толстого. Но его уроки были восприняты в каждой литературе по-своему и усваивались в продолжение длительного времени писателями-реалистами XX в. Тем не менее следы влияния Толстого в произведениях некоторых славянских писателей можно увидеть уже в конце XIX в.

Творческий метод Толстого волновал и не поддавался определению. Глубокий, особый психологизм, какого не знала до него мировая литература, широта охвата действительности, беспредельная искренность и бесстрашие в обнажении тайников человеческой души, вызов, бросаемый сильным мира сего, выдвижение нравственных критериев как спасительного начала в развращенном и убивающем личностное начало мире капиталистического предпринимательства, в мире войн, попрания свободы — все это поднимало авторитет Толстого во всем мире. Особенно активно подхватывалось публицистическое новаторство Толстого. Привлекало к писателю то, что «вопреки ложным сторонам доктрины, не только в художественных произведениях, самом творческом методе писателя, но и в его философско-публицистической прозе утверждается идея активности. Уверенность Толстого в ее реальности зиждилась на ощущении глубокого кризисного состояния современного мира, нуждающегося в коренном обновлении».[28] Очень важно, что именно

---

[27] Бялокозович Б. Толстой в Польше. — В кн.: Литературное наследство. Т. 75. Л. Н. Толстой и зарубежный мир. Кн. II. М., 1965, с. 254.
[28] Келдыш В. А. Указ. ст., с. 22.

такое восприятие современности, проявившееся особенно сильно у позднего Толстого, сделало его соратником писателей младшего поколения, поднимавших знамя революционной борьбы. Это было важно для развития русского реализма, это сыграло большую роль в восприятии толстовского творчества писателями славянских стран, теми, кому суждено было стать носителями толстовских традиций, по-своему преломляя их в своем творчестве.

В 1908 г. совсем молодой писатель, в будущем крупнейший чешский прозаик Карел Чапек, написал со своим братом Йозефом знаменательные слова: «Сейчас нет места для библейской божьей общины и евангельская доброта не присуща человеку. Учение Толстого превращается в утопию... Сложную современную жизнь нельзя свести к старозаветной идиллии, а усложненные потребности души современного человека — к четырем евангельским добродетелям.

Но наряду с Толстым, морализующим и благовещающим, благодетельным пастырем христианских душ и социальным евангелистом, стоит Толстой пишущий. Наряду с иконоборцем, отвергающим искусство, наряду с аскетическим врагом современной культуры стоит художник. Возможно, первый глубже, второй — крупнее и ближе нам... Только будущее покажет, кто останется в скрижалях истории европейской культуры — романописец или правдовещатель, что долговечнее — послание Христа, вложенное в уста Толстого, или могучие произведения его человеческого мозга, ореол святого или профиль писателя. Утверждать можно одно: если бы изменчивая душа человечества вдруг забыла о правдах, которые рассевал божий пахарь Толстой, она не сможет забыть „Анны Карениной", „Детства", „Отрочества" и „Юности", „Войны и мира", „Воскресения" и „Власти тьмы", их мощной психологической структуры, их человеческой глубины, великого дыхания толстовской эпики».[29] А спустя восемь лет после этого, уже в конце первой мировой войны К. Чапек в письме к С. К. Нейману написал: «Наконец-то у нас появилась первая книга статей военного времени, написанная Ф. В. Крейчи. Он говорит в ней, что война сделала свою переоценку, одним махом перечеркнув все, во что Крейчи и его поколение верили: от Толстого и Маркса до Уитмена и Золя. Бедное поколение! Для нас, молодых, ни на иоту не убыло из их великих библий».[30]

Среди широких слоев читателей в славянских странах имели хождение толстовские рассказы для народа, просветитель-

---

[29] Чапек К. Запоздалый этюд по поводу юбилея великого человека. Прага, 1908 г. — Подробнее о воздействии Толстого на формирование художественного метода Чапека см.: Малевич О. Карел Чапек и Россия. — Вопр. лит., 1965, № 7.

[30] Dyk V., Neuman St. K., bratři Čapkové. Korespondence. Praha, 1962, s. 165.

ско-воспитательное начало которых высоко ценили славянские общественные и литературные деятели.

В самом начале века внимание деятелей народного просвещения привлекла педагогическая программа Л. Н. Толстого. В Болгарии взгляды Толстого на школьное образование пропагандировал и развивал журнал «Свободное воспитание». В Чехии обрели популярность толстовские мысли о школе и воспитании в связи с теориями великого чешского мыслителя и педагога XVII в. Я. А. Коменского. Там стали писать об историческом предназначении славян в деле освобождения школьного процесса от рутинерства, зубрежки, муштры, насильственного вдалбливания знаний, объединив идеи Коменского о «школе-игре» с мыслями Толстого о «свободном воспитании». В Софийском университете усилиями последователей педагогики Толстого, прежде всего П. М. Нойкова, автора фундаментального исследования «Педагогика Толстого»,[31] была основана кафедра педагогики. В Чехии вышло не менее фундаментальное исследование К. Велеминского.[32] На рациональное начало в педагогических взглядах Толстого и на необходимость их использования при создании социалистической системы образования не раз указывала Н. К. Крупская, много сил отдававшая строительству новой школы.[33]

У Толстого — художнка и мыслителя славянские деятели искали ответ на вопросы как литературного, так и внелитературного порядка. Из многогранного и разнообразного общения со славянским миром немало, как мы видели, почерпнул и Толстой, изучение которого невозможно в отрыве от общеславянского контекста. Правильно понять и оценить роль славяно-толстовских контактов в деле взаимообогащения родственных культур помогают работы о Толстом В. И. Ленина, написанные в пору наиболее интенсивных связей русского писателя со славянским миром.

---

[31] Нойков П. М. Педагогията на Л. Н. Толстой. Год. CV. 1910 (за 1908—1909). Истор.-филол. фак-т, № 1, с. 234. — Получив от автора книгу, Толстой «просматривал ее и прочитывал, находил очень основательной и подробной по изложению. Видимо, был приятно удивлен ею», — записывает Маковицкий 6 ноября 1909 г. (Литературное наследство, т. 90, кн. IV, с. 97).

[32] Velemínský K. Pedagogika Tolstého. — In: Tolstoj L. N. Články pedagogické. D. 1. Praha, 1912, s. 448. — В книгу вошли педагогические статьи Толстого 1870—1910 гг., библиография литературы о педагогике Толстого. На имеющемся в Ясной Поляне экземпляре есть надпись, сделанная по предположению научного сотрудника Музея Т. Н. Архангельской рукой Льва Львовича Толстого: «...книга Вельминского, по-видимому, самый полный источник».

[33] Лебедева В. Л. Н. Толстой в педагогических трудах Н. К. Крупской. Тула, 1971.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

11*

СОДЕРЖАНИЕ

1 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА